

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

МУКАБЕНОВА ЖАННА АЛЕКСЕЕВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

Научный руководитель –
доктор филологических наук
В.Н. Мушаев

Элиста – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ КАК ФРАГМЕНТОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	10
1.1. Язык, культура, картина мира как элемент культуры.....	10
1.2. Трактовка понятия лингвоцветовой картины мира в современном языкознании	16
1.3. Лингвокультурологические исследования цветообозначений в языковой картине мира калмыков и корейцев	24
1.3.1. Цвет в калмыцкой лингвокультуре: аспекты исследования.....	25
1.3.2. Цвет в корейской лингвокультуре: аспекты исследования	32
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	43
ГЛАВА 2. ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ	45
2.1. Ахроматические цвета (белый, черный) в калмыцком и корейском языках.....	46
2.1.1. Белый <i>цаһан</i> в калмыцкой лингвокультуре	46
2.1.2. Белый <i>흰다</i> в корейской лингвокультуре	52
2.1.3. Черный <i>хар</i> в калмыцкой лингвокультуре	59
2.1.4. Черный <i>검다</i> в корейской лингвокультуре	68
2.2. Хроматические цвета (красный, желтый, синий)	75
2.2.1. Красный <i>улан</i> в калмыцкой лингвокультуре.....	75
2.2.2. Красный <i>붉다</i> в корейской лингвокультуре.....	82
2.2.3. Желтый <i>шар</i> в калмыцкой лингвокультуре	91
2.2.4. Желтый <i>누르다</i> в корейской лингвокультуре.....	97
2.2.5. Синий <i>көк</i> в калмыцкой лингвокультуре	107
2.2.6. Синий <i>푸르다</i> в корейской лингвокультуре.....	113
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	122
ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ БАЗОВЫХ ЦВЕТОЛЕКСЕМ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ (РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)	125
3.1. Экспериментальное исследование базовых цветов в калмыцком и корейском языках	125
3.2. Ахроматические цвета (белый, черный).....	132
3.2.1. Белый в языковом сознании калмыков и корейцев.....	132
3.2.2. Черный в языковом сознании калмыков и корейцев	139
3.3. Хроматические цвета (красный, желтый, синий)	147
3.3.1. Красный в языковом сознании калмыков и корейцев.....	147
3.3.2. Желтый в языковом сознании калмыков и корейцев.....	153
3.3.3. Синий в языковом сознании калмыков и корейцев.....	160

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	172
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	173
СЛОВАРИ	201
ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	202
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	205
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	214
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	226
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	229
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	232

ВВЕДЕНИЕ

Цвет относится к одному из изначальных сигнальных маркеров восприятия и понимания. Все, что человек совершает, он визуально на уровне чувств и ощущений отражает в своей языковой картине мира. Специфическими элементами этнической языковой картины мира являются цветообозначения с их особым культурным фоном и богатой символикой.

Цветообозначения в качестве объекта лингвистических исследований выступают с 70-х годов XX века, и к настоящему времени имеются научные результаты разноаспектного изучения лексики цвета на материале разных языков мира, выявляются актуальные проблемы лингвоколористики, определяются дальнейшие перспективы анализа колоронимов. Одной из важных теоретических проблем данного направления является вопрос выбора терминологии (Борисова 2008). Ряд работ посвящен семантике, сочетаемости, символике цветообозначений, в том числе и в аспекте перевода (Аксенова 2016; Ващенко 2000; Рахилина 2000; Рахилина 2007; Макеенко 1999). Анализируются цветообозначения в художественных текстах как элементы проявления индивидуального стиля поэта или писателя (Биль 2010; Тимофеева 2003). Пристальное внимание ученых обращено на вопросы лингвокультурологической специфики цветообозначений, например, выявляются особенности цвета в этнических картинах мира на материале русского, башкирского, бурятского и др. языков (Вежбицкая 1997; Лапшина 2011; Маслова 2014; Маслова 2004; Файзуллина 2005; Хинзеева 2011; Алымова 2007; Цыганова 2000; Габышева 2009; Кормушин 2001; Охрицкая 2010, Муратова, 2018, Муратова 2024), анализируются особые цветовые концептосферы (Гатауллина 2005; Кульпина 2019). Уникальность лингвоцветовой картины мира доказывается и в исследованиях сопоставительного характера, выполненных, как правило, на материале разноструктурных языков (Ансорова, 2022; Жаркынбекова 2024; Кульпина 2001; Светличная 2003), с применением метода ассоциативного эксперимента

(Василевич 1987; Василевич 1983; Жаркынбекова 1999; Жаркынбекова 2003; Касаткина 2016; Семенова 2005; Бухаева 2010; Самбуева 2005).

Цветобозначения в монгольских языках, в том числе и в сравнительном аспекте, рассматриваются с точки зрения этимологии (Кузьменков 1988), семантики (Майзина 2008; Пименова 1990; Семенова 2010), лингвокультурологии (Олядыкова 2006; Санжина 2018; Омакаева 2009).

Большинство исследований цветовой лексики в калмыцком языке проводится на материале культурно значимых текстов – эпоса (Бадгаев 2015; Бачаева 2015; Манджикова 2002; Омакаева 2019а; Омакаева 2019б; Омакаева 2001; Салыкова 2013), сказки (Баянова 2020); триад (Босхомджиева, Менкенова 2014; Омакаева 2011), фразеологизмов (Куканова, Омакаева 2011). Значительная часть работ посвящена цветовым концептам в калмыцкой лингвокультуре (Голубева 2009; Голубева 2008; Есенова 2012; Есенова, Кравченко 2002; Монраев 2006; Монраев 2008; Монраев 2009; Омакаева 2009 д).

Цветобозначения в корейском языке и в корейской лингвоцветовой картине мира представляют собой малоизученную тему (см., например, работы (Щим, Львова 2007; Лапшина 2011, Дубровская 2014, Дубровская 2015, Жукобаева 2019, Чве, Чве 2020) и требуют дальнейших лингвистических изысканий.

Колоронимы представляют собой богатый материал, анализ которого позволяет выявить национальную специфику языковой картины мира этноса. Особенности национальной языковой картины мира еще более четко проявляются в результатах исследований сопоставительного характера, выполненных на материале разных языков

Актуальность данного исследования обусловлена важностью изучения лингвокогнитивной категории цвета в калмыцкой и корейской языковой картине мира, отсутствием специальных сопоставительных исследований калмыцкой и корейской национальной лингвоцветовой картины мира. Учитывая традиционную символическую нагруженность цветобозначений, их

функционирование в устойчивых сочетаниях, не менее важно иметь представление об имеющихся сходствах и различиях в восприятии и культурном представлении базовых цветов, отражающихся в языковом сознании современных носителей калмыцкой и корейской лингвокультур.

Объект диссертационного исследования – языковая картина мира калмыков и корейцев.

Предметом исследования являются обозначения базовых цветов (белый, черный, красный, желтый, синий) в калмыцком и корейском языках, их культурная нагруженность и современный ассоциативный фон.

Цель диссертационного исследования – выявление традиционных и современных лингвокультурных особенностей фрагментов этнокультурной языковой картины калмыков и корейцев – цветообозначений цаһан / 회다 (белый), хар / 검다 (черный), улан / 붉다 (красный), шар / 누르다 (желтый), көк / 푸르다 (синий).

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих **задач**:

1. Определить основные направления изучения национальной специфики цветообозначений.

2. Уточнить символическую нагруженность и оценочность цветообозначений цаһан / 회다 (белый), хар / 검다 (черный), улан / 붉다 (красный), шар / 누르다 (желтый), көк / 푸르다 (синий) посредством анализа калмыцких и корейских культурно значимых текстов.

3. Выявить современное восприятие цветообозначений носителями калмыцкой и корейской культуры, используя метод ассоциативного эксперимента.

4. Осуществить сравнительный анализ ассоциативных полей обозначений базовых цветов в калмыцкой и корейской лингвоцветовой картине мира.

5. Выявить универсальные и этноспецифические лингвокультурные элементы ассоциативных цветовых полей в калмыцкой и корейской языковой картине мира.

Теоретической и методологической основой диссертационной работы являются фундаментальные лингвистические исследования (Берлин, Кей (1969), Ю.Д. Апресян (1995), В.Б. Касевич (1996), И.В. Макеенко (1999), В.Г. Кульпина (2001, 2019), и др.), а также труды в области когнитивной семантики, психолингвистики, лингвокультурологии (А.А. Залевская (1971, 2005), Р.М. Фрумкина (1984, 1992), А.П. Василевич (1983, 1987), В.И. Карасик (1996, 2000, 2002), Г.Д. Гачев (1998), Ю.Н. Караулов (2000, 2004), Е.В. Рахилина (2000, 2007), Е.И. Горошко (2001), Т.Ю. Светличная (2003), В.П. Белянин (2005), И.А. Стернин, З.Д. Попова (2006, 2007), Ю.А. Сорокин (2007) и др.)

Научная новизна работы заключается в следующем: проанализирована и систематизирована символика и оценочность цветообозначений в культурно значимых текстах на калмыцком и корейском языках; осуществлен сравнительный анализ базовых цветообозначений калмыцкого и корейского языков; выявлены глубинные сходства и специфика калмыцкой и корейской лингвоцветовой картины мира; определены ассоциативные поля калмыцких и корейских базовых цветообозначений, включающие в себя как традиционные лингвокультурные элементы, так и новые современные культурно отмеченные единицы

Теоретическая значимость работы. Диссертационное исследование вносит вклад в развитие сопоставительных исследований лингвоцветовой картины мира разных этносов, способствует уточнению лингвокультурной специфики колоративов. Применение ассоциативного эксперимента, обеспечивающего получение данных о современном составе ассоциативных полей базовых цветообозначений, подтверждает эффективность данного способа исследования языкового сознания носителей калмыцкой и корейской лингвокультур.

Практическая значимость работы. Материал и результаты свободного

ассоциативного эксперимента могут быть использованы в образовательных программах для разработки лекционных курсов по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, спецкурсов по лингвоколористике (в том числе в сопоставительном аспекте), переводоведению.

Материалом исследования являются устойчивые сочетания с цветообозначениями цаһан / 회다 (белый), хар / 검다 (черный), улан / 붉다 (красный), шар / 누르다 (желтый), көк / 푸르다 (синий), извлеченные из словарей калмыцкого и корейского языков, сборников пословиц, поговорок, фразеологизмов, а также реакции на стимулы-цветообозначения, полученные в ходе ассоциативного эксперимента от носителей калмыцкой и корейской лингвокультур.

В диссертационном исследовании используются различные **методы** научного исследования: сопоставительный метод, позволяющий установить национально-культурную специфику калмыцкой и корейской лингвокультуры; описательный метод, необходимый для классификации и обобщения лингвистического материала; ассоциативный эксперимент позволяет выявить особенности лингвоцветовой картины мира калмыков и корейцев. В работе также используются метод комплексного концептуально-семантического анализа, лингвокультурологический анализ, прием частотно-статистической характеристики и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Цветовые представления калмыков и корейцев, имеющие глубинное сходство, обладают национальной спецификой, обусловленной особенностями культурно-исторического развития этносов. Среди элементов, составляющих культурный фон базовых цветообозначений калмыцкого и корейского языков, обнаруживаются как общие для народов Азии, так и этноспецифические.

2. Данные, полученные в ходе ассоциативных экспериментов, позволяют выполнить сравнительный анализ восприятия цветообозначений носителями калмыцкой и корейской лингвокультур и способствуют выявлению их

особенностей (например, в ядро ассоциаций с черным цветом в языковом сознании калмыков входит 'смерть', 'шулмусы', в то время как в языковом сознании корейцев ядро цветообозначения «черный» составляют прилагательные 'темный' и 'аккуратный').

3. Изменчивость образа базового цветообозначения обусловлена динамикой социокультурной среды, в том числе сменой реалий. Различия, наблюдаемые в использовании наименований цвета и их восприятии, определяются культурными традициями калмыков и корейцев.

4. Ассоциативное поле базовых цветообозначений в калмыцкой и корейской языковой картине мира, частично сохраняя традиционные лингвокультурные элементы, вбирает в себя новые современные культурно отмеченные единицы.

5. Образ слова-цветообозначения формируется в сознании индивида (носителя конкретного языка и определенной лингвокультуры) под влиянием факторов индивидуального знания, культурной информации о базовом цвете и стереотипов.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования цветовых компонентов были представлены в докладах на научных конференциях общероссийского и международного уровней «Язык и межкультурная коммуникация в современном мире» (Курск, 2015); «Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований» (Элиста, 2020). Содержание исследования отражено в 10 научных статьях, 5 из которых опубликованы в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 5 – в изданиях, индексируемых в РИНЦ (из них 2 – в сборниках материалов научных мероприятий).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (277 наименований) и пяти приложений.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ КАК ФРАГМЕНТОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. Язык, культура, картина мира как элемент культуры

Многовековая история лингвофилософской проблемы взаимосвязи языка и культуры утверждает культуuroобразующую природу языка [Зиновьева 2016: 6]. Язык – важнейший инструмент в познании мира, им можно выражать свое мировоззрение, с его помощью осуществляется трансляция историко-культурной информации, важной и необходимой для социума. Таким образом, носитель языка и есть носитель субъективной культуры, которая в целом может представить и демонстрировать национальную ментальность или национальное сознание одной общности. Взаимосвязь языка и культуры дает достаточно полное представление о базовых культурных установках, что позволяет говорить о ее значимости.

Можно сказать, что образ жизни человека создает ментальные убеждения, влияющие на сценарий и механизм мышления, а те, в свою очередь, формируют национальную культуру, которая определяет своеобразие психической и языковой организации национального сознания.

Опираясь на работы французских историков и данные ассоциативных словарей, Ю.Н. Караулов демонстрирует возможности изучения национально-культурной памяти на материале русского языка. Носителем информации становится не текст, а феномен «языковая личность», введенный Карауловым и ставший популярным в научном сообществе. Человек становится не просто носителем языка, но и носителем целой культуры, многофункциональной системы жизненных ценностей. Национально-культурная память, в свою очередь, состоящая из «мест памяти», является важной и основной составляющей национального сознания [Караулов 1989].

Изучение вопросов соотношения языка и культуры невозможно без обращения к результатам осмысления данного феномена в таких областях, как философия, этнография, социология и др. (см., например, работу [Зиновьева

2016], где, рассмотрены, начиная с изысканий В. фон Гумбольдта, позиции различных научных школ и труды зарубежных и отечественных ученых,). Общепризнанным является факт, что даже при различиях в подходах к данной проблеме «практически все признают, что культура и язык неразрывно связаны» [Карасик 2016: 6].

О языке и среде писал Э. Сепир, обращая внимание на то, что взаимозаменять понятия «культура» и «окружающая среда» будет неправильно, так как «среда может непосредственно воздействовать лишь на индивида, а в тех случаях, когда мы имеем дело с той или иной чертой общественной культуры, обусловленной исключительно средой, мы должны интерпретировать эту черту как результат суммирования влияний факторов среды на отдельных представителей данного общества. Таковую форму воздействия среды на социальные группы нельзя, однако, назвать самой обычной. Достаточно, чтобы в этих группах каждый отдельно взятый индивид имел возможность непосредственно реагировать на свое окружение и увлекать за собой остальных членов группы, чтобы они, осознанно или неосознанно, разделили с ним то воздействие, которому он подвергся» [Сепир 1993: 270].

Согласно концепции релятивизма Э. Сепира и его последователя Л. Уорфа, реальный и самый настоящий мир отражен в языке и человек воспринимает мир через призму языка. К гипотезе Сепира–Уорфа при сопоставлении цветоименований в различных языках обращались, например, В. А. Москович [Москович 1969], У. Л. Чейф [Чейф 1976], В. Б. Касевич [Касевич 1977], А. П. Василевич [Василевич 1982] и др. Эта теория принята не всеми исследователями, некоторые ученые выдвинули свои концепции связи языка и окружающего мира и языковой картины мира (Р. М. Фрумкина [Фрумкина: 1984], Б.А. Серебренников [Серебренников 1988], А. Вежицкая [Вежицкая 1997]), в том числе и цветовой картины мира. Р.М. Фрумкина в монографии «Цвет, смысл, сходство» отмечает, что в сознании носителя языка существует «наивная картина мира цвета, которая фиксируется посредством

языка, хотя ни процесс фиксации, ни возникающие при этом связи и отношения самим говорящим не осознаются» [Фрумкина 1984: 32].

Различным аспектам проблемы картины мира посвящены труды Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995]; С.А. Аскольдова [Аскольдов 1997]; А.В. Бондарко [Бондарко 1996]; Г.В. Колшанского [Колшанский 1990]; Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1996]; В.Б. Касевича [Касевич 1996]; В.Г. Кульпиной [Кульпина 2001]; Н.С. Новиковой [Новикова 2000]; В.А. Пищальниковой [Пищальникова 1999]; Б.А. Серебренникова [Серебренников 1983]; Ю.С. Степанова [Степанов 1997]; О. А. Турбиной [Турбина 1997]; Н.В. Черемисиной [Черемисина 2000]; Ч. Филлмора [Филлмор 1998] и др.

Картина мира делится на *концептуальную(научную) и языковую*.

Концептуальная картина мира – это существующее в нашем сознании представление о мире, данное в виде специфическим образом организованных и структурированных концептов. По сути, концептуальная картина мира – это не картина, которая передает изображение мира, а мир, предстающий в виде картины [Пестова 2022: 21]. Иными словами, концептуальная картина мира есть результат познавательной и мыслительной деятельности человека. Отношение человека с природой, взаимодействие с окружающей средой пополняет человеческий мозг разной новой информацией о мире. Поступающая информация в разум человека формирует идеальный мир в сознании в виде категорий, понятий, аспектов. Этот мир или информация в сознании человека моделируется, структурируется и выражается с помощью языка.

По трактовке В.Б. Касевича языковые знания – это знания, закодированные в словарях и грамматике, то их совокупность и есть *языковая* картина мира [Касевич 1996: 179]. Е.И. Зиновьева предлагает иную дефиницию языковой картины мира: «Языковая картина мира – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых языков. То есть *языковая* картина мира – это мировосприятие через призму языка» [Зиновьева 2016: 26].

В.Н. Телия, инициатор лингвокультурологической парадигмы исследования в лексике и фразеологии, считает, что «языковая картина мира – это информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями. Она обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка» [Телия 1988]. Необходимо отметить также, что *языковая* картина мира создается красками так называемой конкретной лексики и опредмечиванием процессуальных значений, а также использованием синтаксических конструкций, изначально отображавших отношения между элементами предметно воспринимаемой действительности, в том числе и лицами как производителями физических действий.

Исследование *языковой* картины мира какого-либо народа является важным направлением в лингвокультурологии, понимание языка при этом не ограничивается исключительно рамками коммуникации, язык выступает в качестве культурного кода нации.

В научных трудах, где рассматриваются проблемы исследования *языковой* картины мира, характеристики *научной* картины мира, как правило, оказываются более четко представленными на фоне противопоставления *наивной* картине мира [Апресян 1995: 56-78]. «*Наивная*» языковая картина мира отражает национально-культурную специфику сознания народа – носителя языка, что дает основание говорить о национальной языковой картине мира, состоящей из мировидения представителей конкретного национального лингвокультурного сообщества. *Языковая* картина мира может быть наивной, но никак не примитивной [Зализняк 2013].

Связь «человек – язык – культура» – основной материал лингвокультурологии. Говоря о предмете лингвокультурологии, В.Н. Телия, актуализирует исследование и описание культурной семантики знаков языка (как лексем, так и текстов) в синхронии, поскольку употребление номинаций в

живой коммуникации способно показать культурно-национальную ментальность носителей языка [Телия 1999: 14]. При этом указывается, что интерактивные процессы взаимодействия двух семиотических систем (языка и культуры) исследуются с позиций культурно-языковой компетенции говорящего/слушающего; экспликация когнитивных процедур, осуществляемых субъектом при интерпретации культурно значимой референции языковых знаков, проводится на материале живого функционирования языка в дискурсах разных типов с целью изучения *«культурного самосознания, или ментальности, как отдельного субъекта, так и сообщества в его полифонической цельности»* [Телия 1999: 15]. Нельзя не признать, что постепенно происходит осознание необходимости решительной переориентации подобных исследований с сопоставительного анализа языковых систем на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка и увязываемых с ним культурных ценностей, языкового сознания, языковой компетенции и т.п.

По мнению А.А. Залевской, «реализация поставленных В.Н. Телия задач требует комплексного подхода к исследуемым фактам с позиций семиотики, лингвистики, психолингвистики, психологии, социологии, культурологии и т.д. с применением специально разработанных методов» [Залевская 2000: 41].

Изучение феномена национально-культурного сознания уже можно считать частью мировой науки. Когда мы говорим о сознании, то имеем в виду такой вид психического отражения, которому свойственна эгоцентричность; иначе говоря, сознание соответствует понятию самосознания [Касевич 1997: 104]. Культурный компонент может рассматриваться с разных сторон, и такая многогранность и гибкость этого явления (понятия) легко включает культуру в разные другие теоретические науки. Анализируя познавательные процессы человека, можно легко заметить огромное влияние культуры на этот процесс, который рождает такие понятия, как «менталитет» или «национальный характер» народа. Этническое сознание и этническая идентичность послужили толчком для создания новых направлений исследований: «этническая

конфликтология» [Сорокин 1994], «этнопсихоллингвистика» [Сорокин 1998], «этнография общения» [Базылев 2000], «этнотранслятология» [Филология и культура 1999: 86], «этногерменевтика», «этнориторика», «этноконнотация», «когнитивная этнопсихоллингвистика» [Когнитивная лингвистика 1998: 25, 30, 38] [Залевская 2000: 39].

Менталитет же как базовое понятие лингвокультурологии очень близко к понятию «мировидение» [Ревель 1993: 51]. Человек воспринимает этот мир субъективно. Например, предметы и события, происходящие в жизни человека, могут совершенно по-разному интерпретироваться и проживаться одним и другим человеком. Если же брать целую нацию или этническую общность, то общее представление об окружающей действительности можно назвать менталитетом народа. А точнее, то, что отличает одну нацию от другой, по сути приравнивает понятие менталитет к «картине мира» [Зиновьева 2016: 19].

Когда мы говорим о культуре человечества, то говорим о многообразии разных этнических культур в одной универсальной картине мира. «Этническое своеобразие проявляется во всем: в том, как люди работают, отдыхают, едят, как говорят в различных обстоятельствах и т.д.» [Маслова 2001: 11].

В. П. Руднев представляет феномен картины мира как систему интуитивных представлений о реальности. Так, представляется возможной реконструкция картины мира индивида или как-либо части социума, при этом внимание обращается на соотношении картины мира и конкретного исторического отрезка [Руднев 1997]. Рассматривая гипотетическую возможность реконструкции универсальной картины мира, исследователь указывает на высокую степень абстрактности такого конструкта и в качестве примера приводит в том числе и цветовые бинарные оппозиции белого и черного, по-разному воспринимаемые в различных группах.

Одним из аспектов, из которого состоит картина мира, есть цвет. Весь наш мир цветной, в нем множество красок и оттенков. В результате жизненного опыта человек формирует понятие о цвете. Изучением цвета разных народов занимались многие исследователи с различных позиций, в связи с этим

возникли и трудности, доказывающие особую специфику восприятия цвета разными народами, особые культурные ассоциации [Тимофеева 2003: 3].

Выбор цветообозначений в качестве объекта исследования, по мнению лингвокультурологов, дает возможность уточнить особенности *национальной языковой* картины мира и специфику национального мировидения индивида, поскольку восприятие цвета тесно связано с национально-культурной спецификой *языковой* картины мира [Алымова 2007].

Специфика лингвоцветовой картины рассматривается в следующем параграфе.

1.2. Трактовка понятия лингвоцветовой картины мира в современном языкознании

Языковая картина мира отличается своеобразием в каждой культуре, вбирая в себя общие представления о социальных нормах и ценностях, особенностях окружающей действительности, мировосприятие своего и чужого. Категория цвета, о которой идет речь в этой главе, фиксирует данные о цветовом разнообразии окружающего мира и его восприятии в зависимости от сформировавшихся этнических традиций, в том числе и эстетических, связанных с образным мировидением. Она входит в состав *языковой* картины мира, а точнее – *лингвоцветовой* картины мира и далее – *цветовой*. *Цветовая* картина мира основывается на особенностях цветового восприятия той или иной культуры и отражается в ментальном пространстве каждого отдельного человека. Фундамент исследований цветовых представлений в языке заложили такие ученые, как В. Тернер [Тернер 1983], Б. Берлин, П. Кей [Берлин, Кей 1969], Р. М. Фрумкина [Фрумкина 1984], М. А. Бородина, В. Г. Гак [Бородина, Гак 1971].

На протяжении целых столетий человеческая мысль пыталась проникнуть в физическую и физиологическую природу цвета, понять его влияние на сознание людей, изучить его эстетику. Поэтому неудивительно, что феномен цвета привлекал внимание исследователей в разных областях научного знания

– от психологии, филологии, медицины до философии, этнологии, культурологии, геральдики, а в последнее время стал интересен широкому кругу специалистов в области языкознания. По мнению Е.В. Рахилиной, цвет служит для того, чтобы отличить один предмет физического мира от другого, ему подобного. Эта «различительная» функция особенно проявляется в тех случаях, когда объекты существуют в большом количестве экземпляров. Соответственно, внимание к словам, содержащим сему «цвет», обуславливается их важностью в формировании личностных представлений об окружающей действительности, а цвет (как явление) становится с лингвистической точки зрения релевантной характеристикой и может быть описан языковыми средствами [Рахилина 2000: 170-171]. Более того, лингвистика, изучающая формирование второй, знаковой системы действительности, суммирует в концентрированном виде достижения философских, естественно-научных и гуманитарных наук в области единых принципов отражения цвета и его оттенков, универсальной функции цветообозначений и пр, не перечеркивая их, а переосмысляя и уточняя, и тем самым вносит весомый вклад в изучение наименований цвета в качестве элементов языковой структуры и неотъемлемой части концептуальной картины мира [Боженкова, Баскакова 2012: 13].

Институционализация лингвистики цвета (лингвистического цветоведения) как научного направления, начавшего свое становление в 50-60-х годах XX века и изучающего функционирование цветослов в различных аспектах, в современном языкознании очевидна и, по мнению В.Г. Кульпиной, приобретает «все более конкретные черты» [Кульпина 2002: 7]. Так, сформировался круг ученых, обсуждающих специфику функционирования цветоименований в различных языках, сложился банк колористических проблем, накопилась в достаточном объеме научная литература по описанию цветослов. Явно обозначился и объект научных исследований лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы – лексические единицы, содержащие в своем составе разнообразные цветовые семы и соответствующим

образом конкретизирующие взаимосвязь важнейших философских универсалий – языка, мышления и социума.

Сегодня при исследовании цветоименований широко используются различные методики (компонентный, контекстуальный, статистический анализ и т.д.), создаются новые исследовательские приемы (психолингвоколористический эксперимент, определение индекса живописности и т.д.), предполагающие не только наиболее полное описание состава цветообозначений, но и особенностей их употребления и восприятия разными этноментальными группами. На базе категорий сопоставительной лингвистики (таких понятий, как симметрия – асимметрия, сходство – различие, схождение – расхождение, соответствие – несоответствие, исходный язык – сопоставляемый язык и др.) определен основной понятийно-терминологический аппарат лингвистики цвета.

Вместе с тем представленный в лингвистике массив исследовательских работ явно характеризует 6 самостоятельных векторов научных изысканий: историко-эволютивный, функционально-грамматический, психолингвистический, когнитивно-семантический, сопоставительный и лингвокультурологический, которые, с одной стороны, отражают динамичность становления цветолингвистической концепции, с другой – демонстрируют некоторую изолированность авторских подходов к методологии колористического языкознания в целом.

В рамках *историко-эволютивного* направления изучается история слов или групп слов, называющих цвет, рассматривается процесс формирования и компонентный состав в тот или иной период развития языка (Н.Б. Бахилина [Бахилина 1975], А.П. Василевич [Василевич 2007], Е.М. Иссерлин [Иссерлин 1969], Ю.В. Норманская [Норманская 2005]); *Функционально-грамматический* подход, представленный в работах Е.В. Губенко [Губенко 1999], С.И. Меньчевой [Меньчева 2004], Г.К. Тойшибаевой [Тойшибаева 1990], концентрируется на вопросах использования цветообозначений в художественных текстах. Это связано с тем, что цветопись является одним из

неотъемлемых элементов идиостиля писателя / поэта: цветообозначения помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев. Некоторые ученые (например, З.П. Даунене [Даунене 1966] и А.А. Кайбияйнен [Кайбияйнен 1996]) анализируют морфологические и синтаксические особенности цветообозначений с последующим выделением наиболее частотных, значимых цветослов и определением их функциональной нагруженности.

Психолингвистический вектор формируется вокруг исследований Р.В. Алимпиевой [Алимпиева 1982], Л.В. Василевича [Василевич 1987] Л.С. Гуриева [Гуриев 1993], Е.Н. Колодкиной [Колодкина 2010], Р.М. Фрумкиной [Фрумкина 1984], П.В. Яньшина [Яньшин 2024]. Здесь изучаются психологические характеристики цвета в пространстве текста и их влияние на сознание читателя.

Сторонники *когнитивно-семантического* направления – А. Вежицкая [Вежицкая 2001], Л.А. Качаева [Качаева 1970], Е.В. Рахилина [Рахилина 2007] – рассматривают процессы развития семантической структуры отдельных цветов, формирование символических значений у цветообозначений, становление лексико-семантических групп цветowych слов. На основании общности значений исследователи таксономизируют цветочные слова, выявляют колоронимы, имеющие прямое и переносное значения; через призму когнитивных конститuentов цветолексем раскрывают специфику воздействия речи автора на читателя. Представители *сопоставительного* вектора «следования (например, В.Г. Кульпина [Кульпина 2001], И.В. Макеенко [Макеенко 1999], Т.Ю. Светличная [Светличная 2003]) изучают сходства и различия цветочных спектров разных языков, национально-специфические особенности цветообозначений, понятийные модели видения мира и модели интерпретации мира в отдельных языках. Данное направление особенно значимое в условиях современного интеграционного процесса, является «продолжением» когнитивно-семантического подхода.

Лингвокультурологический вектор в исследованиях по цветолингвистике – это и восстановление смысловых трансформаций, которые отражают

соответствующие той или иной эпохе аксиологические константы, и реконструирование ментальных установок этноса, и воссоздание мировоззренческой системы универсума в целом: цветолексемы, инкорпорирующие в своей денотативной структуре комплекс национальных знаний, оказывайте важнейшей вербальной единицей для описания процесса языков концептуализации мира. Представляется, что именно последний вектор (безусловно, с опорой на иные, перечисленные подходы к выявлению категориальной сущности колоронимов) должен определять направление исследовательской мысли лингвистического цветоведения XXI века [Боженкова, Мукабенова 2015]¹.

Исследование лингвоцветовой картины мира в отечественной лингвистике имеет давние традиции и отличается разноаспектностью. Так, выделяются труды в области лексики цвета и стилистики [Качаева 1970; Панкратьева 1970; Брагина 1972; Василевич 1987 и др.]. Экспериментальные методы используются в психолингвистических исследованиях лингвоцветовой картины мира [Василевич 1983; Фрумкина 2001 и др.]. Широко представлен сопоставительный аспект изучения лингвоцветовой картины мира [Москович 1969; Гак 1977; Норманская 2005; Светличная 2003 и др.].

Согласно А. Вежбицкой, «цветовое восприятие является, вообще говоря, одним для всех групп людей, но языковая концептуализация различна в разных культурах, хотя и здесь есть поразительные элементы сходства» [Вежбицкая 1996: 238].

Для лексем, называющих цвет, используются различные термины: колоронимы, цветоименования, термин цвета, цветовой термин, цветовые лексемы, цветообозначения, прилагательное с цветовым компонентом. В данной работе мы будем придерживаться термина «цветообозначение», предложенный Д.Н. Борисовой в описании пяти направлений в

¹ Данный параграф выполнен на основе опубликованной автором диссертации научной статьи: Мукабенова Ж.А. Лингвоколористика как способ отражения этноментальных особенностей культуры: к постановке проблемы / Ж.А. Мукабенова, А.М. Боженкова // Материалы VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов «Язык и межкультурная коммуникация в современном мире». – Курск: Изд-во «Известия ЮЗГУ», 2015. – С. 49–53.

терминологизации и терминопле лексикой с компонентом цвета. По ее мнению, указанный термин является более распространенным и приемлемым лингвистами (Н.Б. Бахилина [Бахилина 1975], В.А. Москович [Москович 1969], Т.И. Вендина [Вендина 1998], А. Вежбицкая [Вежбицкая 1996], С.Г. Тер-Минасова [Тер-Минасова 2000], В.Г. Кульпина [Кульпина 2001] и др.). Согласно Д.Н. Борисовой, «цветообозначение – это процесс обозначения цвета в языке, т.е. различные способы номинации цветовых оттенков» [Борисова 2008: 34].

В своей работе мы сосредоточили свое внимание на лингвокультурологическом понимании цветообозначения, так как связь цвета и культуры с национальной спецификой очевидна. Поскольку цвет несет в себе информацию об окружающей реальности, о «своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира» [Жаркынбекова 1999: 109], то можно проследить различия и сходства в восприятиях цвета у калмыков и корейцев.

Цвет – универсальная категория, однако в каждой лингвокультуре эта категория имеет свою специфику. Количество «основных» цветов у каждой культуры может быть разным. «Основные» цвета формируют цветовую картину мира вообще, и она входит в состав *языковой* картины мира [Охрицкая 2010: 110].

Если обратиться к истокам изучения цвета в научном спектре, то необходимо рассмотреть работу Б. Берлина и П. Кей «Основные цветовые термины: их универсальность и эволюция» [Берлин, Кей, 1969]. На материале 98 различных языков исследователи доказывают положение о сходстве систем цветообозначений в разных языках мира и зависимости разветвленности такой системы от стадии развития языка. В результате было определено минимальное количество наименований цвета (их два – белый и черный), а также выделены 11 базовых наименований цвета с построением схемы их развития. Прежде всего в языке появляется именно «белый» и «черный» цвета, третьим цветом является «красный», следующими цветами будут «зеленый» и «желтый», далее

«синий», затем, «коричневый». Впоследствии добавляются наименования следующих цветов: «фиолетовый», «розовый», «серый» и «оранжевый». По мнению Б. Берлина и П. Кея, такая схема цветообозначений является универсалией [Берлин, Кей, 1969].

В данной работе мы рассматриваем в качестве основных цветов пять: белый, черный, красный, желтый и синий (зеленый), при этом зеленый цвет является синонимом синего цвета в обеих культурах. Н.Л. Жуковская, специалист по монгольской культуре, выделяет пять основных цветов: черный, красный, белый, синий (голубой, зеленый), желтый [Жуковская 2002: 194]. Число пять неслучайно, оно связано с пятью направлениями: центр и четыре стороны света. Надо сказать, что и в калмыцкой, и в корейской культуре мы заметим соотнесение сторон света с каким-либо цветом, что известно и многим другим восточным народам. Если в корейской цветовой картине мира желтый цвет соответствует центру, синий – востоку, белый – западу, красный – югу и черный – северу [Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk 2014: 112], то в монгольской лингвоцветовой картине мира мы видим такую же цветовую геосимволику, но вместо синего присутствует голубой на востоке [Жуковская 2002: 216]. Н.Л. Жуковская также выделяет второстепенные цвета и три главных цвета (белый, черный, красный). В корейской же культуре цвета делят на иньские (белый и черный) и янские (красный и синий) [Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk 2014: 10]. Возможно, это связано с тем, что «земные» иньские цвета являются фундаментальными, базовыми, а «небесные» – создающими новые цвета и оттенки.

Количество базовых цветов в калмыцкой и корейской культурах может быть связано и со спецификой числа «пять». Истоки числа «пять» у калмыков и корейцев восходят к древнекитайской теории Инь-Ян и Пяти элементов. Такие предположения выдвигает Н.Л. Жуковская, на работу которой мы опираемся в своей диссертации в отношении монгольской цветовой картины мира. Так как калмыки и буряты относятся к монгольским народам, то можно выдвинутые описания категорий отнести и к калмыкам. Например, А.Н. Кононов,

О. Прицак, А. фон Габен отмечают, что и для тюркоязычных и для монгольязычных кочевников Евразии было характерно соотнесение сторон света с определенным цветом [Жуковская 2002: 195]. Корейские исследователи (Пак Сани 박상익, 1978 [Пак Сани 1978]; Ын Ёнчжа 은영자, Ким Чанхянг 김장향, 1997 [Ын Ёнчжа, Ким Чанхянг 1997]; Юн Донсук 윤동숙, Чхве Бопчжин 최법진, 2005 [Юн Донсук, Чхве Бопчжин 2005]; Со Окгёнг 서옥경, 2009 [Со Окгёнг 2009]; Ли Чжеман 이재만, 2011 [Ли Чжеман 2011]; Пак Чжиёнг 박지영, 2015 [Пак Чжиёнг 2015]; Рю Мисон 류미선, 2017 [Рю Мисон 2017]) также связывают цветовую символику с древней теорией китайцев. Гармония с природой порождает теорию пяти цветов, которые олицетворяют природу, историю и человеческий дух. «Эти пять цветов – основные строительные блоки, из которых можно создать бесконечное количество цветов» [Со Юри 2012: 26].

Цветовые концептосферы не являются «застывшими» в диахронии, они развиваются, эволюционируют, что дает возможность прогнозировать дальнейшее изменение цветовых лексем и их восприятия, оценки. Цвет, по мнению исследователей, срastaется с языкой и оказывается эмоциональной сущностью [Кульпина 2019: 10].

Выбор базовых цветообозначений объясняется их универсальностью и тем, что категория «цвет» присутствует в любом языке. Познание национальных особенностей цветообозначений является важным моментом взаимопонимания представителей разных языков в процессе межкультурной коммуникации. Поскольку физиологическое восприятие цвета у всех людей одинаково, постольку его специфика обусловлена как национальным менталитетом, так и культурно-историческими, а также природно-климатическими условиями [Позднякова 2015].

Лингвоцветовая картина мира отличается своей динамикой, в разное время претерпевая некоторые изменения, которые освещаются в научной литературе, выражаются в культуре разных народов. А так как культура постоянно подвергается изменениям, то этот процесс затрагивает и символику цветообозначений.

Лингвистический подход к изучению цветообозначений невозможно реализовать изолированно от подходов, разработанных в русле смежных дисциплин – этнологии и этнолингвистики, психологии и психоллингвистики [Василевич 1982; Василевич 1987; Фрумкина 1984; Соколов, Вучетич, Измайлов 1984; Белов 1988; Яньшин 1996; Базыма 2005; и др.].

Таким образом, в современном языкознании *цветовая* картина мира является одной из важнейших составляющих *языковой* картины мира. Система цветоименований каждого народа имеет свои особенности, поскольку в ней отражается сформированный в различных историко-географических и общественных условиях ассоциативный культурный фон.

1.3. Лингвокультурологические исследования цветообозначений в языковой картине мира калмыков и корейцев

Цветообозначения в языке представляют собой особую лингвокультурную категорию, которую можно рассматривать как в синхронии, так и в диахронии. Восприятие цвета у разных народов может существенно отличаться друг от друга, но также может иметь много общего, поскольку «мышление народов сущностно единообразно» [Касевич 1996: 127]. Так, факторами, влияющими на формирование национальной языковой картины мира, могут выступать как территориальное расположение, природные и климатические условия, так и исторически сложившиеся традиции в обществе, которые плавно интегрируются и фиксируются в современном представлении о мире.

Следует отметить, что в вопросе выделения основных цветовых понятий в различных языках у лингвистов нет единого мнения. В.Г. Гак, например,

относит к основным следующие цвета: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый и «другие важнейшие цвета» – белый, черный, серый, коричневый [Гак 1977: 192]. А.П. Василевич считает, что множество основных русских цветообозначений состоит из двенадцати цветов и добавляет к представленному В.Г. Гаком ряду розовый цвет [Василевич 1987: 9]. Г. Тонквист относит к «основным» те же цвета, что и А.П. Василевич [Тонквист 1993: 44]. В Азии же культурная интеграция цвета происходит из принципов конфуцианства и буддизма.

1.3.1. Цвет в калмыцкой лингвокультуре: аспекты исследования

Семантически нагруженная категория цветообозначения в рамках калмыцкой культуры является также и символаобразующим средством, которым оформляются определенные социальные явления и их образное воплощение. По мнению Э.У. Омакаевой, автора ряда концептуальных статей о цветовых представлениях калмыков [Омакаева 2001; Омакаева 2002; Омакаева 2009; Омакаева 2009а], «многогранная цветовая семантика и символика должны быть исследованы на основе изучения всей материальной и духовной культуры, включая буддизм, добуддийские верования, эпос, фольклор, астрологию, медицину и т.д.» [Омакаева 2009а: 85]. Действительно, цвет как специфический индикатор культуры связан с выражением эстетических, этических норм, а также с передачей информации о социальных, политических и этнических признаках в жизни калмыков.

Э. У. Омакаева в своей работе выделяет «три цвета радуги – красный, жёлтый, синий» как базовые в калмыцкой лингвокультуре [Омакаева 2006: 271]. При этом синий цвет включает в себя оттенки зеленого (например, *көк ноһан* ‘зеленая трава’) и серого (*көк чон* ‘серый волк’) цветов, также, как и у других монгольских народов синий цвет в языке способен сливаться и обозначать другие оттенки.

Пять цветов у калмыков *цаһан* ‘белый’, *хар* ‘чёрный’, *улан* ‘красный’, *шар* ‘жёлтый’, *көк* ‘синий’ можно считать базовыми, так как именно эти цвета

имеют свое историческое прошлое, где важную роль занимают пять элементов и пять природных стихий: *шора* ‘земля’, *усн* ‘вода’, *һал* ‘огонь’, *модн* ‘дерево’ и *төмр* ‘металл’, которые создают целостную и гармоничную систему всего мира² [Омакаева 2011]..

На протяжении веков выработалась и определенная цветовая символика, впечатления от цвета, цветовые ассоциации. Так, в калмыцко-русском словаре под редакцией Б.Д. Муниева каждый цвет обозначен прилагательным в мужском роде и отмечен своим символом-реакцией:

цаһан ‘белый’: бумага, снег, шелк, мука, молочные продукты, серебро [КРС 1977: 622];

хар ‘чёрный; тёмный’: краска, цвет, платок, черноглазый, хлеб, рожь, ворон [КРС 1977: 576];

улан ‘красный, алый; румяный’: знамя, чернила, материя, вино, медь [КРС 1977: 530];

шар ‘жёлтый; рыжий; русый’: рыжеволосый человек, желтокожие, степная лисица [КРС 1977: 665];

көк ‘синий, голубой; зелёный’: море, глаза, небо [КРС 1977: 312].

Ценные наблюдения над семантикой колоративных прилагательных в калмыцком героическом эпосе «Джангар» содержат работы Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 1993] и Б.Х. Тодаевой [Тодаева 1976]. Известный монголист Г.Ц. Пюрбеев отмечает, что «принцип цветообозначения играет очень важную роль в фольклорном тексте, особенно эпическом. В языках монгольских народов цветовой признак положен в основу видовых названий, пищи и пищевых продуктов, злаков и растений, различной качественной

²Как пишет Г.В. Вернадский в своей работе «Монголы и Русь»: «...интересная формула, описывающая власть великого хана, обнаружена в поздней монгольской летописи «Алтан тобчи» (Золотой итог). Согласно ей, Чингисхан был богом Пяти цветов. Для того чтобы понять полное значение этой фразы, мы должны вспомнить, что с древних времен китайцы обозначили стороны света цветами. Черный был цветом севера, красный - юга, синий - востока, белый - запада. Центральная территория была представлена желтым цветом. Все вместе пять цветов символизировали весь мир... Китайская концепция пяти цветов была принята многими евразийскими кочевниками, включая монголов» [Вернадский. Интернет ресурс: readall.ru/lib_page_readall_114033.html].

характеристики предметов и социального противопоставления людей» [Пюрбеев 1993: 59].

Количество работ, так или иначе затрагивающие проблематику особенностей цвета в калмыцкой лингвокультуре, увеличивается с 2000-х гг.

Е.В. Голубева в диссертации рассматривает концепт цветообозначения как компонент национально-культурной специфики картины мира в калмыцком языке. Исследователь анализирует концепты традиционной культуры калмыков и приходит к выводу, что символическое значение концепта цвета наряду с символическими значениями концептов пространства, времени и числа составляют национальную картину мира и фиксируют в своей семантике традиционные формы общественно-бытового уклада номадного общества, языковую практику и фольклорные традиции калмыков [Голубева 2006].

В монографии Т.С. Есеновой «Очерки по лингвокультуре калмыков» рассмотрены ментальные образования калмыцкой концептосферы, при этом автором учитывается традиционный способ хозяйствования, образа жизни, особенностей среды обитания и национального характера калмыков [Есенова 2012]. В указанной работе проанализирована цветовая геосимволика, связанная со сторонами света, рассмотрена концептосфера «*цаһан идэн* ‘белое яство’», аксиологическая значимость которой связана с белым цветом, олицетворяющим собой смыслы «священный, святой». Дается этимология некоторых понятий, например, «*шар цай* ‘одна восьмая часть кирпичного чая’» (букв. «желтый чай»), а также небеленый чай, называемый *орс цэ* ‘русский чай’ или *хар цэ* ‘черный чай’. Отмечается, что в прежние времена *хар цэ* и *хоосн цэ* были знаками бедности [Есенова 2012: 91]. Автор опирается на монгольскую систему питания, которая «построена на использовании разнообразных продуктов. Согласно традиционному воззрению народа, пища ассоциируется с пятью основными цветами: белое яство – молочные продукты, красное яство – мясная пища, зеленое яство – растительная пища, желтое яство – масло и жир, черное яство – вода, молочная водка. Они составляют пять изысканных яств монголов» [Есенова 2012: 101].

Ряд научных статей, посвященных цветовой символике в калмыцкой культуре принадлежит Э.У. Омакаевой [Омакаева 2001; Омакаева 2009в; Омакаева 2011; Омакаева 2019б]. Автор делит цвета на отцовские и материнский (белый), упоминает, что «монгольские народы традиционно выделяют в качестве основных 5 цветов (черный, красный, сине-зеленый, белый и желтый)» [Омакаева 2009а: 122]. Э.У. Омакаева также рассматривает цветообозначения как своеобразный ключ к пониманию эпического текста в кластерном и функциональном подходе в калмыцком героическом эпосе «Джангар» [Омакаева 2019а: 146].

Ряд статей В.В. Салыковой посвящен цветоименованию в тексте героического эпоса «Джангар». Автор рассматривает прилагательные *цаһан* 'белый', *шар* 'желтый', *хар* 'черный', *көк, ноһан* 'голубой, синий, зеленый' и *улан* 'красный' в составе разных словосочетаний, «с помощью которых достигается живое, образное описание предметов» [Салыкова 2013: 33].

Специфике колоративной лексики в фольклорной культуре и героическом эпосе «Джангар» посвящена статья В.В. Мукабеновой и К.В. Менкеновой, где рассматриваются пять основных цветов в этом фольклорном тексте. Особое внимание авторы уделяют отношению калмыков к цветам и связи их с природой, бытом и видом хозяйственной деятельности [Мукабенова, Менкенова 2014: 247].

В статье С.Б. Сарбашевой, Б.Х. Борлыковой, Е.Б-Б. Дертыновой, анализируются семантические особенности цветоименований «чёрный» и «белый» в алтайском эпосе «Маадай-Кара» и калмыцком эпосе «Джангар» [Сарбашева, Борлыкова, Дертынова 2021].

Цветообозначения в эпосе «Джангар» с точки зрения их частотности рассматривались в работах Н.Б. Бадгаева [Бадгаев 2015], Б.Х. Тодаевой [2007], Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2015], В.В. Салыковой [Салыкова 2013], С.Е. Бачаевой [Бачаева, 2015], Н.Ч. Очировой, С.Е. Бачаевой, Н.М. Мулаевой [Очирова, Бачаева, Мулаева, 2015: 143] и др. Анализируя количественные данные, приведенные в разных различных исследованиях эпического текста,

Э.У. Омакаева подчеркивает, что «статистические данные в разных работах несколько разнятся», на первое место по частотности у разных авторов выходят желтый, красный, белый и черный цвета. Лишь синий цвет указывается на одном из последних мест по количеству употреблений (четвертом или пятом) [Омакаева, Ургадурова 2024]. На наш взгляд, такие разные количественные данные (в одних работах сотни примеров, в других количество ограничивается несколькими десятками) могут объясняться разными объемами текста и разными эпическими циклами, а также различиями в подходах к подсчетам цветообозначений.

Роль пяти основных цветов в калмыцких народных сказках-триадах представлена в статье Босхонджиевой Е.Б. и Менкеновой К.В. [Босхонджиева, Менкенова 2014: 223], где подробно рассматривается символика цвета в культуре калмыков через призму фольклорных традиций, в том числе отгадывания загадок-триад, носящего ритуальный характер.

Цветовые триады в социокультурном пространстве монголоязычного мира рассмотрены в работе Э.У. Омакаевой [Омакаева 2011: 344].

Конкретные цветолексемы тоже выступали предметом исследования в ряде работ калмыцких лингвистов. В работах, посвященных анализу калмыцких цветообозначений и цветоконцептов, обнаруживается тенденция к выбору прежде всего трех цветов – белого, черного и красного. По мнению Е.В. Голубевой, именно они являются главными и важными цветами в культуре калмыцкого народа.

Так, цветолексему *улан* ‘красный’ можно встретить в калмыцком фольклоре [Голубева 2008]. Специфика цветообозначения *улан* ‘красный’ подтверждается в ряде работ. Например, цветолексема *улан* ‘красный’ в аспекте перевода на немецкий язык рассмотрена на материале сказочных текстов [Баянова 2021]. Не меньший интерес в этом отношении представляет песенный фольклор [Омакаева, Алимаа 2009б: 44–48]. Семантика и сочетаемость колоратива *улан/красный* в калмыцкой и русской лингвокультурах рассматривается в статье, посвященной сопоставительному анализу по данным

лексикографических и текстовых источников. Авторы приходят к выводу, что «лексема *улан* обладает более широким коннотативным значением, чем цветолексема *красный* в русском языке» [Омакаева, Ургадулова 2024: 72-85].

Калмыцкие лингвисты рассматривали в различных аспектах отличительные особенности калмыцкого соответствия русского цветообозначения [Голубева 2008; Монраев 2009; Куканова, Омакаева 2011; Убушиева 2022 и др.].

В диссертации А.Т. Баяновой «Лингвокультурологические особенности фольклорного текста» лингвокультурологическим особенностям употребления цветообозначений и способам их перевода на немецкий язык посвящена отдельная глава. Рассматривая лексемы «белый», «черный», «красный», «желтый», «серый», «синий» и «зеленый», исследователь выделил наиболее частотные цветообозначения в текстах Г.Й. Рамстедта: *хар* ‘черный’, *цаһан* ‘белый’ и *шар* ‘желтый’, последние два цвета считаются у калмыков сакральными. Меньше всего встречаются цветообозначения *көк* ‘синий’, *бор* ‘серый’, *ноһан* ‘зеленый’. *Бор* ‘серый’ входит в состав антропонимов и топонимов, а *шар*, *цаһан*, *көк*, *бор* являются цветовым определителем в ботанических и зоологических терминах [Баянова 2020].

Топонимическая лексика республики включает все основные цвета. В «Словаре топонимов Республики Калмыкия [Гедеева и др. 2019] чаще всего в количественном отношении встречается цветолексема *хар* (45 упоминаний), далее по убыванию *цаһан* (35 упоминаний), *шар* (29 упоминаний), *улан* (26 упоминаний) и реже встречается *көк* (16 упоминаний).

Так как Калмыкия в большей степени является степным регионом, то курганов, лиманов, бугров, возвышенностей и холмов тут гораздо больше, чем гидросферной части республики. Цветообозначение *хар* ‘черный’ в составе географических названий переводится как ‘черный или чистый’. Хара-Бурук (река в Приютненском районе, перевод ‘чистый прозрачный родник’) или Хар Толга (курган в Кетченеровском районе, перевод ‘черный курган’) [СТКЯ 2019: 205, 206]. Семантику ‘чистого’ цвета мы также встречаем в топонимике с

цветообозначением *цаһан* ‘белый’. Например, *Цаган Толга* (бугор в Яшкульском районе, перевод ‘белый курган’) [СТРК 2019: 223] или *Цаган-Аман* (река в Юстинском районе, перевод ‘чистая протока’) [СТРК 2019: 221]. Еще «белым» могли назвать пересыхающее озеро, покрытое солью, из-за чего озеро или другое урочище могло визуально выглядеть просто белого цвета. К таким озерам относится *Цаган-Хаг* в Приютненском районе [СТРК 2019: 223].

Цветолексема шар ‘желтый’ переводится в названиях только буквально: *Шар Нур* (букв. ‘желтое озеро’) – урочище в Яшалтинском районе [СТРК 2019: 237]. В Кетченеровском районе есть местность *Цаһан Элсн*, которая переводится на русский как ‘белый песок’, и в этом же районе есть речка *Шар Эльсн* ‘желтый песок’. Предположительно, названия происходят по внешнему описанию и восприятию местности. [Мушаев 2020: 5]. Цветообозначение **улан** имеет значение ‘красный’ и ‘барханы’: *Улан-Хол* (сельский населенный пункт в Лаганском районе, перевод ‘красный пролив’) [СТРК 2019: 192]. А в следующем названии урочища в Яшкульском районе *Улан Боорг* переводится как ‘барханный бугор’. Возможно, пески в степях отливали красным оттенком, отчего и получили наименование *улан*. Цветообозначение **көк** в топонимических названиях находится всегда в составе с существительным (чаще водное пространство), и играет роль прилагательного ‘синий’, встречаясь в названиях с «усн, нур» (12 из 16 упоминаний): *Кек Булук* (=Көк нур, родник в Кетченеровском районе, что значит ‘Синий родник’) [СТРК 2019: 105]. Цветолексема **көк**, встречаясь в названиях гидронимов переходит на названия урочищ, лиманов, населенных пунктов, такой «географический аппелятив указывает на то, какой объект первоначально получил название» [СТРК 2019: 6].

Так, в цветообозначения *хар* и *цаһан* в топонимике встречается чаще других цветообозначений и имеют общую семантику ‘чистый’ (без примесей). *Шар* и **көк** в топонимических названиях имеют прямое значение своего цвета. *Улан* имеет значение красный и барханный.

Итак, в истории изучения калмыцких цветообозначений можно выделить следующие основные аспекты: описание цветовой семантики и символики, анализ концептосферы цветонименований, сопоставительный анализ, описание колористики эпического текста, анализ цветообозначений в фольклорном тексте.

Общим в разноаспектных исследованиях цветообозначений в калмыцкой лингвокультуре можно считать то, что в качестве базовых признаются пять цветов – *цаһан* ‘белый’, *хар* ‘чёрный’, *улан* ‘красный’, *шар* ‘жёлтый’, *көк* ‘синий’.

1.3.2. Цвет в корейской лингвокультуре: аспекты исследования³

Одной из первых работ в Корее, посвященной исследованию символики цвета, была докторская диссертация Пак Сани (1978), который утверждает, что пять основных цветов (белый, черный, красный, желтый, синий) использовались для цветной одежды и что эти цвета были расположены в соответствии с теорией Пяти элементов Инь-Ян [Пак Сани 1978].

К одной из первых работ можно также отнести и диссертацию Пэк Ёнчжа (1985) о пяти основных цветах. Автор рассматривает корейскую традицию цветовой символики. Исследователь Пэк показывает, что основные 5 цветов основаны на древней теории Инь и Ян и Пяти элементов и являются символами королевской власти и силы (белый, черный, красный, желтый, синий) [Пэк Ёнчжа 1985].

Пак Сонгу на материале фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний исследует своеобразие и характерные особенности системы цветообозначений и приходит к выводу, что в каждом языке (автором рассматриваются русский, английский, немецкий, китайский, корейский) группа цветообозначений исторически складывалась так, чтобы оптимально

³ Данный параграф выполнен на основе опубликованной автором диссертации научной статьи: Мушаев В.Н. Мукабенова Ж.А. Цвет в культуре корейского народа // Корееведение в России: направление и развитие. № 2 том 2. 2021.

соответствовать потребностям носителей языка. Закономерно, что символика цвета могла меняться в ходе истории. В качестве основных рассматриваемых цветообозначений автор указывает черный, белый, серый, красный, зеленый, желтый, синий, голубой, розовый, коричневый, исключив оранжевый и фиолетовый, так как эти два цвета не часто употребляются в устойчивых выражениях [Пак Сонгу 1999].

Символике цветообозначений в русских и корейских выражениях посвящена работа Чве Енги и Чве Джин. Проводится лингвокультурологическое сопоставление корейских и русских выражений с обозначением белого, черного, красного, зеленого, синего, голубого и желтого цветов в русских и корейских выражениях, а также рассмотрено возможные способы перевода слов-цветообозначений. Авторы отмечают, что «в передаче эмоций людей обеих стран существуют различия. Цвет одинаков, но психология и культурные традиции различны. Одному и тому же цвету в русском языке соответствует положительное значение, а в корейском — отрицательное» [Чве Енги, Чве Джин 2020].

Ким Хи Чжон в 1999 году была первой, кто предпринял попытку исследования цветообозначения и дизайна с использованием пяти основных цветов. Автор попыталась последовать за сознанием корейцев, которые создавали вещи и предметы искусства в соответствии с определенными правилами, основанными на теории Инь-Ян и Пяти элементов. Например, «Чокакбо» – платок четырехугольной формы, сшитый из оставшихся лоскутков – это композиция, созданная из геометрических узоров, демонстрирующая гармонию в сочетании цветов и ставшая традиционной [Ким Хи Чжон 1999]. После исследования Ким Х.Ч. регулярно появляются работы, направленные на изучение цвета в сфере дизайна, живописи, арт-терапии и т.п. [На Джиён 2002; Чхве Инрё, Бан Хеген, Ким Ёчжу 2008; Со Юри 2009; Со Юри 2012; Сон Дана 2014; Рю Мисон 2017; Ким Хисон, Чо Инсук, Шин Хвагён 2018; Ким Хисон 2019].

Чон Юнгён (2003) был первым автором, кто сообщил о культурологическом исследовании цветных изображений, появляющихся на домашней интернет-странице корейского правительственного агентства. Автор акцентирует внимание на использовании исключительно традиционных цветов в оформлении веб-сайта государственного учреждения, что способствует созданию неповторимого образа, сохраняющего корейскую культурную цветовую традицию и национальный колорит [Чон Юнгён 2003].

Подобные работы мы не рассматриваем подробно в диссертации, хотя такие исследования, безусловно, уточняют информацию о восприятии цвета корейцами и дают представление о национальной картине мира корейцев.

Исследования пяти основных цветов в русле лингвокультурологии активно проводятся корейскими исследователями с начала XXI в. Ён Джиён (1999) подчеркивает сходства и различия семантики цвета в живой культуре с помощью цветковых символов в корейских и английских пословицах [Ён Джиён 1999]. Су Чоён (2002, 2003) сравнивает символические значения цветообозначений, встречающихся в немецком языке, британском и американском вариантах английского языка. Квон Ёнсон (2003) анализирует значение цветковых слов, которые встречаются в идиоматических выражениях, одновременно исследуя символическую нагруженность цветообозначений [Квон Ёнгель 2003]. Пак Сонхе и Квон Ёнгель (2005) касаются вопросов изучения языкового сознания корейцев на материале корейских паремий с цветковым компонентом [Пак Сонхе, Квон Ёнгель 2005].

Значение цветообозначений в корейских фразеологических оборотах и пословицах не всегда совпадает со словарной дефиницией, так как в идиомах цветообозначения могут получить дополнительное косвенное значение, часто построенное на ассоциациях. Эту идею раскрывает в своей работе Чан Гёнхён, взяв для анализа только белый и черный цвета. Автор смог показать полную картину значения и символики цвета, не ограничиваясь определениями в словаре, затронув национальную цветовую картину мира корейского этноса [Чан Гёнхен 2007].

Сопоставительный анализ цветообозначений в корейском и японском языках проводит Ли Ынсоп [Ли Ынсоп 2008]. Целью данного исследования является изучение свойств цветковых обозначений в обоих языках. Автор приходит к выводу, что несмотря на сходство между двумя языками, есть различия: в образовании цветковых лексем в корейском языке используется суффиксальный способ, а в японском – префиксальный. Корейский язык образует повторяющиеся соединения, предполагающие процесс лексикализации синтаксического состава. Однако японцы образуют сложные слова, повторяя цветные слова, исходя из плюралистической природы словесных слов [Ли Ынсоп 2008].

Еще одна работа сопоставительного характера была представлена Хван Хеёнг в области цветолингвистики. Объектом изучения стали идиоматические выражения с цветообозначениями «черный» и «белый» в корейском и китайском языках. Работа предназначена для носителей китайского языка, изучающих корейский язык на среднем уровне. Автор ставит своей целью показать, как культурные традиции каждой страны накладывают свой отпечаток и по-своему влияют на интерпретацию идиом с одинаковым словарным содержанием [Хванг Хеёнг 2018].

На восприятие цвета корейцев повлияла природная среда, а также китайская теория Инь-Ян и теория пяти элементов, куда входят металл, дерево, вода, огонь, земля. Корейцам близка философия человека и природы, связь человека с естественными цветами, их символические значения. Корейские традиционные цвета влияют на сознание человека, на его настроение, на его социальный статус.

Современные значения корейских традиционных цветов связаны с «терапией» и «гармонией», поскольку корейцы испокон веков были в гармонии с природой и считали, что человек есть часть этой природы, часть всей Вселенной, поэтому сочетание сторон света, пяти стихий и цветов очень важно и в настоящее время. Цвет как понятие становится шире и создает целую идеологию ментального восприятия. Придавая цвету не только материальное

измерение, но и духовное значение, цветовая культура становится понятием, в котором гармонично оживают и цвет, и дух, и мысль, и сам человек [Со Юрий 2012].

Отсюда, цветовая (колористическая) культура народа – это, прежде всего, отношение народа к цвету предметов и вещей, которые они производят и используют в своем быту.

При всем многообразии цветообозначений, присущем отдельным языкам, в каждом из них существуют так называемые «основные» цвета, что связано, в первую очередь, с культурой народов [Ян Минчжи 2016: 57].

Цвета в Корее связаны с пятью направлениями и стихиями, с теорией пяти элементов. Теория пяти элементов Инь и Ян первоначально была разделена на две: теорию Инь и Ян и теорию пяти элементов, но примерно в IV в. до нашей эры была объединена. Теория Инь и Ян предполагает, что все вещи состоят из двух элементов: Инь и Ян. Если небо (天) – это Ян (陽), то земля (地) – Инь (陰). Инь-Ян взаимодействует в соответствии с личностью и изменяет природу, и именно пять элементов выражают модели изменения пяти типов [Ким Санми, Квон Ёнсук 2014: 115]. Согласно указанной теории, начало и конец вселенной происходит за счет цикла, в котором сосуществуют пять элементов: дерево, огонь, земля, металл (золото) и вода. Пять элементов олицетворяют природу и пользу для благополучной повседневной жизни, когда пять элементов определяются по принципу центра и сторон, они назначаются в соответствии с направлением. Если пять цветов сочетаются с пятью элементами и их направлением, они становятся пятью традиционными цветами. *Голубой* (靑) (стихия дерева) – это середина пяти элементов, он соответствует восходящему востоку и считается цветом весны, ведь именно весной возрождается всё живое, таким образом, он символизирует творение, существование и новую жизнь, а также используется как цвет изгнания злых духов. *Красный* (赤) (стихия огня) – это нейтрализация пяти элементов; он

соответствует пышной южной части, представляет собой творение, созидание, страсть, привязанность и агрессивность, а также солнце, огонь и кровь, его применяли для борьбы с самыми сильными злыми духами. *Желтый* (黃) (стихия земли) соответствует центру вселенной, именно поэтому он считался самым благородным цветом, достойным одного короля. *Белый* (白) (стихия золота) соответствует Западу, означает невинность и истину, жизнь и день, чистоту и т.д. *Черный* (黑) (стихия воды) представляет Север и управляет человеческой мудростью. Предки корейцев считали, что, если цвет Ян означал свет и высоту, путь и счастье, то цвет Инь означал тьму и низость, пороки и гнев, поэтому использование цвета было не эстетическим или личным предпочтением, а осознанной выраженной идеей, лежащей в основе этого [Ли Чжеман 2008].

Культура корейских цветов имеет значение природы и органической гармонии. Корейские цвета пришли в культуру цветообозначений, традиционно основываясь на идеологии вышеописанных пяти стихий Инь и Ян. В пяти стихиях согласованы 5 цветов, а стороны света согласованы с временами года. Центральная часть и стороны света ложатся в основу и образуют 5 сторон света, и оттуда мы видим появление 8 сторон света и 16 сторон. За сторонами света последовали 5 цветов и 5 стихий [Со Юри 2012].

Таким образом, традиционное восприятие цвета в корейской культуре нераздельно связано со сторонами света и с временными сезонами. Считается, что цвет движется в направлении к природе, где есть естественная гармония, а не наоборот, от природы. С помощью цвета отражаются, учитываются и изучаются основные законы – законы космоса, законы направлений, законы времен года.

Можно сказать, что это структурное значение эмблематического (символического) цвета. В основе всех цветов используемые структурные значения выводят значения природной гармонии.

5 основных цветов, называемые 오정색 [ojeongsae] или 오방색 [obangsae] рожают еще 5 дополнительных цветов 오간색 [ogansaek] для полного описания природы, в итоге получается 10.

Цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно «цветовых» признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов являются белый и черный.

Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, синий и желтый цвета.

Как уже отмечено выше, корейские ученые определяют истоки формирования национальной концепции цвета в символических цветах пяти основных направлений сторон света [Лапшина 2011: 332]. Синий (зеленый) цвет символизирует восток, белый – запад, красный – юг, черный – север, желтый (золотой) – центр. Помимо принадлежности к сторонам света и центра, эти цвета символизируют определенные понятия: синий цвет связан с благосклонностью, белый цвет означает справедливость, черный – мудрость, красный – почтение, а желтый – гармонию. У каждой стороны света помимо цвета есть и анималистический символ. В принципе маркировки цветом основных направлений сторон света распознается изначальное влияние цветовой культуры Китая (мандала) [Лапшина 2011: 332].

Цветовая культура Кореи имеет духовный смысл времен и народов. Это связано с отражением духовного мира эпохи и нации, где цвет содержал в себе всю жизнь, с ее страданиями и радостями. Цвет используется как символ духовного мира нации. Белый цвет является наиболее часто используемым цветом в Корее. Корейцев иногда называют «людьми, одетыми в белое». Исторически, простолюдины носили белые ханбоки, традиционную корейскую одежду, а цветную имели право носить только королевская знать и высокопоставленные чиновники.

Белый по-прежнему надевают на свадьбы, похороны, чтобы отпраздновать путешествие в загробную жизнь. Основанный на высшей красоте белый цвет подразумевает чистоту, величие и означает благородство нации, содержит в себе святость. Это и есть показатель жизни. Традиционно белый представляет собой металл.

Черный цвет в культуре Кореи, в отличие от других стран, никогда не обладал негативным значением. Смерть или злые потусторонние силы с ним не ассоциировались. Он означал плодородие и сильное мужское начало (в противоположность женскому белому). Корейцы считают, что все основано на балансе противоположностей, тьма также необходима как источник происхождения света. Черный цвет соответствует элементу воды.

Отношение к жёлтому в Корею также пришло из Китая, где этот цвет считался символом императорской власти. В иероглифическом написании слова «желтый» и «император» читаются почти одинаково.

Почтительное отношение к желтому возникло из-за ассоциации с золотым, поскольку он символизировал солнце. Долгое время в Корее этот цвет в одежде не мог использовать никто, кроме членов правящей королевской династии.⁴

Красный цвет был близок к желтому, но считался более «приземленным». Он также воплощал в себе мужское начало и обозначал огонь, сошедший с небес. В современной Северной Корее он перенял и значение коммунистического цвета. Ему традиционно противопоставлялись синий и зеленый, которые символизировали воду и женскую сущность. В отличие от разрушающего огня, они обозначали созидание и возрождение.

Традиционный корейский костюм – ханбок (в Северной Корее называется чосонот) тоже опирается на символику цвета. Исторически одежду ярких цветов носила знать, а простолюдины ограничивались белым, бежевым, а в дни

⁴ Белоус, Я. Значение цвета в культуре Северной Кореи / Я. Белоус // Северная Корея – новости, аналитика, культура и политика. – URL: <https://koreya24.ru/kultura/znacenie-cveta-v-kulture-severnoi-korei> (дата обращения: 23.02.2024).

праздников – бледно-розовым цветами. Оттенки одежды отражали социальный статус людей. Так, девушки могли носить ханбок или чосонот в желто-красной гамме, а когда выходили замуж, то их одежда начинала отражать социальное положение мужа.

Цветовая культура Кореи имеет значение символической метафоры власти (высшего класса). Она выражает не только образное содержание, но и значение силы, заключенной в цвете. Это связано с гипотетической метафорой. Так, корейцы могут определить ранг чиновника по цвету одежды: чем выше ранг, тем больше красного и фиолетового, чем ниже ранг, тем больше синего и белого. Указывая на власть или статус, цвет не функционирует только сам по себе, но играет роль символической метафоры властных отношений в обществе. В настоящее время цвет существует как гипотетический знак власти или статуса.

Таким образом, цветовая культура Кореи, которая подразумевает духовный смысл эпохи, одновременно восхваляет нацию и показывает все стороны жизни. При использовании цвета как средства, которое выражает духовный мир нации, цвет как понятие становится шире и создает идеологию ментального перевооружения. Придавая цвету не только материальное измерение, но и духовное значение, цветовая культура становится понятием, в котором сливаются и цвет, и дух.

Цвет в Корее также отражает социальный порядок. Цветовая культура высокопоставленных людей по-прежнему сохраняется в выборе хроматических цветов. Один цвет может быть представлен в различных оттенках, но все же сохраняет свое символическое значение. Цвета, любимые знаменитостями и бюрократами, даже сегодня могут быть личным предпочтением, но не нужно забывать, что сила того или иного цвета исходит из прошлого. Хотя цвет можно рассматривать как отражение не личных предпочтений, а социальных, однако предпочтение людей цветовой культуре говорит о присущей этому цвету смысловой нагрузке.

В корейской культуре, как и в калмыцкой, цвет имеет особое значение, то есть каждый цвет несет в себе особенный культурный архетип. Цветовая линия в корейской культуре выглядит так:

Ахроматическая цветовая система	Черный, белый, серый
Красный	Алый, оранжевый, коричневый, розовый
Желтый	Охра, золотистый, пурпурно-желтый
Синий	Голубой, зеленый, нефритовый
Фиолетовый	Пурпурный, светло-фиолетовый

Основные цвета тут определены – это белый, черный, красный, желтый и синий. Остальные цвета меняют название в зависимости от яркости и насыщенности цвета. Степень яркости цвета зависит от его насыщенности. Если насыщенность низкая, его называют «тусклым», а если высокая – «ярким». Чем выше насыщенность, тем сильнее цвет, а чем ниже насыщенность, тем слабее цвет. Белый, черный и серый, в которых вообще нет цвета, становятся ахроматическими.

Система Хань определила когда-то восточную концепцию цвета как «пять цветов» китайской теории Инь-Ян. Японская пятицветная палитра – нежная и чувственная, китайская – черная и тяжелая, а корейская пятицветная палитра считается уникальной, но не яркой и не веселой.

Белый цвет часто ассоциируется с чистотой, невинностью и правдой. На войне он также используется для обозначения капитуляции. Черный цвет означает «смерть», «печаль», «разочарование», «тьму», «огонь» и т.д. Красный цвет используется для выражения страсти, мученичества, благотворительности, божественной любви и т.д. С точки зрения пола, он представляет женщин и может также указывать на красивую женщину.

В повседневном языке цвета часто используются для описания чего-либо, но зачастую это абстрактные цвета, а не реальные. Например, сочетание цветов и деревьев в названии указывает на определенное состояние дерева. Зеленое дерево иногда называют синим, вероятно, потому что цветообозначение

«синий» имеет оттенок молодости и энергичности. Когда дерево срубают, его называют черным, когда снимают кору – красным, а когда дерево сушат и делают из него пиломатериалы, его называют белым:

Существительное	Синее дерево	Черное дерево	Красное дерево	Белое дерево
Дерево + цвет	Зеленые деревья	Спиленное дерево	Обработанная древесина	Высушенная древесина

В повседневной корейской речи, в частности, в пословицах, используются метафоры и аналогии, чтобы передать людям определенные социальные смыслы. Например, **이월 바람에 검은 쇠뿔이 오그러진다** [iwoɭ balam-e keom-eun soerppul-i ogeulajinda], буквально обозначает ‘черные рога быка согнулись под февральским ветром’, тут черный цвет символизирует силу и мощь. А выражение **검은 손을 뻗치다** [keom-eun son-eul ppeotchida] ‘протянуть черную руку’ несет смысл обмана и хитрости. Иногда психологическое состояние человека выражается посредством ассоциации с цветом. Например, синий цвет ассоциируется с надеждой, честностью, умом. Так, в Корее в провинции Чолла есть частная школа для одаренных детей с названием **전북 푸른 학교**⁵ [jeonbuk puleun hakkye] ‘Синяя школа’, где воспитывается «вежливый человек, который ведет учтивую жизнь», «мудрый человек, обладающий академическим образованием и развивающий таланты», «волевой человек, который достигает свои мечты сильной волей, преодолевая препятствия», «здоровый человек, который заботится о своем здоровье и теле», «независимые люди, которые развивают способности к научным исследованиям и информационную грамотность».

⁵ Naver//전북푸른학교 [https://terms.naver.com/entry.naver?docId=2457694&cid=46615&categoryId=46615] (Дата обращения 10.04.2024)

Фразеологизм 서슬이 시퍼렇다 [seoseul-i sipeoleohda] буквально переводится как ‘синий мороз’, однако синий цвет в этом устойчивом выражении выступает в значении «сильный и мощный». Например, в предложении 외할머니는 또다시 서슬이 시퍼레서 딸의 역성을 든다⁶ [oehalmeonineun ttodasi seoseul-i sipeoleseo ttal-ui yeogseong-eul deunda] – фразеологизм 서슬이 시퍼렇다 передает смысл мощной материнской поддержки дочери.

Желтый цвет ассоциируется с ревностью, непостоянством и болезнью. Если корейцы говорят 얼굴이 노랗다⁷ [olgul-i noratha], в переводе на русский означает ‘желтое лицо’, то есть болезненный вид лица. Этот цвет еще используется в качестве заменителя золота, символизирует доверие, искренность и мудрость. В пословице 드문드문 걸어도 황소걸음 [teumun teumun korodo hwangso goreum] ‘Хоть и медленно, каждый шаг золотой коровы’. В пословице шаги золотой коровы символизируют стабильность и устойчивость [Ли Чжеман 2008].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

История изучения цветовой символики в общем и частном языкознании позволяет подчеркнуть следующие важнейшие теоретические и мировоззренческие аспекты при рассмотрении данного важнейшего направления в лексикологии и лингвокультурологии.

Символика цвета в лингвистике традиционно была актуальным объектом повышенного интереса со стороны исследователей в силу своего визуально-колоративного свойства воздействовать на человека. Через цветовую картину

⁶ Wordrow // толковый словарь [https://wordrow.kr/자세한-미/서슬이%20시퍼렇다/1/amp/] (Дата обращения 10.04.2024).

⁷ Wordrow [Электронный ресурс] // толковый словарь [https://wordrow.kr/의미/노랗다/?q=노랗다]. (Дата обращения 11.04.2024).

окружающего мира мы начинаем воспринимать его и адаптироваться в нем. Из всего многообразия мнений и существующих исследований мы придерживаемся интерпретации символики цвета, которая находит отражение в языковой картине мира изучаемых нами языков.

Основные направления изучения цветообозначения на материале калмыцкого языка включают изучение цветовой семантики и символики, анализ и сопоставление цветоименований, описание колористики в фольклорных текстах и лексикографических работах. Ученые, как правило, обращаются к пяти основным цветам: *цаһан* ‘белый’ и *хар* ‘черный’, *улан* ‘красный’, *шар* ‘желтый’, *көк* ‘синий’. Корейские цветообозначения – *하양* (白) ‘белый’, *검정* (黑) ‘черный’, *빨강* (赤) ‘красный’, *노랑* (黃) ‘желтый’, *파랑* (靑) ‘синий’.

Язык цвета каждого народа формируется в зависимости от своих историко-географических и социально-экономических условий и имеет свои особенности, отражая различные ассоциации в культуре народа. Но вместе с тем сравнительно-сопоставительные исследования позволяют обратиться к базовым и универсальным моделям восприятия языковой личностью мира цвета.

На сегодня, когда понятие национально-культурного сознания в мире науки стало одним из ведущих гуманитарных направлений, понятие этнического сознания, этнической идентичности, связанные с менталитетом и национальным характером народа, дали новые направления и отрасли науки. С помощью современных лингвокультурологических подходов можно последовательно и системно проникнуть в национальную языковую картину мира, в национальный менталитет личности изучаемых языков в традиционной статике и в динамике.

ГЛАВА 2. ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ

Материалом для анализа послужили калмыцкие цветообозначения *цаһан* ‘белый’ и *хар* ‘черный’, *улан* ‘красный’, *шар* ‘желтый’, *көк* ‘синий’ и корейские цветообозначения **히다** (백색 白) ‘белый’, **검다** (흑색 黑) ‘черный’, **붉다** (적색 赤) ‘красный’, **누르다** (황색 黃) ‘желтый’, **푸르다** (청색 靑) ‘синий’ как автономно, так и в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок и других фольклорных текстов.

В качестве источников материала для исследования калмыцких цветообозначений были привлечены следующие словари: «Калмыцко-русский словарь» под редакцией Б.Д. Муниева (1977), Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов» (Г.Ц. Пюрбеев 1971), «Хальмг келнэ келц үгмүдин толь» («Фразеологический словарь калмыцкого языка») (Э.Ч. Бардаев, Г.Ц. Пюрбеев, Б.Д. Муниев 1990), «Хальмг келнэ келц үгмүдин толь» («Фразеологический словарь калмыцкого языка») (Э.Ч. Бардаев, Г.Ц. Пюрбеев, Б.Д. Муниев, В.Н. Мушаев и др. 2018). Калмыцкие пословицы и поговорки с цветообозначениями выбраны из «Сборника пословиц, поговорок и загадок калмыков России и ойратов Китая» Тодаевой Б.Х. (2007), а также из учебного пособия «Хальмг келнэ келц үгмүд» («Фразеологические сочетания современного калмыцкого языка») (В.Н. Мушаев 2011) из учебного пособия «Сборник пословиц и поговорок» под редакцией В.Н. Мушаева (2022). Также в работе используются примеры употребления цветообозначений из калмыцкого национального корпуса А.Э. Ванькаевой⁸.

Корейские цветообозначения выбраны из лексикографических изданий: «Словарь корейского языка» под редакцией Мун Сеёнга (1942), «Большой словарь корейского языка» (1991), «Большой словарь корейского языка» (1999),

⁸ Общий объем корпуса – 800 тысяч словоупотреблений; в корпус включены произведения калмыцкой прозы и публицистика [<http://web-corpora.net/>].

«Словарь университета Ёнсе» (1998), «Словарь университета Корё» (2009), «Новый словарь корейского языка» под редакцией Ли Гимун (1994), «Корейско-русский словарь» (Ким Мунок 2009). Дополнительным материалом в исследовании цветообозначений стали корейские пословицы и устойчивые выражения, которые были взяты из «Словаря корейских пословиц» Ким Дохван (1993) и «Большого сборника корейских пословиц» Ли Сончжонг (2008), а также из электронного словаря Wordrow (<https://wordrow.kr>).

В ходе исследования были проанализированы 129 пословиц, 192 загадки, 25 поговорок и триад в калмыцких фольклорных текстах, где цветообозначение «черный» встречается в 119 текстах, «белый» – в 84, «красный» – в 53, «синий» – в 45, «желтый» – в 36.

В корейском языке были рассмотрены пословицы и устойчивые выражения с цветообозначениями «черный» – 56 текстов, «белый» – 42 текста, «желтый» – 40 текстов, «красный» – 29 текстов, «синий» – 26 текстов.

2.1. Ахроматические цвета (белый, черный) в калмыцком и корейском языках

2.1.1. Белый *цаһан* в калмыцкой лингвокультуре

В культуре монголоязычных народов белому цвету отведена сакральная роль. Белый цвет как «мать-цвет» «порождает» все остальные цвета, в связи с этим белизна как качество женщины имеет этноспецифическую основу [Жуковская 2002: 201]. Белый цвет символизирует чистоту помыслов, безгрешность, привлекает добрых богов и отпугивает злые силы. Белый цвет является символом всего «чистого, светлого, священного и божественного» [Пюрбеев 2015: 76].

В свадебном обряде калмыков значительная роль отводится белому цвету, используемому чаще всего в напутствиях и благопожеланиях молодым и близким. В этом значении белый цвет составляет основу обрядовых действий, ритуалов (сватовство с молочной водкой, подношение родовым покровителям в

виде молочного напитка, белой ткани и т.п.). Белый цвет использовался и как защитное средство от сглаза и порчи. Злые силы не могли нанести вред человеку, животному или жилищу, если они были помечены белой краской, либо имели амулеты белого цвета.

В религиозной картине мира особое место уделяется белому цвету в названиях персонажей общемонгольского пантеона: например, *Цаһан аав* ‘Белый старец’. По описанию Бакаевой Э.П. Белый старец – это покровитель долголетия, богатства, счастья, как у всех монгольских народов, а с другой стороны, это покровитель всего калмыцкого народа, общий предок [Бакаева 2003: 258]. *Цаһан дэрк* ‘Белая Тара’ – это богиня, обладающая телом цвета белого лотоса, она дала клятву будде Амогхасиддхи спасти всех живых существ от мук сансары [Шараева 2017: 88]. Цветобозначение *цаһан* также входит в название калмыцкого национального праздника *Цаһан Сар* (букв. ‘Белый месяц’), знаменующий начало весны и Новый год по лунно-солнечному календарю. Таким образом, цветолексема *цаһан* символизирует искренность, невинность, чистоту души и помыслов.

В калмыцко-русском словаре под редакцией Б.Д. Муниева лексема *цаһан* имеет следующие толкования: **I.** 1. 1) белый; 2) *перен.* незлопамятный, добродушный, добрый; 2. 1) седина; 2) белок; 3) в составе ботанических и зоологических названий; 4) белизна; **II.** *уст.* праздник весны [КРС 1977: 622–623].

Как уже отмечалось выше, белый символизирует божественность, чистоту, искренность, истину, жизнь. В калмыцком языке *цаһан* ‘белый’ очень активно употребляется, получая символическое значение в номинации различных предметов. Например, серебро или монеты называют белыми – *цаһан мөңгн*, платину – *цаһан алтн* ‘белое золото’. Много белого цвета в названиях пищи – *цаһан идэн* ‘молочные продукты’, *цаһан махн* (анат.) ‘прямая кишка’. Белый цвет часто встречается в составе ботанических и зоологических названий: *цаһан хавстн* ‘капуста белая’; *цаһан шарлжн* ‘полынь белolistная’;

цаһан аю ‘белый медведь’; *цаһан буудя* ‘пшеница’; *цаһан өвсн* ‘ковыль’; *цаһан харһа* ‘ель’; *цаһан шалхг* ‘репа’ [Акматов, Абдуллаев, Мушаев 2019].

В калмыцкой лингвокультуре цветообозначение *цаһан* имеет преимущественно положительную коннотацию, в устойчивых сочетаниях употребляется с такими словами, как душа, сердце: *цаһан седкл* – ‘милая, добрая душа’ [ХККУ 2018: 248]. Человека с добрым сердцем называют *цаһан седклтэ* ‘с доброй душой’: *цаһан седклтэ күүнэ хаалһнь, кезэ чигн секэтэ* ‘у кого душа открыта, тому и путь открыт’. Выражение *цаһан седклэсн* (букв. ‘от белого сердца’) означает ‘от души, искренне’ или *эрүн цаһан седклэр* ‘от чистого сердца, искренне от души’ [КРС 1977: 623]. Например: *Поканинова күүкд-көвүдиг цаһан седклэсн йөрәһэд, цугтаднь цаһан хаалһ дурдв* [КНК – ХУ]. ‘Поканинова от души поздравила ребят и пожелала счастливого пути’.

Идея добра и благополучия, передающаяся при помощи устойчивого выражения *цаһа санх* (букв. ‘белое думать’) [Краткий...1971: 52], сконцентрирована в лексеме *цаһан*. Светлые мысли о ком-либо в калмыцкой лингвокультуре считаются своеобразным пожеланием всего хорошего и доброго. Например: *Хөөнэ ард бө болж йовсн чамаг Дорж ода туугдхиннь өмн цаһа санж... йовхий?* ‘Неужели Дорджи, который до глубокой старости пас овец, сейчас перед ссылкой думает о добром и светлом?’ [Краткий... 1971: 52].

Пожелание счастливого пути в калмыцкой лингвокультуре используется для того, чтобы выразить свое теплое и доброе отношение к человеку, и связано тоже с белым цветом: *Хаалһтн цаһан болтха!* [КНК – И.Н.]. ‘Счастливого пути’ (букв. ‘пусть ваша дорога будет белой’); *Өлзэтэ болтха! Гертэс харчах күүкднь цаһан хаалһта болтха!* – *гihэд көгшин өвгн цэ уухин өмн йорал тэвб* [ХККУ 2018: 249]. ‘Благодарю вас! Счастливой дороги девушкам, которые собираются в путь! – пожелал дедушка прежде, чем выпить чай’

Образцы калмыцкого фольклора и фразеологизмы содержат примеры, где данный цветовой символ характеризует человека, его действия и является средством сравнения и оценки. Например: *цаһан санан* эквивалент русского выражения ‘добрые мысли’, а о человеке говорят: *цаһан саната* (букв. ‘с

белыми мыслями')⁹ в переводе означает 'с широкой душой и чистыми помыслами', то есть о хорошем человеке [ХККУ 2018: 248; РКС 1964: 141]. Например: *Хар Манжэ дун уга хэрг цаһан саната кун* [КНК – Э.К.]. 'Черный Манджи – молчаливый, застенчивый, добрый человек'.

Понятия «белый» и «черный» являются антонимами во многих культурах, в том числе и культуре калмыцкого народа. Разделение на сословия у калмыков обозначается с помощью цветовой лексики: *цаһан яста улс (кун)* 'аристократы' [ХККУ 2018: 248] (ант. *хар яста улс (кун)* – 'простолюдины'). Белый и черный цвета изначально связаны с понятиями добра и зла, жизни и смерти, молодости и старости. Эти понятия заключают в себе сложившиеся в процессе многовековой истории ментальные характеристики народа, отражающиеся в нравственно-этических нормах. Отсюда появление фразеологических единиц с цветообозначениями, которые сопровождаются лингвокультурологическими экскурсами в область материальной культуры калмыков, бытовых примет, обычаев, сказок и др.

В пословицах часто противопоставляются два цвета, черный и белый, например, для выражения крайней степени противоречия: *цаһан гихлэ – хар гидг* 'толковать что-либо не так, как есть на самом деле, а наоборот' [КРС 1977: 623]. Например: *Чини ухан-тоолвр олнла кезэчн туслицхи, оньдин көндлүнд, эмтн цаһан гихлэ – хар гидг авъястач* [ХККУ 2018: 248]. 'Твое умозаключение никогда не совпадает с мнением большинства, люди тебе – белое, а ты – черное'.

Известно, что калмыки – кочевой народ, для которого было важно обилие скота и его сохранность. Белых животных калмыки использовали в обрядовых ритуалах для подношения духам земли или воды. Цветообозначение *цаһан* в сочетаниях с зоонимами имеет положительную оценку. В пословице *Цадхла – цаһан хурһна сүүлчн һашун*. (букв. 'Сытому и деликатес хвоста белого ягненка покажется горьким') хвост белого ягненка – почитаемый священный продукт. В

⁹ Антонимичным выражением является *хар санх/ хар саната* – 'думать черное / с черными мыслями', переводится на русский языка 'плохо думать нехорошее/ человек с плохими мыслями'. Например: *Цаһан цань уга, хар саната*. – 'Дальше некуда, очень зловерный'. (букв. ничего белого нет, с черными мыслями).

другой пословице: *Цаһан мөрн олдв чигн, цаг олди уга* ‘Хоть и найдется белый конь, но время не вернется’ [ППЗКРОК 2007: 205] – белый конь символизирует не только сакральность, святость, но и удачу и успех.

Белый цвет молочной пищи в калмыцкой лингвокультуре может символизировать изменчивость с течением времени, а белый цвет волос – переход к старости как завершающему этапу жизни: *Цаг негэр йовдго, цэкрм цаһан болдго*. ‘Все течет, все изменяется’ (букв. время не идет одним ходом, молочное питье не остается вечно белым) [Хуучн... 2018: 91]; *өргнэ сахл цаһахла – үклин зэңг* ‘седина в бороду – весть о смерти’¹⁰.

У калмыков считается, что смерти не существует, есть только следующая жизнь, то есть человек уходит, чтобы вернуться, возможно, даже и в свою семью. У многих народов, в том числе и у калмыков, в теме души и смерти фигурирует белый цвет. Например, калмыки раньше на похороны приходили в белых одеяниях, веря, что человек после смерти попадает в хорошее и благоприятное место на небесах. В калмыцком языке существует устойчивое выражение, в котором день смерти называется белым днем, а не черным: *цаһан (өдрэн) күләх* ‘ждать последнего часа своей жизни, доживать последние дни’: *Дэалдэнэ хөөн салдсмуд госпитальд бээх күнд шавта үүртэн золһад одсн, тернь кү таньлго, цаган күләһэд кевтнэ* [ХККУ 2018: 247–248]. ‘После войны солдаты шли к своим тяжелораненым товарищам, а те никого не узнавали и ждали своего часа’.

Нейтральное употребление цветообозначения *цаһан* встречаем в устойчивом выражении: *һал цаһан өдрэр* ‘среди бела дня’. Как правило, данное устойчивое сочетание включается в высказывания, содержащие указания на социально неодобряемые действия или поведение людей, тем самым усиливая оппозицию «правильно – неправильно»: *Эврэ наснани хаалһин йовдлмудыг илднь, һал цаһан өдрэр үзжэх мет тодрхаһар санв* [КНК – Д.Б.]. ‘Он стал четко вспоминать каждый поступок за всю свою жизнь, словно видит их среди бела дня’.

¹⁰ О белом цвете бровей в корейских паремиях см. следующий абзац.

Устойчивые обороты с цветовыми компонентами встречаются в сборнике пословиц, поговорок и загадок калмыков России и ойратов Китая Б.Х. Тодаевой. Рассмотрим несколько примеров: *Залу кун худл келсн – цаһан мөрн шорад көлврснлэ эдл.* ‘Мужчина, сказавший неправду, подобен белой лошади, повалившейся в пыли’ [ППЗКРОК 2007: 25]. Ложь никогда не красила человека, особенно мужчину, главу семейства, поэтому в фольклоре высмеивается неподобающее поведение.

Противопоставление белому черного как олицетворения чего-либо положительного и отрицательного представлено в калмыцких паремиях: *Нуурс яһжэ уһав чигн, цаһан болхи.* ‘Как не смывай уголь, он не станет белым’ [ППЗКРОК 2007: 333].

Калмыки, используя белый цвет, говорят о внешности человека: *цаһан берэчүд* ‘белолицые молодницы’ или *цаһан буурл өвгн* ‘седоволосый старик’. Однако цветообозначение *цаһан* может обозначать и нечто привлекательное только внешне, но служащее причиной какого-либо отрицательного явления. Так, в пословицах, содержащих цветообозначение *цаһан*, проводятся параллели между причинами непогоды (белые перистые облака) и причинами ссоры (внешне напыщенная, чужая, пришлая, белолицая женщина):

<p><i>Хумха цаһан үүлн – теңгрин хутхур, Хо цаһан гергн – хотна хутхур.</i></p>	<p>Белые перистые облака – причина непогоды, Белолицая женщина – причина ссор в хотоне. [ППЗКРОК 2007: 32]</p>
<p><i>Хумха цаһан үүлн задин хутхур, Хо цаһан баавһа – хотна хутхур.</i></p>	<p>Бело-синее облако – причина непогоды, Белолицая женщина – причина ссор в хотоне. [ППЗКРОК 2007: 35]</p>

В следующей пословице цветообозначение *цаһан* используется в той же функции обозначения природного явления, внешне красивого, но не сулящего ничего положительного, и способствует проведению аналогии с объективной

оценкой человека, которая не опирается только на внешние признаки. Чаще всего в пословицах говорится о пороках, высмеивается лень и глупость:

<p><i>Темэн цаһан үүлн һархла теңгр һазрт амрлт уга,</i> <i>Тенңкэ муңхг көвүн һархла, аав ээжд амрлт уга.</i></p>	<p>Когда появляются белые кучевые облака, нет покоя небу и земле, Когда рождается глупый сын, нет покоя родителям.</p> <p style="text-align: right;">[ППЗКРОК 2007: 36]</p>
--	---

Пословица может передавать прямую негативную оценку, так или иначе связанную с онимом белый в сравнении природного явления для животных (снег) и для человека (война).

<p><i>Цаһанас мунь цасн,</i> <i>Цагин мунь – дән.</i></p>	<p>Худшее из всего белого – снег, Худшее из всех событий – война.</p> <p style="text-align: right;">[ППЗКРОК 2007: 306]</p>
---	---

Таким образом, цветообозначение *цаһан* ‘белый’ в калмыцком языке употребляется как в прямом, так и в переносных значениях, передает символические ценности, связанные в культуре калмыков с белым цветом. Сакральное значение белого цвета в калмыцком языке находит отражение в устойчивых выражениях. Цветообозначение *цаһан* ‘белый’ используют для характеристики людей, которые обладают такими качествами, как мудрость, благородство и невинность, чистота души.

Вместе с тем цветообозначение *цаһан* ‘белый’ в калмыцком языке может иметь и негативные коннотации, обозначая пустую внешнюю красоту.

2.1.2 Белый 회다 в корейской лингвокультуре

Цветообозначение ‘회다’ [hwida] в корейском языке в переводе на русский язык означает ‘белый’. Цветообозначение белый китайского

происхождения 백색 [baeksaek] (白色) чаще употребляется в фольклорных и научных текстах, чем в разговорной форме. Другие значения слова «희다» [hwida]: ‘белый; ясный, чистый, седой’ [КРС 2009: 1874].

В новом толковом словаре современного корейского языка¹¹ даются такие значения этого цвета: 희다 [hwida]: 1. яркое и ясное, как цвет снега или молока; 2. сокращенно от очень щедрый, хвастливый; 3. физика: свет, отраженный глазом, путем слияния всех лучей. Цветолексема 하얗다 [hayatha] значит ‘очень белый’, в толковом словаре даются следующие дефиниции: 1) похож на чистый снег или муку; 2) бледное лицо от страха или холода; 3) очень много; 4) имеет вариант написания 허얗다 [hyeoyatha].

Если сравнить разные словари, то можно увидеть сходства, например:

	Словарь корейского языка Мун Сеёнг 1942	Большой словарь корейского языка 1991	Словарь университета Ёнсе 1998	Большой словарь корейского языка 1999	Большой словарь корейского языка университета Корё 2009
하얗다 белый	매우희다 [maeu huida] ‘очень белый’ 아주희다 [aju huida] ‘очень белый’	질게희다 [jitge huida] ‘очень белый’	눈[nun] ‘снег’ 새솜 [saesom] ‘птичий пух’	눈 [nun] ‘снег’ 밀가루 [milkaru] ‘мука’	질게희다 [jitge huida] ‘очень белый’

¹¹이기문 감수 동아 새국어 사전- 동아 출판사 Ли Гимун Новый словарь корейского языка, 1994.

희다	눈 [nun]	눈 [nun]	눈 [nun]	눈 [nun]	눈 [nun]
‘белый’	‘снег’	‘снег’	‘снег’	‘снег’	‘снег’
			우유 [uyu]	우유 [uyu]	우유 [uyu]
			молоко	‘молоко’	‘молоко’

Данные различных словарей, приведенные в таблице, показывают, что отличия в восприятии указанных обозначений белого цвета: в описании белого 희다 [heuida] цвета чаще всего фигурируют ‘снег’ и ‘молоко’, а для 하얗다 [hayatha] – ‘очень белый’. В более современных словарях кроме снега, который ассоциируется с белым цветом, упоминается ‘молоко’ и ‘мука’.

Белый цвет олицетворяет ясный и светлый ум. Выражение 백미 [baegmi] ‘белые брови’ в корейском языке употребляется при характеристике выдающегося человека, умудренного опытом и знаниями. В древности советники или мудрецы при короле окрашивали брови, чтобы их отличали и узнавали. Седина у многих народов ассоциируется с мудростью и почтенным возрастом, например, корейцы говорят: 가는 세월 오는 백발 [ka-neun se'wol oneun baekbal]. ‘Время уходит, старость (букв. белая голова) приходит’.

В философии пяти элементов белый цвет символизирует поклонение небу и солнцу. Причина, по которой первопредок Тангун основал страну и назвал ее Чосон, основан на идее поклонения солнцу, белому, чистому и яркому. Многие наименования стран, рек и населенных пунктов у корейского народа связаны с солнцем, луной и светом. Для корейцев белый цвет – это чистота, целостность и невинность. Он имеет значение траурной одежды или похорон, но, как и у калмыков, в положительном смысле, то есть в белой одежде легче освещать путь в подземный мир. Белые животные считались священными.

Однако в корейском языке есть выражения с цветообозначением «белый», которые все же несут негативный оттенок, например, 얼굴이 하얗다

[olgur-i hayatha] (букв. ‘иметь белое лицо’) означает ‘быть сильно уставшим или напуганным’; 창백하다 [changbaeg hada] (букв. ‘быть бледным’) – ‘иметь нездоровый внешний вид, болеть’; 밤을 하얗게 새우다 [bam-eul hayakke saeuda] (букв. ‘провести белым всю ночь’) имеет значение ‘всю ночь не спать, сидеть за работой’.

Большой знаток корейского фольклора исследователь Ким Дохван в своем «Практическом словаре корейских пословиц» [Ким Дохван 1993] представил огромный многолетний труд с описаниями пословиц и их значений. На материале корейских пословиц рассмотрим ценностные характеристики цветообозначений 희다 [huida] и 하얗다 [hayatha].

Цветообозначение «белый», выступающее определением к существительным лексико-семантической группы «природа», в корейских пословицах не нейтрально, оно участвует в создании общего положительного образа: 흰이슬이서리된다 [huin iseul-i seoli toenda]. ‘Белая роса превращается в иней’ [Квак Ынхи 2018: 19]. Метафора, на которой построена поговорка, передает смысл процесса, когда нечто незначительное становится мотивацией и затем чем-то конкретным. В пословице 흰 모래 밭에 금자라 걸음 [huin molae bat-e geum jala geol-eum]. ‘Золотой шаг по белому песку’ цветообозначение «белый» выполняет аналогичную функцию в описании человека, испытывающего радость [Квак Ынхи 2018: 19].

Цветообозначение 희다 [huida] ‘белый’ в корейских поговорках может выступать символом лучшего: 여자와 쌀은 흰수록 좋다 [yeojawa ssal-eun huil sulog johda]. ‘Женщина и рис чем белее, тем лучше’ [Квак Ынхи 2018: 18]. В Корее, как и на всем востоке, красавицей считается белокожая, белолицая женщина, а белый рис – созревшим. Белый цвет как признак женской красоты встречается в корейских пословицах регулярно: 희어야미인이다 [huieoyamiin-

ida]. ‘Чтобы быть красивой, она должна быть белой’ [Квак Ынхи 2018: 18]. Белый цвет кожи оказывается символом не только женской красоты, но и возможных привилегий даже при наличии каких-либо недостатков: **살결이 희면 얼허물 가린다** [salgyeol-i huimyeon yeolheomul garinda]. ‘Если кожа твоя белая, десять пятен закроются’ [Квак Ынхи 2018: 18]. До настоящего времени в корейском обществе сохраняется многовековое убеждение, что женщины с белой кожей будут иметь больше привилегий, чем смуглые девушки.

Позитивная характеристика белого цвета в корейских пословицах не является постоянной. В нашем материале встречаются примеры, демонстрирующие негативную составляющую семантики белого цвета, использующегося в том числе и для характеристики внешности человека. Например, о людях, которые считают себя красивыми, корейцы могут отозваться так: **흰말 볼기짝 같다** [huinmal bol gijjak kattha]. ‘Это как щеки белой лошади’ [Квак Ынхи 2018: 19]. Здесь под жаргонным словом ‘щеки’ имеются в виду ягодицы лошади. Сарказм выражения, в котором сравнение со ‘щеками’ никак не говорит о красоте лица, позволяет высмеивать такие пороки людей, как высокомерие, глупость, нарциссические проявления.

Внешняя красота при отсутствии богатого внутреннего мира получает негативную оценку в выражении: **희뎃기는 백로 궁둥이다** [huiteobgi-neun baeglo gungdung-ida]. ‘Изящество на белой цапле’ [Квак Ынхи 2018: 20].

Отрицательная коннотация цветообозначения «белый» проявляется и в контексте других пословиц: 1) **흰떡에 소가 든다** [huin tteog e sogadeun da]. ‘Белый рисовый пирог стоит больших денег’ – так говорят о неоправданно дорогой, но очень необходимой вещи; 2) **흰죽에 고춧가루** [huinjuge gochutgaru].¹² (букв. За белую кашу красный перец). ‘Не соответствует цене’; 3)

¹² Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (дата обращения: 15.08.2024).

흰죽에 코 빠진격 [huinjug-e ko ppa-jin gyeog]). ‘Все равно, что нос сунуть в белую кашу’ – быть очень похожим [Квак Ынхи 2018: 17]; 4) 흰죽 더 먹은 자리 [huin jug tteo meog eun ja li]. ‘Место, где едят белую кашу’ – не оставлять никаких следов после себя [Ким Дохван 1993: 324].

Цветобозначения в сочетании с названиями птиц и животных в паремиях создают образы-символы, способные аллегорически иллюстрировать многообразие жизненных ситуаций, контекстных особенностей. Например, велика роль белого в создании символа внешней добропорядочности при фактическом ее отсутствии: 1) 흰칠한다 고까마귀가 백로 되지않는다 [huin chilhandago kkamagwiga baeglo doe ji anhneunda]. ‘Покрасить ворону в белый цвет не значит, что она станет белой цаплей’ – обманывать, не говорить правду, предпринимать какие-то махинации; 2) 흰개가 고기는 먹고 매는 검은개가 맞는다 [huingae-ga gogi-neun meoggo maeneun geom-eun gae-ga majneunda]. ‘Белая собака ест мясо, а черную собаку бьют’ – преступление совершает один, а наказание получает другой. Отметим, что белая цапля, выступая в качестве символа удачи (в отличие от символа внешней красоты), в корейских пословицах имеет положительную оценочность: например, выражение 검은 구름에 백로 지나가기 [geomeun gureume baengro jinagagi].¹³ ‘Между тучами пролетела белая цапля’ означает, что и в тяжелые дни и времена бывают периоды для совершения хороших дел и моменты радости.

В корейской культуре не все птицы белого цвета имеют позитивную оценку. Например, в пословице, указывающей на признак надвигающейся опасности, упоминаются белые журавли: 흰 학이 높은 땅에 모이면 큰 한재

¹³ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (дата обращения: 15.08.2024).

난다 [huin hag-i nop-eun ttang-e moimyeon keun hanjae nanda]. ‘Когда белые журавли собираются на возвышенности, происходит великое бедствие’.

Цветобозначение «белый» в корейских пословицах помогает создать образ постоянного качества. В нашем материале зафиксировано несколько пословиц, иллюстрирующих указанную особенность цветобозначения *белый*: 흰 개꼬리 굴뚝에 삼년 두어도 흰개꼬리다¹⁴ [huin gaekkoli guttug-e samnyeon dueodo huingaekkolida]. ‘Даже если вы оставите хвост белой собаки в дымоходе на три года, это все равно будет хвост белой собаки’; 흰 개 꼬리 삼년을 시궁창에 묻었다 봐도 흰개꼬리다 [huin gae kkoli samnyeon-eul sigungchang-e mud-eosda bwado huingaekkolida]. ‘Хвост белой собаки остается хвостом белой собаки, даже если он зарыт в сточной канаве на три года’; 흰 개꼬리 3년이라 [huin gaekkoli 3nyeon-ila]. ‘Если хвост белый, то он и через 3 года будет белым’¹⁵.

Отметим, что в большинстве приведенных выше пословиц специфика цветобозначения «белый» осознается более четко благодаря контрасту, созданному прямым или косвенным упоминанием черного цвета. Прямое противопоставление белого и черного цветов, символизирующих нечто противоположное, находим в пословице 흰것을 검다 하다 [huin geos-eul geomda hada].¹⁶ ‘Белые вещи черные’, которую корейцы используют для характеристики ситуации, когда кто-либо настаивает или убеждает собеседника в том, чего нет или что не имеет смысла.

Таким образом, цветобозначение «белый» в корейской лингвокультуре получает положительную семантику (лучшее, женская красота, образ природы), но вместе с тем может приобретать и негативные смыслы (внешняя красота при

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же

¹⁶ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (дата обращения: 15.08.2024).

небогатом внутреннем мире, при визуальном соответствии трудности для выполнения и совершения действий).

2.1.3. Черный *хар* в калмыцкой лингвокультуре

Черный цвет является вторым важнейшим цветом в жизни калмыцкого народа после белого. Белый и черный цвета изначально связаны с понятиями добра и зла, жизни и смерти, молодости и старости. Черный цвет – антипод белого, противоположная сторона жизни.

В словаре Б.Д. Муниева черный цвет *хар* описан следующим образом: «I 1. 1) чёрный; тёмный; 2) *с нек-рыми словами, обозначающими питье или пищу* постный (в знач. без молока); чистый (в знач. без примесей); 3) *ист.* простой, простонародный; *хар кун* а) простолюдин; б) мирянин; 4) чёрный, физически тяжёлый; *хар көдлми*; 5) дурной, скверный; вредный; порочный, преступный; *хар санан* а) злой умысел; б) коварство; б) самый сильный; самый...; *хар киитн* ‘сильный холод’; 2. 1) только лишь; исключительно; совсем, 2) очень, слишком; 3. 1) чёрный (о шахматных фигурах); 2) зло; преступление, злодеяние; II: *хар-хар гих* звукоподражание. ‘издавать шум’ [КРС 1977: 576].

Г.Ц. Пюрбеев пишет: «Черный цвет многозначен.... Он передает как отрицательную, так и положительную оценку изображаемого предмета. В обозначении хтонических начал слово черный «хар» выступает как характеристика объектов Нижнего мира, демонов зла и враждебных сил...» [Пюрбеев 1993: 75-76].

В религиозной картине мира калмыков черному цвету соответствует понятие «добуддийские верования», которое представляется калмыцким понятием *хар шажн* «черная вера» – т.е. комплекс верований, предшествовавший появлению «желтой веры» (буддизма). В структуре «черной веры» (добуддийских верований) выделяются реликты дошаманских и шаманских представлений и обрядов [Бакаева 2006: 11].

Бурятский исследователь Дорджи Банзаров о вопросе происхождения Черной веры пишет: «Древняя народная религия монголов и соседних с ними народов известна в Европе под именем *шаманства*, у своих же последователей она не имеет особого названия. Монголы, уже по принятии буддизма, называли ее *Черною верою* (хара шаджин), то есть грубою, непросвещенную, как бы в противоположность буддизму, которая называется *Желтою верою* (*шара шаджин*) [Банзаров 1955: 45]. Таким образом, название Черная вера не несет в себе других негативных смысловых нагрузок, кроме «непросветленный», и является источником древней системы, соединяющей дух природы и дух внутреннего мира человека.

Рассмотрим цветообозначение *хар* в устойчивых сочетаниях.

Цветообозначение *хар* с положительной оценкой встречается в составе множества устойчивых словосочетаний в калмыцком языке: *хар чидл* ‘физическая сила’, *далын бэргр хар махн* («Джангар») ‘плотные черные мышцы лопатки’ [ППЗКРОК 2007: 64]. Буквально ‘черная сила’ и ‘черные мышцы’ несут значение мощной силы. Обратим внимание на такие словосочетания, как *хар усн* ‘чистая вода’, *хар махн* ‘филе’, *хар эрк* ‘хорошая водка, высшей очистки’. В данных примерах, связанных с пищей, *хар* означает качественное и чистое [КРС 1977: 577].

Имеется немало идиом с цветообозначением *хар* в переносном, символическом, значении. *Хар усн деер орм бээлһм келтэ*. ‘О ком-либо, кто отлично, прекрасно умеет говорить; о человеке с исключительным даром красноречия’ [Краткий... 1971: 49]. В этом выражении *хар усн* имеет значение ‘чистая вода’, и вода сравнивается с плавной красивой речью человека, явно отражая позитивный окрас черного цвета. *Хар цаһан ду эс харх* – о полном покое, в абсолютной тишине хранить молчание (*букв.* черный – белый звук не выходит) [Краткий... 1971: 50]. Можно предположить, что бинарные или противоположные цветообозначения «черный и белый» указывают на смысл «никакой, ничего»: *Кун йир хар цаһан ду хархи* [Краткий... 1971: 50]. ‘Он ничего не произносит’.

Черный цвет с положительной оценкой в описании человека и его способностей выражает физическую силу и мощь, и чаще встречается в сочетании со словами: мясо, мышцы, сила. Что касается качеств человека в отрицательном свете с цветообозначением «хар», то заметим, что чаще с такими словами, как ум, голова, мысли, душа, сердце.

Устойчивых выражений с цветообозначением *хар*, употребляющихся в позитивном ключе мы обнаружили 8, но отметим, что количество фразеологизмов с отрицательной оценкой черного цвета намного превышает эту цифру. Уже сама лексема *хар* в калмыцком языке означает ‘злой умысел’: *Эмд цаглань эмн эдл хар уга эңкр билэв...* [ХККУ 2018: 225]. ‘При жизни без всякого злого умысла я любил(а) его(ее)...’.

Человеческие пороки и неодобряемое в социуме поведение человека в лингвоцветовой картине мира окрашивалось в черный цвет *хар*. Приведем несколько таких выражений: *хар санан (ухан)* ‘недобрые, черные мысли’ характеризует человека с неблагоприятными намерениями, неумеющего радоваться за другого человека. Такая черта не красит человека, поэтому она часто осуждается в пословицах, например: *Хамута мөрн ижлэн бардг, хар санан бийэн бардг.* ‘Чесоточный конь табун портит, злые намерения губят самого злоумышленника’ [Хуучн... 2018: 85]. *Хар ухан угаһар* ‘без злого умысла’. А выражение *хар ухаһарн* ‘своей головой, своим умом’ не имеет под собой негативной подоплеки, слово «мысли, ум» в творительном падеже придает выражению нейтральный оттенок и имеет значение принадлежности.

Устойчивое выражение *хар седкл* ‘злой умысел, вредительство’ буквально переводится на русский язык как ‘черная душа’, становясь антонимичным выражению *цаһан седкл* ‘добрая душа’. В сопоставлении черного цвета белому проявляется еще в одном фразеологизме: *хар цаһан хойриг йилһх* ‘найти где правда, где кривда’, то есть правда ассоциируется с белым цветом *цаһан*, а неправда – с черным *хар*.

Еще одно выражение связано с черной душой человека: *хар чеежләрн гүвдлэх (ноолдх)*, буквально переводится на русский как ‘бороться (драться) с

черной душой», что значит «мучиться, терзаться думами» [ХККУ 2018: 226]. Как видим, калмыки большое внимание уделяли своему внутреннему состоянию, своему внутреннему миру.

Цветолексема *хар* в сочетании с глаголами становится существительным и означает ‘что-то плохое, подозрения’: *хар тусх букв.* ‘черное настигло, то есть быть под подозрением’, *хар авх букв.* ‘взять что-то черное’, *хар үзх букв.* ‘увидеть что-то черное’, *хар дарх букв.* ‘что-то черное давит’ (перевод: ‘кошмары снятся’). *Хар (харт) авх букв.* ‘взять черное’ Подозревать в каких-то деяниях человека, чаще всего используют это словосочетание как средство выражения негативной оценки [ХККУ 2018: 225]. Плохое и болезненное состояние часто отражается в языке через черный или желтый цвета. Идиоматическое выражение *хар дарх* значит ‘видеть во сне кошмары, впасть в сонный паралич’. Буквально переводится как ‘давит что-то черное’. Пример: *Серун цагтм суулһ өгхи, нүдэн аньв-угай гилһнләнһ хар дарад алж авна.* ‘В прохладное время не могу сидеть, как только закрываю глаза, сразу впадаю в сонный паралич’ [Бардаев 1990: 222]. С болезнью связан еще одним фразеологизм: *хар шир болад одх* ‘стать больным и немощным, иметь больной вид’ [ХККУ 2018: 226].

Выражение *хар болх* (букв. ‘быть черным, простолюдином’) в значении ‘лишиться духовного сана’. *Хар кун* называли простых людей, поэтому становиться черным означало снять с себя определенные полномочия. Анализ функционирования данного выражения в художественной литературе показывает, что сочетание *хар болх* может расширять семантику глагола и используется в значении ‘не иметь духовного сана’. Например: *Шуңһрцгас деер гелң ода олддмн биш. Зуг терчн кезәнә хар эс боллу?* ‘Сейчас не найти монаха лучше Шунгрцака. Но разве он не был раньше простым мирянином?’ [Бардаев 1990: 221]. Как мы уже упоминали выше, людей высших сословий калмыки называли *цаһан яста кун* ‘люди белой кости’, то простых людей могли называть *хар яста кун* или *хар кун*, то есть ‘черными’: *Харачичн хамх цокх хар*

яста күмб. ‘Я простой человек, который может тебя разгромить полностью’ [Бардаев 1990: 226].

Клевета, ложь, обман – социально неодобряемые слова и поведение людей, поэтому в устойчивом сочетании *хар гөр* ‘сухая клевета’ к слову *гөр* добавляется для эмфазы цветообозначение *хар*. Смысл ‘стать жертвой клеветы’ передает фразеологизм *хар гөрт унх* (букв. ‘упасть в черную ложь’). Например: *Чини келсэр болхла, эцкчн хортн биш, хар гөрэр үүллэ харһсн чигн болх*. ‘По твоим словам твой отец не враг, возможно, он стал жертвой клеветы’ [Бардаев 1990: 221]; *Хар гөрт унх угав, хээмнь, бичэ санаһан зов, аштнь үнн авх*. ‘Меня не оклеветают, не переживай за меня, в конце обязательно правда восторжествует’ [Бардаев 1990: 222].

Фразеологизм *хар көлсн* буквально означает ‘черный пот’. В калмыцком языке через образ черного пота передается значение ‘работать в поте лица, много работать’. Например, *хар көлсэрн гесэн тежэах* ‘жить за счет своего (физического) труда’. *Хар көлсэрн гесэн тежэдг харңһу ялчнр*. ‘Простые батраки, которые зарабатывали себе на жизнь своим (черным) потом’ [Бардаев 1990: 222]. Однако это же цветообозначение в идиоме *хар көлсн асхрх* теряет значение цвета и получает значение ‘холодный’: ‘обливаться холодным потом’: *Сард гинэд, киитн көлсн хоожад бээх*. ‘Резко отойдя, покрылся холодным потом’ [Бардаев 1990: 221]. Слезы в калмыцком языке тоже могут быть окрашены в черный цвет *хар нульсми* ‘горькие слезы’. Цветообозначение *хар* в данном фразеологизме не имеет резко отрицательной коннотации, хотя элемент отрицательной оценки, связанной с событиями, вызвавшими такую реакцию, здесь присутствует.

Сочетание *хар мөртэ* в калмыцком языке имеет значение ‘вред’. В сочетании с глаголом *хальдах* ‘причинять вред’ образует фразеологизм также с отрицательной семантикой *хар мөрэн хальдах* ‘навредить, напакостничать, нанести ущерб или урон’ (букв. ‘оставить черный след’). Например, *Тер күн-колхозин өшэтн, үндснн хар саната, мана көдлмиит хар мөрэн хальдахар, бултңһуһар кергэн күцэжэ бээх күн болх зөвтэ* [Бардаев 1990: 223]. ‘Этот

человек, должно быть, – настоящий вредитель, зловердный и злонамеренный, тайно чинящий препятствия нашему общему делу [колхозу]’.

Интересна интерпретация словосочетания *хар хад* (букв. ‘черная скала, утес’), которое в ряде случаев обыгрывается в ситуации, где дается отрицательная оценка, как, например, в следующем предложении: *Иим хар хад болсн хайли альдас харад ирв гинэ түүг?* ‘Про нее говорят, и откуда только взялось это невежество (букв. фляга)?’ В данном случае высмеивается несуразная огромная фигура женщины, которую сравнивают с утесом в виде фляги [Бардаев 1990: 226]. А в выражении *хар хад хамхржана* ‘рушатся стены невежества’ *хар хад* означает ‘невежество’: «*Хар хад хамхржана*» *гисн келвртэн бичгэч эклжэ колхозмуд заң-баар, авъяс-уңгарн сөңгдгдэж йовхиг үзүлсн.* ‘В своем рассказе «Невежество рушится» автор показал, как образование колхозов рушит традиционные устои’ [Бардаев 1990: 226]. Цветообозначение «черный» в примерах с образами твердого черного утеса, скалы ассоциируются с чем-то большим или огромным, необъятным.

Калмыки издавна верили в то, что причиной многих болезней является зависть людей и нехорошие разговоры. В связи с этим бытует особый религиозный обряд лечения, избавляющий от вреда, причиненного злыми языками, и называемый *хар кел утлх*, где слово *хар* имеет переносное значение ‘злой, нехороший’. Обряд делали шаманы, читали молитву и отрезали белую и черную нитки. Например: *Күн гемтхлэ, хар кел утлһ кедгиг Арслң эмтнэ келсн үгэр, заңгар меддг билэ.* ‘Арслан узнал по слухам, новостям о том, что, если кто-то заболел, то они совершали обряд по отрезанию злого языка’ [Бардаев 1990: 222].

В идиоме *хар нүдэн хальтрл* (букв. ‘глаза готовы выпрыгнуть из орбит’) цветообозначение *хар* не несет негативной оценки, это, скорее, устойчивое определение. *Хар нүдэн хальтрл кеерв.* ‘Вырядился так, что глаза из орбит полезли’ [Краткий... 1971: 36]. Ср.: холодный черный взгляд (букв. холодные черные глаза). Фразеологизм имеет сравнительный негативный оттенок, и

черный цвет тут выступает как отражение безвкусицы, напыщенности и бестолковости [ХККУ 2019: 110].

Аналогичным примером устойчивого определения может служить цветообозначение *хар* в выражении *хар толһаһан зальгх* (букв. проглотить черную голову) ‘поплатиться своей головой, не сносить головы’. Приведем пример из фольклорного текста: *Хаана өгсн һурвн марһаг даранднь чикәр тәәлсн күн мишг алтар ачлгдх, марһасиг тәәлжэ эс чадсн әмтн хар толһаһан зальгх*. ‘Кто сможет правильно выиграть конкурс, будет награжден, а кто не сможет, тому голову с плеч долой’ [Бардаев 1990: 224].

В выражении-проклятии с цветообозначением *хар* – *хар һазрт ор* (*орцхатн*)! ‘провались сквозь землю’ цветообозначение *хар* осложняется негативной семантикой [Краткий... 1971: 49]. Буквально *хар һазр* переводится как ‘черная земля’, выражение *хар һазрт орх* ‘зайти в черную землю’ используется калмыками в значении ‘умирать’. Например: *Эгчрнь бас эв-зәәһән оцхав: зәрмнь хәрд мордцхав, зәрмнь хар һазрт чигн орцхав*. ‘Сестры тоже нашли свое место: кто-то замуж вышел, кто-то умер’ [Бардаев 1990: 222].

Стилистическую нейтральность цветового прилагательного *хар* мы находим в топониме *Хар Һазр*. Территория в Калмыкии *Хар Һазр* ‘Чёрные земли’ – названа так потому, что в зимнее время земля не покрывается снегом, и поэтому скот может выпасаться круглогодично [Есенова 2012: 16].

Цветообозначение *хар* в калмыцком языке используется и для обозначения раннего утра: *хар дүң* ‘утренние сумерки’, *хар өрлә* ‘спозаранку’. Возможно, смена ночи и дня подразумевает переход от темного к светлому. К нейтральному обозначению можно отнести и описание погоды: *хар цод* ‘сильные заморозки (без снега)’. Если же говорить о морозах, заморозках, сильном ветре, то такие выражения передают отрицательную оценку: *хар салькн* (букв. ‘черный ветер’), значит ‘черная буря, сильный сухой ветер, иссушающий почву и несущий много пыли’ [ХККУ 2019: 224].

В качестве нейтрального цветообозначения *хар* выступает в наименованиях: *хар шора* ‘чернозём’, *хар-яр парн* ‘натуральная оспа’, *хар цахрад бээх* ‘собраться в огромном множестве’.

Ценностные характеристики цветообозначений сохраняются в пословицах и поговорках. В нашем материале встречаются пословицы с цветообозначением *хар*. Как правило, в калмыцких паремиях черный цвет связывается с чем-то негативным (бедность), противопоставляется белому цвету, создавая оппозицию «черный – белый», соответствующую противопоставлению «хороший – плохой», «что-л. положительное – что-л. отрицательное»: *Хар ишкэ цаһан болдг уга, хуучн дээсн үр болдг уга*. ‘Черный войлок белым не станет, старый враг другом не сделается’ [ППЗКРОК 2007: 314].

Степень дополнительных оттенков смысла в пословицах может отличаться. Например, в следующей пословице образ черной кошки (*хар мис*) не осложнен особым культурным фоном и помогает акцентировать внимание именно на контрастном цвете: *Хар мис цаһан болдг уга, хуучн өшэтн иньг болдг уга*. ‘Черная кошка не станет белой, старый враг не станет другом’ [ППЗКРОК 2007: 317]. Или: *Хар нүүрс кедү уһав чигн цаһан болдг уга*. ‘Сколько ни промойвай уголь, белым не станет’ [ППЗКРОК 2007: 331].

Черный войлок или черная юрта, упоминаемые в пословицах, имеют особый культурный фон и ассоциируются с бедностью, плохим материальным положением, с низкой ступенью социальной иерархии: *Хар гертэн хан, бор гертэн богд* [ППЗКРОК 2007: 121]. ‘В своей черной юрте хан, в своей серой юрте богдо’. Неважно, какое у тебя жилище, в своем собственном доме человек всегда может быть полновластным хозяином [Бардаев 1990: 221].

В пословице, характеризующей ни на что не способного человека, актуализируется отрицательная оценочность цветообозначения *хар* в составе

наименования калмыцкого блюда *хар будан* как пищи бедняков¹⁷: *Хар буданд хать болиго, харңһу сөөд хань болиго*. ‘В похлебке приправой не станет, темной ночью спутником не сможет быть’ [КРС 1977: 116].

Следующие пословицы, построенные по принципу аналогии, также актуализируют связь черного цвета с негативными явлениями: *Харңһу сө нүдн уга, хар керэ зүсн уга*. ‘У темной ночи глаз нет, у черного ворона масти нет’ [ППЗКРОК 2007: 608]; *Харас ээдг уга, харңһуһас чочдг уга*. ‘Черного не боится, темноты не пугается’ [ППЗКРОК 2007: 567].

Среди калмыцких фольклорных текстов с цветообозначением *хар* встречаются загадки, в которых актуализируется значение цвета. Цветовое прилагательное *хар* в загадках, как правило, определяет существительные – названия животных, деталей одежды, предметов, характерных для кочевого быта, создающих метафорическое изображение загаданного (черная овца – тень, черная корова – глаз, черная собака – замок, черный верблюд – ножницы, черный пояс – внутренние органы, черный человек – коса и др.): *Хар буур хэкс гижэ Хажуһин өвсн нурс гижэ (үс хээчлх)*. ‘Черный верблюд издал рёв, вокруг травы полегли (стричь волосы)’ [ППЗКРОК 2007: 635]; *Уулын ард утхар күмн (гижэ)* ‘На той стороне горы длинный черный человек (девичья коса)’ [ППЗКРОК 2007: 635]; *Хар үкр харһа хашата (нүдн)*. ‘У черной коровы изгородь из сосны (глаза)’ [ППЗКРОК 2007: 640]; *Хаана күүкн хар торһн бүстэ, нойна күүкн ноһан торһн бүстэ (элкн, оошк)*. ‘У ханской дочери пояс из черного шелка, у княжеской – пояс из зеленого шелка (легкое и печень)’ [ППЗКРОК 2007: 648]; *Харгч хөөг алжэ эс чаджэ (сүүдр)*. ‘Черную овцу не смогли убить (тень)’ [ППЗКРОК 2007: 673]; *Бичкн хар ноха тоһилжэ кевтэд, // Кү орулхи чигн биш, кү һарһхи чигн биш (оньс)*. ‘Маленькая черная собака, свернувшись клубком, // Лежит и не дает никому ни войти, ни выйти. (Замок)’ [ППЗКРОК 2007: 738].

¹⁷ Еду простых бедных людей называли *хар будан*, буквально, ‘черный бульон’. Черный, потому что это был просто жидкий бульон без мяса, напоминал простую воду. Даже черный чай без молока был признаком бедной семьи [Есенова 2012: 89].

Таким образом, диапазон употребления прилагательного цвета *хар* ‘черный’ в калмыцком языке довольно широк и значения его разнообразны. Цветообозначение *хар* в устойчивых выражениях имеет как положительную, так и отрицательную оценочность. Преобладающее количество отрицательно оценочных устойчивых сочетаний с цветообозначением «хар» указывает на преимущественно негативное отношение калмыков к черному цвету как символическому обозначению всего плохого: тьмы, зла, греха, смерти, невежества. В целом цветообозначение *хар* в калмыцком языке и культуре является амбивалентным символом в большей степени, чем белый цвет.

2.1.4. Черный 검다 в корейской лингвокультуре

Корейская культура – это культура цвета, резко контрастирующая с европейской цветовой традицией [Щим 2007]. В корейских, китайских и японских пейзажах много белого, а пустота имеет прямое и косвенное отношение к темноте. В частности, в китайских пейзажных картинах неба вообще не было или закрашивалось черным цветом, что соответствует каноническим текстам, содержащим выражение «Небо черное, земля желтая» (天地玄黃) [Щин Сок Чжу 2016].

В корейском языке цветообозначение черный 검다 [komta] можно встретить в разных написаниях: 감다 [kamta]; 가말다 [kamatha]; 까말다 [kkamatha]; 새까말다 [sakkamatha]; 새카말다 [saekhamatha]; 검다 [kkeomtta]; 거멀다 [keomeohta]; 꺼멀다 [kkeomeohta]; 시꺼멀다 [sikkeomeohta]; 시커멀다 [sikheomeohta]. Различное написание слова «черный» – с гласной *o* или *a* – указывает на интенсивность цвета. Слова с «o» обозначают менее интенсивный черный цвет – «немного черный» [Ли Гимун 1994: 95].

В словаре современного корейского языка Донг-А [Ли Гимун 1994] дается такое определение черного цвета 검다 [komta]: 1. похожий на уголь или чернила¹⁸. 2. о нечестном и наглом человеке [Ли Гимун 1994: 113]. В толковом словаре 1999 года [Большой словарь корейского языка 1999] даются следующие определения: 1. Темный, как древесный уголь или грязь; 2. (о душе) запутанная, отвратительная, сложная; 3. Мрачный, темный [Большой словарь корейского языка 1999].

Значения черного цвета в других толковых словарях корейского языка выглядят так:

	거뿔다 [kyeomotha] 'черный'	검다 [komta] 'черный'
Словарь корейского языка Мун Се Енг 1942	빛이 조금 검다 свет 'немного черный'	흰빛이 조금도 없다 'Нет белого просвета'
Большой словарь корейского языка 1991	연하게 검다 'светло- черный'	숯먹 'чернила'
Словарь университета Ёнсе 1998	꽤 검다 'очень черный'	숯먹 'чернила'
Большой словарь корейского языка 1999	어둡고 얽게 검다 'темный, светло-черный'	숯먹 'чернила'
Большой словарь корейского языка университета Коре 2009	숯, 먹 'уголь, чернила'	먹 'чернила'

¹⁸ Здесь и далее перевод с корейского языка на русский язык выполнен мной (М. Ж.).

Как видно из описаний, черный цвет больше сравнивают с чернилами и различают оттенки и насыщенность красок от светло-черного до очень черного. Ли Чже Ман в своей книге «Цвета Кореи» (2005) пишет, что черный **흑색** [higsaeŋ] (黑) в быту похож на соевый соус, тушь, горчицу и другое [Ли Чже Ман 2005]. Название **흑색** [hiŋ saeŋ] происходит из китайского иероглифа, который используется в пословицах и загадках чаще, чем в научной литературе.

В корейской лингвокультуре черный цвет **검다** [komta] может иметь положительную оценку в пословицах: **검은 머리 파뿌리 되도록** [geomeun meori parrugi doedorok]. букв. ‘Пусть черные волосы станут похожими на корень луковицы’. Черные волосы символизируют молодость, а белые волосы – старость. Когда человеку желают прожить до глубокой старости, корейцы говорят такие пожелания.

Положительная коннотация черного цвета возникает и пословице **검은 암소가 진상길에 오른다** [keom-eun amso-ga jinsang-gir-e oreunda]. ‘Черная корова на пути к истине’. Источник этой пословицы – корейская легенда, в которой рассказывается о том, как король смог решить проблему страны после того, как ему подали мясо черной коровы, оказавшееся полезным. Черная корова, таким образом, считается символом ума и мудрости. Сейчас эту пословицу используют в ситуациях, когда надо поддержать кого-либо в сложной ситуации советом или действием.

검은 고기가 맛은 있다 [keom-eun gogi-ga mas-eun itta]. букв. ‘Черное мясо вкусное’. Так говорят про людей со смуглой кожей лица, подчеркивая, что смуглый человек – это не значит плохой.

Представление корейцев о внешних признаках удачливого, счастливого человека – черной родинке – выражается в пословице **검은 점이 입가장 자리에**

나있으면 먹을 복이 있다 [keom-eunjeom-i ibgajang jali-e naiss-eumyeon meog-eul bog-i itta]. ‘Черная родинка на краю губ приносит счастье’.

В пословице 흰 것은 종ियो 검은 것은 글씨다 [huin geos-eun jong-i-yo geom-eun geos-eun geulssida]¹⁹ (букв. ‘Белое – это лист бумаги, а черное – это буквы’) черный цвет букв означает знания и грамотность и имеет также положительную оценку. Метафора крайнего невежества и полного отсутствия знания о письме встречается в следующей пословице: 검은 것은 글씨라는 것 밖에 모른다 ‘Кроме того, что черное – это буквы, ничего не знает’.

Цветобозначение «черный» получает переносное значение в словосочетании 까막눈 [kkamag nun] ‘черные глаза’, означающем незнание букв. ‘неумение читать, невежество’. Черный цвет лежит в основе сравнения неграмотности с тьмой, олицетворяя бедность и безнадежность будущего: 무식은 암흑ियो 지식은 광명이다 [musig-eun amheug i'yo jisig-eun gwangmyeong-ida].²⁰ ‘Не ученье тьма, а ученье свет’.

Черному цвету приписывают смысл несчастливого знака или плохой приметы: 역질 흑함(黑陷) 되듯 한다 [yeokjil heukham doedeut handa].²¹ ‘Несчастье в черном ящике’. Данная поговорка употребляется в ситуации, когда появляются знаки надвигающейся опасности.

Корейцы считают, что, только пройдя через жизненные трудности или испытав их в своей жизни, человек обретает понимание и благодарность к родителям. Например, в паремии 검은똥 누고 나면 부모은공 알게 된다 [geom-eunttong nugo namyeon bumoeungong alge doenda] (букв. ‘После черных экскрементов познается благость родителей’) цветобозначение «черный» в

¹⁹ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (дата обращения: 17.08.2024).

²⁰ Там же

²¹ Там же

описании испражнения представляет собой символ трудностей, сложностей в процессе воспитания ребенка и становления его как личности. С одной стороны, физиологическое явление, упоминаемое в примере, может вызвать отвращение, однако в общем контексте оно осмысливается как неотъемлемая часть взросления человека, и отрицательная коннотация в данном случае оказывается стертой.

Во фразеологических оборотах черный цвет противопоставляется белому. Такое противопоставление создает дуальность понятий «правильно – неправильно», «добро – зло», «хорошо – плохо». В контрасте с белым цветом более явно выражается негативная коннотация черного цвета: 빛은 검어도 속은 희다²² [bich-eun kyeomo-do sog-eun hwida] (букв. ‘Даже если кисть черная, внутри она белая’). То есть человек может быть добродушным и доброжелательным, хотя внешне усиленно скрывает это. В корейском языке распространены пословицы с таким же смыслом, но с использованием разных образов (ворон, черный горшочек с белым рисом): нельзя оценивать человека по внешнему виду: 까마귀 겉 검다고 속조차 검은줄 아느냐²³ [kkamagwi geot geomda-go sogjocha geom-eun jul aneunya]. (букв. ‘думаешь, если ворон черный снаружи, то и внутри черный?’); 솥은 검어도 밥은 검지 않다 [sot-eun geom-eodo bab-eun geomji anta]. ‘Горшочек черный, а рис внутри белый’.

В корейском языке метафора, означающая, что, хотя снаружи что-либо выглядит злым / плохим, на самом деле оно доброе / хорошее, может передаваться и при помощи собственно цветообозначений, без упоминания каких-либо предметов или явлений: 빛은 검어도 속은 희다 [bich-eun geom-eodo sog-eun huida] ‘Хоть цвет и черный, но внутри белое’.

²² Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (дата обращения: 17.08.2024).

²³ Там же

Негативные ассоциации, вызываемые упоминанием черного, актуализируются в следующей пословице: 검은데 가면 검어지고 흰데 가면 희어 진다²⁴ [geom-eunde gamyeon geom-eojigo huinde gamyeon hui eo jin da] ‘Пойдешь в черное место – почернеешь, пойдешь в белое место – побелеешь’. Черное место и белое место в данном случае олицетворяют людей и их плохие или хорошие поступки: если связаться с плохими людьми, станешь тоже плохим, если будешь с хорошими – станешь хорошим.

С помощью цвета в корейских паремиях образно выражается нелогичность непротиворечивого объединения противоположных явлений. Например, выражение 검은면 서도 희다 [Ким Дохван 1993] [geom-eumyeon seodo huida] (букв. ‘Одновременно черный и белый’) метафорически передает значение чего-либо, не имеющего абсолютно никакого смысла.

Сквозь призму черного и белого цвета в корейской лингвокультуре формулируются примеры нарушения коммуникативных норм. С одной стороны, нарушением норм общения является отсутствие реакции на противоположные стимулы, когда человек не говорит ни да, ни нет: 검다 희다 말이 없다 [geomda huida mal-i eobsda] ‘Будь то черное, будь то белое, нет слов’. С другой стороны, многословие по любому поводу, также не приветствуется. О болтливом человеке говорят так: 검다 희다 말이 많다 [Ким Дохван 1993] [geomda huida mal-i manhda] ‘Будь то черное, будь то белое, много слов’.

Следующий пример иллюстрирует связь такого отрицательного качества человека, как многословие, с черным цветом. Выражение 검은 가지 한패 [кеом-еун гажі ханпae] (букв. ‘пучок черных веток’) означает ‘много слов’.

Как известно, черный цвет сложно изменить на другой, смешивая с другими красками, поэтому в корейской лингвокультуре с черным цветом

²⁴ Там же

сравнивают то, что никогда не может измениться, будь то человек или ситуация. Например, о невозможности изменить злую природу человека говорится в следующей пословице: 검은 색에는 물감이 들지 않는다²⁵ [keom-eun saeg-eneun mulgam-i deulji anhneunda] ‘Из черной краски другой цвет не выйдет’. Аналогичный пример: 검정개 미역 감긴 격 [geomjeonggae mi'yeok gamgin gyeok] букв. ‘черная собака, завернутая в морскую капусту’.

Черный цвет в корейском языке символизирует неаккуратность и неопрятность. Так, выражение 검덕 귀신[Ким Дохван 1993] [geomdeog gwisin] букв. ‘черный призрак’ означает ‘очень грязный, неряшливый’. Неряшливый внешний вид высмеивается в пословице 검둥개 세수 하나마나 [keomdung-gae sesu hanamana]. ‘Даже если черная собака умоется’.

Цветобозначение 검다 [komta] корейцы связывают с ложью. Осуждение занятия подделками и подмены с целью обмануть людей и нажиться на этом выражается в пословице 검은 강아지로 돼지 만든다 [keom-eungangaji-ro dwaeji mandeunda]. ‘Делать свинью из черной собаки’. Пословица с аналогичным значением – 검은 손을 뻗치다[keom-eun son-eul ppeotchida] букв. ‘протянуть черную руку’, используется для выражения смысла ‘обмануть кого-то или причинить кому-то вред, быть обманщиком’. Здесь цветобозначение «черный» объединяет в себе понятия лжи и хитрости.

Отрицательные явления (ложь, обман, взяточничество) в корейской лингвокультуре определяются как «черные»: 까만 거짓말 [kkaman gojitmal]» ‘черная ложь’, 검정 돈을 받는다 [geomjeong don-eul badneunda]. букв. ‘Получить черные деньги’.

²⁵ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (дата обращения: 17.08.2024).

Черный или темный цвет корейцы ассоциируют с опасностью, вызывающей страх и ужас. В пословице о тех людях, которые рискуют жизнью и попадают в опасные ситуации, черный дракон означает опасность: 검은 용턱에서 여의주찾 듯한다 [keom-eun yongteog-eseo yeouijuchaj deushanda]. ‘Искать чудодейственную жемчужину, дарующую исполнение всех желаний, во рту черного дракона’.

Плохой характер корейцы также связывают с черным цветом. Так, в следующей пословице под черной собакой подразумеваются люди, которые не видят ошибок и недостатков в своем характере или поведении, но зато умело могут замечать недостатки окружающих: 검정개 돼지 흥한다 [geomjeonggae dwaeeji hyunghanda] букв. ‘черная собака ругает свинью’.

Исходя из анализа корейских паремий, можно говорить как о положительной, так и об отрицательной коннотациях цветообозначения 검다 [komtta] ‘черный’. Однако в целом «черный» в корейской цветовой лингвокультуре в большей степени имеет негативную оценку и ассоциируется с неграмотностью и необразованностью, ложью, обманом, опасностью, взяточничеством.

2.2. Хроматические цвета (красный, желтый, синий)

2.2.1. Красный улан в калмыцкой лингвокультуре

Красный цвет у монгольских народов считается символом радости, такой символикой наделялись камни или металлы красного цвета, которые использовались для изготовления украшений, – рубин, коралл, красная медь [Жуковская 2002: 207]. К.П. Батырева считает, что красный цвет – цвет жизни и цвет огня – является эстетической и этнической доминантой традиционного мировосприятия калмыков [Батырева 2020: 85].

Калмыцкая культура богата своими визуально-смысловыми обрядами и верованиями. Красный цвет присутствует в названиях школ буддизма,

распространенного среди калмыков. Хотя государственной религией в XVII в. у ойрат-калмыков стал буддизм, утвердившись в форме вероучения «желтошапочной» школы Гелуг, в некоторых исследованиях А. Ровинского, Г.С. Лыткина, Х.Б. Канукова имеются данные о распространенности «красношапочных» школ Сакья среди волжских калмыков. В ритуалах они надевают красные головные уборы, за что в народе их называют «красношапочниками». «Красношапочный» буддизм представлен в Калмыкии школами Кагью, Сакья и Ньигма. У каждой школы есть свои общины [Марзаева 2008: 42–44].

Очень существенной и значимой является цветовая символика в церемониях сопровождения свадебных действий²⁶. Каждый род имеет свои родовые цвета, и они должны передаваться стороной невесты роду жениха, в который она приходит. Так, например, врач и исследователь У.Д. Душан, в своих наблюдениях отмечает у группы родов эректеней наличие двух- и трехцветных «өлгц» или «утцн» (*цветные ленты или нитки*). Преобладающими цветами, по У. Душану, являлись белый, кубовый (синий) или розовый. Родовые цвета чаще всего были связаны с особенностями социального состава, выполняемых представителями группы того или иного рода занятий и профессиональной направленности. Например, наличие в «өлгц» красного и желтого цветов объясняется тем, что в роду было много священнослужителей [Душан 2016]. Таким образом, красный цвет в калмыцкой культуре связан со сферой религии.

Цветобозначение *улан* в калмыцком языке значит красный, в академическом калмыцко-русском словаре под редакцией Б.Д. Муниева находим такое определение: *улан* I 1) красный, алый; румяный; 2) *употр. как определение некоторых предметов и явлений, напоминающих чем-либо красный цвет, красноту, румянец, но переводимых на русский язык по-разному; улан хол* ‘пищевод’ (*букв. красное горло*); *улан мөңгн* ‘медные деньги, медяки’; *улан шавр* ‘краснозём’; *улан холднь күрх* ‘а) задевать за живое; б) мучить, терзать’;

²⁶ Свадьба в калмыцкой семье – это важное и ответственное событие, которое имеет свой строгий порядок.

улан захсна түрсн ‘икра красной рыбы’; *улан зандн* ‘красное сандаловое дерево’; 3) *в сочет. со словами, обозначающими людей, чаще детей или с названиями органов тела человека употребляется также в знач. голый*; *улан хар* ‘а) голые руки; б) собственные руки’; 4) *перен. красный*; *улан ээрм ист.* ‘Красная Армия’; *улан II* ‘барханы, дюны’; *улан III мед.* ‘роза’ [КРС 1977: 369].

Языковой материал – калмыцкие устойчивые выражения, пословицы, поговорки, загадки-триады – содержит примеры, иллюстрирующие зафиксированные в словаре значения цветообозначения *улан*.

Так, в описании качества калмыцкого чая цветообозначение *улан* употребляется с определениями, выражающими дополнительные характеристики: *зандн* – крепкий, *мокн* – густой, наваристый: *Тадниг зандн улан жомба харт ооһад, мана эмтәхн гисн хальмг хот-хөөнә дотр чанжэ өгсүв!* [КНК – Н.И.]. ‘Угощу вас крепким (красным) чаем – джомба, сварю вам самое вкусное калмыцкое блюдо – дотур!’; *Мокн улан цэәһән мелмлзссн седкләрн кенәв* [КНК – ХҮ]. ‘Наваристый красный чай готовлю с волнением’.

Как отмечает журналист Р. Манжилеева: «*Кезәнә Китдәс, Индәс авдг цээг «хаана» гидг бәәсмн. Тер цээг чанад болһад оркхла, улавр өнгтә болд бәәж. Тигж болсар «улан хальмг цә» гидг*». ‘Чай, привозимый в прежние времена из Китая, Индии, называли «ханский». Когда варили этот чай, он приобретал красноватый оттенок. Поэтому говорят «красноватый калмыцкий чай» [Х.Ү. 2004; Есенова 2012: 87].

Цветообозначение *улан* в собственно цветовом значении используется в жанре загадок-триад²⁷. На наш взгляд, калмыцкие трехстишия представляют собой своеобразное ассоциативное ядро лингвоцветовой картины мира калмыков. В трехстишиях большое значение придается цвету и его символике. Например, если белому цвету свойственны положительные интерпретации, то черный цвет ассоциировался с темными силами, невежеством и всеми дурными привычками. Красный же цвет ассоциируется преимущественно с закатным

²⁷ Калмыцкое название трехстиший "орчлнгин һурвнтс" в переводе означает "есть в мире нечто по три" – по три предмета, явления, качества, обладающих одной общей особенностью.

солнцем, тюльпаном, внешностью и другими предметами, важными для жизни калмыков. В [ППЗКРОК 2007] содержится 5 примеров триад с цветообозначением *улан*. Приведем пример трехстишия на «три красных» [ППЗКРОК 2007: 814-815]:

Бамб Цецг Улан, – Красен степной тюльпан,
Сууж йовх нарна сүүр улан, – Красен у заходящего солнца закат,
Күүнэ цусн улан. – Красна кровь наша.

Цветообозначение *улан* с давних пор использовали при восхвалении и описании силы и ловкости богатырей, их мужества. В системе эпического цветообозначения лексема *улан* ‘красный’ занимает значительное место и заключает в себе преимущественно положительную оценку предмета: *улан хачр* (*халх, чирк*) ‘алые ланиты, красные румяные щеки’, *улан элкн* ‘нежная алая печень’, *минт улан урл* ‘алые губы’ [Голубева 2006: 17].

Красоту женщины калмыки описывают, как и в славянской культуре, прибегая к красному цвету: *Сэн эмин хачрнь улан*. [ППЗКРОК 2007: 29] ‘У хорошенькой женщины щеки красные’; *Дү күүкн гижэ нэрхн улан халхта шудрмг күүкн бээнэ*. [КНК – Э.К.]. ‘Младшая сестра проворная, стройная с румяными щеками’.

В фольклоре калмыков воспевается не только женская красота, но и род женщины или невесты, который соотносят с красным цветом (роду мужа или жениха при этом присваивается синий цвет): *Улан торһн унжэжэ, көк торһн делсэж* (*Күүк буулһһһн*) [ППЗКРОК 2007: 630]. ‘Красный шелк свисает, синий шелк развевается (когда увозят невесту из дома родителей)’

Жизнь в лингвоцветовой картине мира калмыков окрашена в красный цвет. Фразеологический фонд калмыцкого языка содержит единицы с цветообозначением *улан*, обозначающие жизнь, физическое тело: *Улан ам* ‘Физическое тело, жизнь, душа’; *Улан амэн авч харх*. ‘Спасать собственную жизнь’. Приведем примеры из корпуса калмыцкого языка, иллюстрирующие функционирование данных фразеологизмов: *Бийтн нам улан амэн утхин ир деер авч харув*. [КНК – С-Б.Х.] ‘Еле спасся от ножа’; *Күчр ик бээрлдэнд орцад*,

улан эмэн авч харсна тускар көгшэ дала үг келдг уга билэ [КНК - ХҮ]. ‘Старец не говорил много слов о том, как он едва спасся после участия в той жестокой схватке’.

Красный цвет крови в идиоме *улан цусан асхх* ‘проливать кровь’. [ХККУ 2018: 194] связывает данный фразеологизм с понятием жизни, а цветообозначение *улан* дополняется смыслами «смелость», «внутренняя сила», «отвага», укрепляя положительную коннотацию фразеологизмов с данным цветовым компонентом: *Йир кенәннь төлэ, кенэ малас көлтэ эмд улан, үклин өмн бүлэн цусан үзхм бээсмби?* [КНК – С-Б.Х.]. ‘Ради кого, из-за чьего-то скота, жертвуя жизнью проливать свою кровь?’

Значение ‘голый, собственный’ сохраняется в идиомах *улан чирэ, улан чирэхэрн үзх*. В целом указанные фразеологизмы имеют положительную оценочность и употребляются в позитивных контекстах: *улан чирэ (үзлцх, харһх)* (букв. ‘красное лицо’, употребляется в значении ‘своими глазами, воочию’). *Харһлицад үзх, медх*. Пример: *Ачта амрһнд бээх улста хая нег уста нүдэрн үзлцжэ, улан чирэхэрн харһлицжэ күүндснь басл ик люмн болжэ медгднэ* [КНК-ХҮ]. ‘Весьма большим событием являются иногда встречи в живую (букв. глаза в глаза, лицом к лицу), беседы с людьми, находящимися на заслуженном отдыхе’. Приведенные фразеологизмы с цветообозначением *улан* также способны передавать значение ‘смело, без страха’: *улан чирэхэрн үзх ‘соңсх, харһх’* Встретиться лицом к лицу. *Эмд бийэрн харһад, нүдэрн үзэд. Болх болиго юм ухалад суухин ормд улан чирэхэрн харһад мөндлцнэв*. ‘Вместо того, чтобы думать все возможные думы, я все выясню, встретившись лицом к лицу’.

В ряду фразеологизмов с положительной коннотацией находится и устойчивое выражение *улан эмн, сүүр (тахилх, батлх)* (букв. ‘красная жизнь, душа’), которое употребляется в значении ‘закалять, крепить’: *Цоги-сүүрэн батлх. Тиим түрү цагла улан батлад бээхнь күн болһнд лавта медгджээнэ*. ‘То, что в такое время следует крепить основу всего, было ясно всем’. В следующем примере, как и в предыдущем, стерто собственно цветовое значение лексемы *улан*: *улан батлх* ‘крепить основу (силу)’: *Кен-кениг авад унна гижэх цагт улан*

батлх кергтэнь алдг уга чик [ХККУ 2018: 193]. ‘Будет верно укреплять свои силы в то время, кто-то кого-то собирается повалить’.

Понятия жизни и смерти объединяются в устойчивых выражениях с цветообозначением *улан*: *улан холдан эрэ торх* ‘еле остаться в живых’, ‘быть на волоске от смерти’, то есть чуть не уйти в другой мир, *букв.* ‘удержаться за красное горло’.

С красным цветом у калмыков ассоциировались не только жизнь и смерть, но и ум, смекалка, мудрость. Например, в загадках ум метафорически изображается красным мешком: *Улан уутыг уудлжэ эс баржэ. (Ухан)* [ППЗКРОК 2007: 655] ‘Сколько не вынимай, не истощить красный мешок. (Ум)’.

Очень многое в теле человека (например, внутренние органы и т.д.) ассоциируется с красным цветом. Цветообозначение *улан* в следующем фразеологизме способствует выражению смысла интенсивности действия: *улан холан сунтл хээкрх* ‘кричать во все горло’: *Чаңһар оркрад хээкрх: Эргндэн дүңдүлэ, улан хоолан сунтлнь хээкрв чигн, соңсад ирэд нөкд болдг күн уга* [КНК - ХУ]. ‘Вокруг тишина, безлюдно, даже если кричать во все горло никто не услышит и не придет на помощь’.

В калмыцких загадках органы человека изображаются как предметы или животные красного цвета. Например, язык – красная шуба, красный теленок, красная корова; легкое – халат из красного шелка: *Улан сагсг девл хагсажэ, эс болжэ. (Келн)* [ППЗКРОК 2007: 637] ‘Длинношерстную красную шубу нельзя высушить (Язык)’; *Нойна күүкн хар торһн деелтэ, хаата күүкн улан торһн деелтэ. (Элкн, оошк).* [ППЗКРОК 2007: 648]. ‘У дочери нойона халат из черного шелка, у дочери хана – из красного (Желудок, легкое)’.

Однако красный цвет ассоциируется в калмыцкой лингвоцветовой картине мира и с такими негативными явлениями, как несостоятельность, неблагополучие, нищета и даже смерть.

Основным образом в фразеологизмах со значением ‘стать / быть нищим’ является *улан махн* ‘красное мясо’. Так, выражение *улан махмудтан күрх* ‘обнищать’ имеет буквальное значение ‘дойти до красного мяса’: *Дээнэ күчр*

цагла улан махмудтан күрсн улсин то мел ик болдгинь таңһчин толһач тодрха цээлһжэ өгэд, олн улсин дөң кергтэһинь темдлв [КНК – ХҮ]. ‘Глава региона подробно рассказав, что в тяжелое военное время количество обездоленных существенно увеличивается, отметил необходимость им всенародной помощи’.

Сочетание *улан махн* является знаком несчастья, доходить до ‘красного мяса’ означает у калмыков быть голым буквально, быть без одежды и крова, жить в нужде: *улан махч күүкд* ‘нищие дети’: *Торс гинэд, өрэл амтэ гергень, улан махч кенз күүкднь уульдад-шууглдад нүднднь үзгдсн болад одв* [КНК – С-Б.Х.]. ‘Внезапно, перед глазами полуживой женщины, мелькнул плач ее малых обездоленных детей’.

Следующий пример подтверждает отрицательную оценочность фразеологизмов с сочетанием *улан махн*: *улан махн болтлнь цокх* (букв. до красного мяса избить) ‘жестоко избивать кого-либо до полусмерти’.

Фразеологизмы с цветообозначением *улан*, составляющие группу устойчивых выражений с отрицательной коннотацией, указывают на негативные личные качества человека (жадность, злость, зависть). Так, говоря об очень жадном человеке, калмыки могут использовать сочетание *улан хорха* (букв. ‘красный червь (дождевой)’ ‘очень жадный человек’): *Эднэ ялһчрнь болв чигн, эңгин хотна улснь чигн эн эмгнд дур уга болад «һазрин шора эрүлдг улан хорха» гидг бээсмн* [КНК – Э.К.]. ‘Их батраки и обычные люди хотона, невзлюбив старуху, называли ее – «красный червь»’.

Цветообозначение «улан» в пословице *Чонын амн идв чигн улан, эс идв чигн улан* [ППЗКРОК 2007: 601]. ‘Ел волк или не ел, а пасть красная’ попадает в поле отрицательной оценочности и, вызывая ассоциации с кровью, оказывается ведущим признаком опасности хищника.

Итак, цветообозначение *улан* ‘красный’ в калмыцкой лингвоцветовой картине мира, как и рассмотренные ранее цветообозначения, является амбивалентным и может передавать как положительную, так и отрицательную оценочность. *Улан* ‘красный’ ассоциируется, с одной стороны, с жизнью самого

человека, смелостью, силой, любовью, красотой, и с другой – с жадностью, опасностью, нищетой, неблагополучием в целом.

2.2.2. Красный 붉다 в корейской лингвокультуре

В Новом толковом словаре Донг-А дается такое определение лексемы 붉다 [bulkta] – 1) прилагательное, цвет, похожий на цвет крови или заката, 2) красный перец, гора, краснеющая осенью в период листопада. В этом же словаре имеется еще одна цветолексема, означающая красный: 빨갱다 [ppalgatta] – 1) красный перец (빨갱다 [ppolgotha]), 2) менее интенсивный оттенок красного 발갱다 [palgatha].²⁸ Синоним красного цвета китайского происхождения читается как [적색 (赤) [jeogsaek].

Ниже представлены ассоциативные описания красного цвета в разных словарях:

	빨갱다[ppalgatha] ‘красный’	붉다[bulkta] ‘красный’
Словарь корейского языка Мун Се Енг 1942	매우발갱다 [maeubalgahda] ‘очень красный’	핏빛[piſbich] ‘кровь’
Большой словарь корейского языка 1991	매우발갱다 [maeubalgahd] ‘очень красный’	피 [pi] ‘кровь’ 앵두[aengdu] ‘слива’

²⁸이기문 (1994), 새국어사전 동아출판사 [= Ли, Гимун. Новый словарь корейского языка / Ли Гимун. – Изд-во Дон-А. – 1994].

Словарь университета Ёнсе 1998	피 [pi] ‘кровь’ 사과 [sagwa] яблоко	피 [pi] ‘кровь’
Большой словарь корейского языка 1999	피 [pi] ‘кровь’ 고추 [gochu] ‘перец’	피 [pi] ‘кровь’ 고추 [gochu] ‘перец’
Большой словарь корейского языка университета Коре 2009	피 [pi] ‘кровь’ 앵두 [aengdu] ‘слива’	피 [pi] ‘кровь’

Как видно из таблицы, ассоциативным ядром цветообозначения «красный» является «кровь», менее часто упоминаются «перец», «слива» и «яблоко».

Следует отметить, что в современных толковых словарях зафиксировано не более 70 сложных цветоименований, тогда как реальное количество функционирующих в этом языке сложных цветообозначений намного больше. В результате анализа словарных статей было установлено более 110 сложных цветообозначений с элементом «красный» в корейском языке [Пак Донгын 2012: 131].

В целом красный несет различные эмоциональные коннотации и ему часто приписывают положительные или отрицательные оценки. Например, «ярко-красная ложь», «красный = коммунист/радикал», «жадность». Кроме того, в корейском языке красный означает горячий, запрещенный, опасный и т.д., но такое употребление редко встречается в пословицах, обычно символами красного цвета выступают губы, солнце и цветы [Квак Ынхи 2018: 25]. В повседневной жизни с красным цветом в первую очередь ассоциируются красный перец, паста из красного перца, кимчи [Ли Чжечман 2005: 38-41]

Красный цвет в корейской культуре – позитивный цвет, поскольку он символизирует лето и горячую энергию в системе пяти элементов. Очень часто красный использовался в обрядах в качестве защиты от злых духов [Кён Нохун

2014: 4]. Также красный – это цвет удачи²⁹, богатства и процветания [Чень Си 1991: 19].

Красный цвет воспринимался и воспринимается как императорский: одежда китайского императора, корейского ванна, придворных была красного цвета.

Традиционно красный цвет связан с огнем и южным направлением. Красный символизирует энергию Ян, мужскую энергию, солнце и жизненную силу. В корейском флаге красный сбалансирован противоположным цветом – «синим». Красный цвет также символизирует страсть, этим объясняется исторический запрет носить одежду красного цвета; в корейском обществе ношение красной одежды является неприличным. Тем не менее, в современной Корее красный является также символом страсти к спорту, и, чтобы продемонстрировать поддержку спортсменов, на спортивные состязания болельщики могут надеть футболки красного цвета, а на голову повязать красный платок. Красный цвет господствует и в свадебных ритуалах как символ не только страсти, но и любви, верности и красоты [Со Юри 2020: 12].

Ниже рассмотрим пословицы, которые отражают человеческие ценности с помощью метафорических описаний природы, где красный цвет указывает на зрелость и расцвет.

십년세도 (勢道) 없고 열흘 붉은 꽃 없다 [sipnyeon sedo(sedo) eobsgo yeolheul bulg-eun kkoche obsda]. ‘Десять лет – нет власти, десять дней – и нет красных цветов’. Приведенный пример раскрывает суть власти и денег, богатство и власть не длятся долго. Немало людей считают, что деньги и сила, которую дает власть, могут сделать их счастливыми. Однако в пословице есть намек, что власть, подобно красным цветам, имеет свой срок, а человеку придется продолжать жить среди тех людей, с кем, возможно, он поступал некрасиво.

²⁹ Например, именно на красной бумаге были написаны имена и оценки тех, кто сдал исторический экзамен на государственную службу. Так выглядел хонпхэ (紅牌) – сертификат об успешно сданном экзамене.

꽃이라도 십일홍 (十日紅)이 되면 오던 봉접도 아니온다 [kkoch-ilado sib-ilhong(sib-ilhong)i doemyeon odeon bongjeobdo anionda]. ‘Даже если цветок 10 дней краснеет, к нему больше не прилетают пчелы и бабочки’. Красный цвет цветка в приведенной пословице вызывает преимущественно положительные ассоциации (красота, свежесть), однако указание на время цветения призвано заставить человека обратить внимание на то, что всё преходяще. Данную пословицу трактуют следующим образом: когда человек занимает высокую должность, то вокруг него всегда много людей; но когда положение его дел ухудшается, и он становится менее влиятельным, то и людей около него становится намного меньше. В Корее социальная иерархия всегда была важна еще с древних времен, люди стремились к власти, чтобы обеспечить себе хорошую жизнь, часто игнорируя совесть и стыд, однако необходимо помнить, что времена могут измениться, важно сохранить в себе достоинство и честь.

Связь красного цвета с красотой обнаруживается и в других корейских нравоучительных пословицах: 남의 꽃은 붉게 보인다 [nam-uikkoch-eunbulg-geboinda]. ‘Цветы других людей кажутся краснее’. Чужая вещь всегда кажется лучше своей.

В следующей пословице красная фасоль представляет собой метафору непомерной силы при желании добиться своей цели: 붉은 팥은 기왓장도 뚫는다 [bulg-eun pat-eun giwasjangdo ttulhneunda]. ‘Красная фасоль может пробиться даже сквозь черепицу’. С одной стороны, пословица имеет под собой реальные факты: красная фасоль обладает отличной способностью к выживанию, ее ростки могут проникать через каменные плиты, а это значит, что она хорошо себя чувствует даже в бедной почве. С другой стороны, цветообозначение «красный» в названии растения, получает дополнительную положительную оценочность.

В корейских пословицах регулярно встречается упоминание красного перца. Цветообозначение «красный» в таких пословицах может передавать

собственно значение цвета: 눈 어둡다 하더니 다홍 고추만 잘 딴다 [nun eodubda hadeoni dahong gochuman jal ttanda]. ‘Говорит, что плохо видит, а хорошо собирает только красный перец’. Однако в нашем материале имеются примеры, в которых красный цвет (перца) является символом достижения цели: 가을 고추밭에서 다홍 고추 따듯한다 [ga-eul gochubat-eseo dahong gochu ttadeushanda]. ‘Красный перец теплый на осеннем поле перца’. Красный цвет созревшего перца в данном выражении означает достигнутую цель.

В корейских пословицах много внимания уделяется внутреннему содержанию человека, душевной красоте, которая не всегда совпадает с внешним обликом. В пословице 붉고 쓴장 [bulg-go sseun jang] – ‘красный и горький соус’ красный цвет на контрасте с горьким вкусом имеет положительный оттенок, который основывается на знании реалий³⁰, и символизирует внешнюю привлекательность, внешнее соответствие каким-либо стандартам. Однако, употребляя приведенную пословицу, корейцы обычно высмеивают людей, которые внешне выглядят хорошо, но по сути своей некрасивы внутри. В связи с этим красный в данном контексте соединяет в своем значении как положительную, так и отрицательную коннотацию: внешняя красота преходяща, а внутренняя постоянна. Следующие примеры представляют собой вариации рассмотренного выше примера 붉은 간장은 달지 않다 [bulg-eun ganjang-eun dalji anhda]. ‘Красный соевый соус не сладкий’. 붉은 장이 쓰다 [bulg-eun jang-i sseuda] [KPC 2009: 796]. ‘Красный соус горький’.

В корейских пословицах цветообозначение «красный» регулярно встречается в сочетании с названиями одежды (красная юбка, красное платье, красный пояс и др.) и является признаком дорогой одежды высокого качества. В ситуации, когда стоит равнозначный выбор, необходимость выбрать вещь

³⁰ С древних времен густой соус из перца в Корее считался первоклассным, если он был насыщенно красного цвета.

хорошего качества передается при помощи пословицы **같은값이면 다홍치마** [gat-eungabs-imyeon dahongchima]. ‘Если цена одинакова, то лучше взять красную юбку’.³¹

В следующем примере цветообозначение «красный» получает дополнительное значение «нужный»: **비렁뱅이한테도 붉은 띠 빌린다** [bileong baeng-i hantedo bulg-eun tti billinda]. ‘И у нищего просить в долг красный пояс’. Это выражение означает, что даже у человека, у которого ничего нет за душой, найдется вещь, нужная кому-либо.

Красное платье в корейских пословицах может подразумевать молодость³² и/или только что приобретенную социальную роль: **아내 행실은 다홍 치마적부터 그루를 앓힌다** [anae haengsil-eun dahong chimajeogbuteo geululeul anjhinda] / **색시 그루는 다홍치마적에 앓혀야 한다** [saegsi geuluneun dahongchimajeog-e anjhyeoya handa]. ‘Жену / невестку сажают на ее место, когда она еще в красном платье’. Красное платье носили новоиспеченные невестки или молодые жены, поэтому данный период в пословице означает возможность исправления вредных привычек жены или невестки.

남의홍패 메고 춤추기 [nam-ui hongpae mego chumchugi]. ‘Танцевать в чужом красном халате’. Так говорят про человека, который пользуется чужой властью или прикрывается ею. Красный халат символизирует власть и силу. Раньше в Корее только придворные и люди высшего сословия могли носить разноцветную одежду, что отразилось в пословице: обществом критикуется незаконное (только в личных интересах) использование социального статуса.

В корейских пословицах с цветообозначением «красный» нередко речь идет о пороках или отрицательных качествах человека. В таких пословицах

³¹ Раньше простой народ мог надевать только белую или серую одежду, а разноцветную – только богатые и знатные.

³² В прошлом в Корее женщины носили фиолетовые или красные юбки в молодости, а мужчины носили одежду красного цвета в старшем возрасте [На Джиён 2002:12].

красный получает отрицательную коннотацию, являясь признаком чего-либо негативного. Рассмотрим примеры.

공것이라면 눈도 벌겁 코도 벌겁 [gong-geos-ilamyeon nundo beolgeong kodo beolgeong]. ‘Когда пусто, то глаза и нос краснеют’. В пословице красный цвет глаз и носа представляет собой знак тяжелой жизни в период нужды и голода.

Способность человека краснеть как символ стыда обыгрывается в корейских пословицах, осуждающих высокомерие и властолюбие: 돼지도 낮을 붉히겠다 [dwaejido nach-eul bulghigetta]. ‘Даже свинья покраснела бы’. В данном выражении корейцы с осуждением описывают высокомерных людей, тех, кто ведет себя в обществе очень демонстративно, унижая окружающих, показывая свою силу или власть, не испытывая при этом стыда.

В пословице 빨간 상놈 푸른 양반 [ppalgan sangnom puleun yangban]. ‘Красный мужлан и синий дворянин’ противопоставляются два цвета – красный и синий как нечто отрицательное и положительное. Через образы мужлана и дворянина красный в данной пословице ассоциируется с такими отрицательными качествами, как страсть, азарт и возбуждение, синий – с ценящимися в обществе благородством и спокойствием. Ким Енчхоль в своей работе писал, что под красным мужланом подразумевали «обычного человека, о котором больше нечего было и сказать» [Ким Енчхоль 2003: 65]. То есть красный в этом выражении может рассматриваться как «красная плоть, кожа», «голый, обнаженный»³³. В словаре мы встречаем такое объяснение этому выражению: «вывалить наружу все, что имеется». В противовес красному цвету стоит синий, который тоже интерпретируется неоднозначно. Можно предположить такую версию: мужлан ведет себя вольно и свободно, как ему вздумается, не обращая внимания на вежливость или воспитание, дворянину же

³³ Отметим, что в калмыцком языке мы сталкивались с подобным выражением улан махн (букв. красное мясо), которое используется для указания на бедность человека.

полагается быть сдержанным и в соответствии со своим происхождением и статусом вести себя достойно.

Устойчивое выражение **붉으락 푸르락 한다** [bulg-eulag puleulag handa] ‘то краснеть, то бледнеть’, использующееся по отношению к человеку, который не знает, что делать, также является примером отрицательной оценочности цветообозначения «красный», хотя и менее выраженной, чем в предыдущем примере.

В нашем материале имеется также группа пословиц, в которых цветообозначение «красный» не получает дополнительных смысловых оттенков и оценочности, выражая собственно цветовое значение, как правило, в описании внешнего вида человека. Рассмотрим следующие примеры: **돌을 들면 얼굴이 붉어진다** [dol-eul deulmyeon eolgul-i bulg-eojinda] / **드는 돌에 낫붉는다** [deuneun dol-e nach bulgneunda]. ‘Когда ты поднимаешь камень, твое лицо краснеет’. Пословица метафорически выражает мысль о том, что всем событиям, происходящим в жизни, обязательно есть первопричина. Например, первопричиной красного лица может быть тяжелая работа: лицо краснеет только после упорной физической работы. Оценочности цветообозначения «красный» в данном контексте не наблюдается.

В следующей пословице обычные свойства обычных реалий, в том числе и цвет, позволяют передать значение чего-либо общеизвестного: **붉으면대추지, 달면꿀이지, 뛰면벼룩이지** [bulg-eumyeondaechuji, dalmyeon kkul-iji, ttwimyeon byeolug-iji]. ‘Если он красный, то это финик, если сладкий, то это мед, если прыгает, то это блоха’. Не получится открыть миру то, что мир уже знает. Пословица используется, когда нечего больше добавить или нет новой информации, которой можно было бы удивить или опровергнуть чьи-то слова.

붉은 팔고 물떡은 제사에 안쓴다 [bulg-eun patgo multteogeun jesa-e ansseunda]. ‘Рисовые лепешки из красной фасоли не используются для

ритуальных обрядов'. Паремия связана с поверьем корейцев, что духи ненавидят и боятся красную фасоль, поэтому, чтобы все-таки накормить своих предков, корейцы на поминках не использовали это блюдо.³⁴ Цветообозначение «красный» в данном случае является стилистически нейтральным.

Собственно цветное значение отмечено и в следующей пословице: 정월 대보름 달빛이 희면 흰벼를 심고, 붉으면 붉은 벼를 심어야 풍년든다 [jeong-wol daeboleum dalbich-i huimyeon huin byeoleul simgo, bulg-eumyeon bulg-eun byeoleul sim-eoya pungnyeon deunda]. 'Чтобы получить богатый урожай, в первое полнолуние первого на светлую луну надо сажать белый рис, на красную – бурый рис'. Противопоставление светлой луны и красной луны, белого риса и бурого риса помогает передать смысл данной пословицы: умение оценивать ситуацию и действовать в соответствии с обстоятельствами может помочь человеку добиться успеха.

В следующем выражении отсутствует цветообозначение «красный» как знаменательное слово, однако иероглиф, означающий красный цвет, входит в наименование рыбы кефаль: 흥어가 뛰니까 망둥이도 뛴다 [hong-eoga ttwinikka mangdung-ido ttwinda]. 'Кефаль прыгает, бычок тоже прыгает'. Выражение означает повторять за другим, не зная и не понимая, для чего и зачем, то есть не отличаться умом, быть глупым и ведомым человеком.

В корейских пословицах цветообозначение «красный», как правило, выполняет описательную функцию, однако все же можно сказать, что в корейской лингвоцветовой картине мира цветообозначение «красный» с положительной коннотацией встречается чаще, чем с отрицательной. К вещам, имеющим положительную оценочность, относятся природные объекты и предметы первой необходимости красного цвета, такие как цветы, фрукты, еда

³⁴ Корейский народ всегда верил в духов и поклонялся им, шаманские ритуалы до сих пор актуальны не только среди старшего поколения, но и среди молодежи. Красный цвет отгонял духов и защищал людей, поэтому даже молитвы пишут красными чернилами, а писать имя живого человека красной пастой значит желать ему смерти. Отметим, что у калмыков тоже есть красные ниточки, которыми они обматывают запястье, тем самым защищая себя от негатива и привлекая удачу.

и одежда. Негативную оценочность получают вещи, связанные с кровью и кожей, однако при этом красный цвет как таковой не имеет отрицательного значения. Через «цветовые выражения», например, краснеть, багроветь, могут быть выражены осуждение или критика.

2.2.3. Желтый *шар* в калмыцкой лингвокультуре

Шар по-калмыцки ‘желтый цвет’ символизирует вероисповедание народа и пользуется особым почитанием у калмыков-ламаистов как символ буддизма. Буддийские монахи по традиции носят одежду шафранового цвета. Желтый – цвет солнца и оптимизма, символизирует долгую жизнь.

Для калмыков религиозная тема была всегда важной, поэтому «буддизм» в переводе на калмыцкий язык звучит как *шар шажн* ‘желтая вера’. Г.Ц. Пюрбеев в работе «Эпос “Джангар”»: культура и язык (этнолингвистические этюды)» пишет: «Помимо своего прямого назначения, он выражает функциональные коннотации, символизируя цвет буддийской, желтой религии (*шар шажн*, *шарин шажн*), отсюда его священность, ритуальная жертвенность и сакральность» [Пюрбеев 1993: 59]. Регулярны упоминания *шар шажн* в современной калмыцкой публицистике: *Шар шажна туск сурхулин дегтрмүд, үзмр дөңцлмүд, нань чигн тоот школд кергтә гижэ* [КНК – ХУ.]. ‘Было отмечено, что школе необходимы учебники, демонстрационный материал о буддизме и многое другое’. *Удл уга эн шин хурлд шиллң шар шажна музей эдлврт орулгдхмн* [КНК – ХУ.]. ‘Скоро в здании нового хурула начнет работать музей буддизма (желтой веры)’. *Бидн бичкдүдт, баһчудт шар шажна ном дасхх зөвтәвидн* [КНК – ХУ.]. ‘Мы должны преподавать детям и молодежи основы буддизма (букв. желтой веры)’.

Ведущая роль желтого цвета в палитре красок школы Гелуг принадлежит желтошапочной школе. Помимо желтых шапок, вид которых зависел от ранга их владельцев, за особые заслуги перед цинским императорским двором хутухты (святые) и хубилганы (перерожденцы) получали право иметь желтые поводья у верховой лошади, ездить в желтых носилках, иметь желтую полосу-

пояс на юрте, а хубилганы — еще и желтую ограду вокруг своего дворца [Позднеев 187: 71].

В калмыцко-русском словаре под редакцией Б.Д. Муниева цветолексема *шар* имеет следующие дефиниции: I. 1. 1) желтый, рыжий, русый, *шар кун* ‘рыжеволосый (рыжий) человек’, *шар арстн* ‘желтокожие’, *шар арат* ‘степная (букв. рыжая) лисица’, *шар усн* ‘а) светло-русые волосы, б) волосы на теле’, *шар тосн* ‘топленое масло’, *шар махлатнр* ‘желтошапочники (последователи Зункавы)’ и так далее 2) красный, прекрасный, красивый: *шар нарн* ‘солнце красное’; 2. *входит в состав ботанических и зоологических названий шар өрг* ‘абрикос’, *шар харна* ‘сосна’, *шар модн* ‘тутовое дерево’, *шар толхата моһа* ‘уж’, *шар өтг* ‘гиена’, *шар зөг* ‘оса’, *шар бичг* ‘тибетское курсивное письмо’, *шар моңһл* ‘желтый монгол’ (название одного из родов калмыцкого народа); II. 1) чайники, 2) отходы, отбросы; III. изжога [КРС 1977: 665].

Желтый цвет в калмыцком языке носит описательный характер предмета и в переводе на русский может отражать как сам цвет (*шар усн* ‘молозиво, гной’), так и его смысл (*намрин шар нарн* ‘бабье лето’). Как и красный, он относится к солярному цвету. Таким образом, желтый цвет – цвет солнца, жизни, тепла и веры [Шараева 2003: 270].

В русском языке есть выражение красное солнышко, где красный, являясь общеславянским словом, восходит к основе краса, имевшее исходное значение – «красивый»³⁵. В калмыцком же цветообозначение *шар* в сочетании *шар нарн* имеет значение ‘красный = красивый’ и переводится как ‘солнце красное’. Возможно, отождествление солнца как макрокосмоса и обожествление природы порождало веру в значительную силу этой звезды: *Ода эн ормдан орчлцгин шар нар үзл уга од!* [КНК – Э.К.]. ‘Да чтоб ты провалился на этом месте, не видать тебе солнца (желтого)! (проклятье)’; *Шар нарн делкэд негн, Көрстә һазр цугтад негн.* [КНК – Э.К.]. ‘В мироздании солнце красное одно, и земля для людей одна’. Наименование *шар нарн* имеет долгую историю

³⁵ Крылова Г.А. Этимологический онлайн-словарь русского языка – Интернет ресурс: URL:<https://lexicography.online/etymology/krylov/> (Дата обращения: 27.08.2022)

функционирования в культурно значимых текстах, что подтверждается примерами из героического эпоса «Джангар»: *Делкэн шар нарн дегжэд хархин алднд эзн Жаңһр тиниж босв* [Джангар]. ‘Когда стало всходить солнце вселенной, великий Джангар встал (с постели)’ [КРС 1977: 192].

Как было сказано выше, в калмыцко-русском словаре Б.Д. Муниева одним из первых значений слова *шар* ‘является рыжий, русский человек’.³⁶ Светлого и светловолосого человека калмыки называли *шар күн*, *шар үстэ күн* (букв. ‘желтый человек, человек с желтыми волосами’): *Маһтг шар бергэн машинэс көтлэд буулһув* [КНК – Э.К.]. ‘Высадил из машины свою рыжую (светлолицую) сноху небольшого роста’. Пример: *Эльза Кларата хоюрн – йоста гидг немш күүкд бээсмн, цеңкр нүүдтэ, ут шар үстэ, улагчрсн халхта, минчисн зузан урлта блондинкс* [КНК – И.Н.]. ‘Эльза с Кларой обе были настоящими немками блондинками, с голубыми глазами, длинными светлыми волосами, румяными щечками, с полными красными губами’.

Нередко в калмыцких названиях пищи можно встретить названия различных цветов.³⁷ Сливочное масло калмыки называют белым, то есть *цаһан*, а топленое масло *шар* по цветовому описанию: *Чигэн, шар болн цаһан тосн, ээрг, ари, хөөрмг, тарг, ээзга, шуурмг, эрк нань чигн хот-хол кегднэ*. [КНК – ХУ]. ‘Из этого производят кефир, топленое и сливочное масла, все виды молочных продуктов, сыры, творог, водка и многое другое’. *Тавглама булмгин көвәһәрнь хәәлцгү шар тосн мелтклизнэ, каңкнсн хуурдң үнр хамрар орж таангрна*. [КНК – Э.К.]. ‘По краям посуды, в которой готовится булмг, появляется топленое масло, и благоухающий запах жареного приятно бьет в нос’.

³⁶ В монгольском языке *шар ус* в первом значении совпадает с калмыцким ‘а) светло-русые волосы’, второй его перевод ‘б) волоски на теле, мелкие волосы на теле’, кроме того, есть еще третье значение, так с пометой «хуучир. — устаревшее» ‘в) желтый волос (так в свое время в Монголии называли разные болезни: испанку, эпидемическую пневмонию, рак и др.)’: монг. *шар хун* ‘рыжий человек; блондин, белокурый человек’; *шара нахал* ‘рыжие (или белёдые) усы’, букв. ‘жёлтые усы’; *шара шэрэ* ‘жёлтая краска’, монг. *шар зос* ‘жёлтая охра’ [БАМРС IV, 2002: 341].

³⁷ Например, *улан луувц* ‘свекла’, *улан эрк* ‘красное вино’, *цаһан идэн* ‘молочные продукты’, *цаһан һуйр* ‘белая мука’, *цаһан хавстн* ‘белокачанная капуста’, *цаһан тосн* ‘сливочное масло’, *цаһан эрк* ‘водка’, *шар луувц* ‘морковь’, *шар тосн* ‘топленое масло’, *шар усн* ‘сыворожка’, *шар уург* ‘молозиво, желток яйца’, *шар өрг* ‘абрикос’. В основном цвет в названии указывает просто на цвет самого продукта, упрощая процесс запоминания [КРС 1977: 665].

В противовес яркому желтому цвету *шар* есть болезненный и темный *шар*. Значение такого цвета кардинально меняется и уже вызывает неприятные ассоциации, связанные с кожными заболеваниями, например, желтухой. Как отмечает Д. Хинзеева, четкая символика, желтого как сигнала болезни идет со времен средневековой эпидемии чумы [Хинзеева 2011: 114]. У калмыков есть выражение *шар буслна*, которое в переводе значит ‘страдать от изжоги’. Буквальный перевод этого выражения ‘желтое кипит’, здесь имеется в виду выделение избыточного желудочного сока и раздражение слизистой желудка. Возможно, именно поэтому в художественной литературе и разговорной речи это выражение часто используется в качестве метафоры, которая означает ‘испытывать злость, гнев, негодование’. Вот как это выглядит в произведении: *Эн шивэ-бээшн, өмн үзгт кыргызмудын медлд бээх һазрт, зөвэр холд шурһад орж тосхгдсн төләдн теднә нүднә хорсад, шарнь буслад бээв* [КНК – И.Н.]. ‘Эта крепость, находившаяся на востоке со стороны киргизов, вторгшихся на территорию, вызывала ненависть и негодование’.

Цвет имеет тенденцию переосмысливаться в метафорическом и метонимическом плане, как черта, присущая личности или предмету. [Файзуллина 2005: 104].

Цветобозначение *шар* способствует пониманию внутренней формы некоторых природных реалий. Например, теплые осенние дни в сентябре («бабье лето») калмыки, как и монголы, называют *намрин шар нарн*, букв. ‘осеннее жёлтое солнце’.

Цвет *шар* присутствует и в названиях животных или их масти. Например, *шар моһа* (букв., ‘желтая змея’) ‘уж’, *шар гүрвг* ‘ящерица’, *шар арат* ‘рыжая лисица’, *шар-цоохр* ‘масть коровы’: *Гев-генткн шалдасн делңгтә шар-цоохр үкр өмнәсн зөрж харһад, өөрнә ирж доңһдн мөөрв* [КНК – С-Б. Х.]. ‘Вдруг нам навстречу вышла желто-рябая корова с выменем, полным молока, остановилась около нас и замычала’.

В калмыцком героическом эпосе «Джангар» желтый цвет *шар* предстает в различных интерпретациях, в разных контекстах, обозначая при этом

различные оттенки желтого цвета, при переводе которых с калмыцкого на русский язык используются сложные цветочные прилагательные: *алтн шар бекшн* ‘злато-желтый дворец’, *шар алтн ширк* ‘желто-золотой стол (престол)’ [Голубева 2009]. *Делсгсн шар цоохр бумблвань дөрвн өңг бендерьянар сиилүлсн сээхн бээдг* [Джангар]. ‘Красиво построенный жёлто-пёстрый дворец был украшен сверкающей, подобно свисающим каплям, четырёхцветной бирюзой’ [КРС 1977: 95].

В калмыцком языке имеются пословицы, поговорки и загадки с цветочным компонентом *шар*. Рассмотрим, какую оценочность приобретает цветообозначение «шар» в культурно значимых текстах. *Улан шар гидг өңгин йиллһ отг сумн гидг нутгин йиллһ*. ‘Красное, желтое – различие в цветах, оток и сомон – различие внутри нутука’ [ППЗКРОК 2007: 596]. Калмыки издревле красный и желтый цвета считали священными, потому что именно эти два цвета ассоциировались с религией и шаманизмом, то есть с высшим обществом, которое чаще всего и было грамотной прослойкой населения. Возможно, поэтому в первой пословице и упоминаются эти два цвета наряду со словом «государства».

Калмыцкая пословица *Арслң аһу ик чидлтэ болв чигн, шар девлтин бөкур (көлгн) болдг* [КРС 1977: 655]. ‘Как бы ни был могуч лев, он становится тем, кто везет на своем горбу рыжую плутовку’ советует для преодоления преград использовать ум, сообразительность и хитрость. Не всегда побеждает сильнейший, а чаще тот, кто оказался умнее, сообразительнее и дальновиднее других.

В калмыцких загадках цветообозначение *шар* входит в сочетания, представляющие собой ассоциации, связанные с какими-либо предметами или явлениями и призванные помочь найти отгадку. Так, в загадках упоминается светловолосый мальчик / рыжий мальчуган: *Төгрг шар көвүн төр болһнд дутх уга*. (букв. ‘Круглый желтый мальчик в каждом деле не отстает (езде успевает) (чашка)’) [ППЗКРОК 2007: 740]. По всей видимости, цветочное обозначение *шар* является здесь одним из ключевых для узнавания загаданного предмета –

чашки. Отметим, что в текстах эпоса «Джангар» чашка упоминается также с цветовым эпитетом *шар*: *Далн кун дамжлдг далһа шар шаазңгар дараһар далн нег дарад оркв*. ‘Из широкой желтой чашки, которую поднимают семьдесят человек, выпил подряд семьдесят один раз’ [КРС 1977: 181]; *Эргэс урд хойр шар көвүн урлдж (нусн)*. ‘Из-под горки бегут наперегонки два рыжих мальчугана (сопли)’ [ППЗКРОК 2007: 639].

Таковую же функцию цветообозначение *шар* выполняет и в других загадках. Например, лук в калмыцкой загадке ассоциируется с образом широколицей желтой старухи в многослойной одежде: *Далһа шар эмгн далн давхр хувцта (мәңгрсн)*. ‘Широколицая жёлтая старуха имеет одежду в семьдесят слоёв (лук)’ [КРС 1977: 179].

Характерны для загадок образы напитков желтого цвета (желтый чай, желтая водка): *Тал деер шар цэ буслж (шорһлжн)*. ‘На ровной местности кипит желтый чай (муравьи)’ [ППЗКРОК 2007: 770]; *Нег бочкт цаһан шар хойр эрк*. ‘В одной бочке и белый, и желтый алкогольный напиток (яйцо)’ [ППЗКРОК 2007: 753].

Традиционным образом в калмыцких загадках является шелк различного цвета, в том числе и желтого: *Көк торһн көнжлтә, шар торһн ширдгтә (теңгр һазр хойр)*. ‘Имеет одеяло из синего шёлка и ширдык (см. ширдг) из жёлтого шёлка (небо и земля)’ [КРС 1977: 313].

Во многих культурах желтый цвет ассоциируется с цветом золота. Калмыцкая культура не исключение. Можно предположить, что в следующей загадке под рыжим жеребенком подразумеваются именно золотые серьги: *Чиңнэчин һаза шар дааһн* (сиик). ‘Во дворе у слушающего рыжий жеребёнок (серьги)’ [КРС 1977: 172].

Золото – драгоценный металл, символ вечности, постоянства, ценности и богатства. Нередко в речи калмыки соединяли золотой и желтый цвет, употребляя вместе лексемы *шар* и *алтн*: *Шар алтн билцгтә болдмб?* [КНК – Э.К.]. ‘Он(а) оказалась с золотым (желтым) кольцом?’ (Ср. подобное употребление в калмыцкой загадке: *Шарлжн дотр шар алтн*. ‘Среди бурьяна

жёлтое золото (арат лиса)’ [КРС 1977: 46].

В целом желтый цвет в калмыцкой лингвоцветовой картине мира связан с разнообразными этноспецифическими особенностями жизни и быта. Прилагательное шар в калмыцком языке употребляется как для описания окружающего мира, так и для характеристики внешнего и внутреннего мира человека: внешности, умственных и физических способностей, эмоционального и психического состояния. Этот цветовой компонент содержится в термине *шар шажн* ‘желтая вера, буддизм’. Солнце как символ жизни, плодородия и благополучия также ассоциируется с теплым желтым цветом. В результате анализа особенностей коннотации цветообозначения шар выясняется, что в калмыцком языке с желтым цветом преимущественно связана положительная оценка, однако в переносном значении данное цветообозначение может содержать в себе и негативный оттенок, выражая эмоцию гнева, негодования или возмущения (*шар буслна* ‘желчь вскипает’). Примеры культурно значимых текстов с цветообозначением шар с отрицательной оценкой единичны, что может указывать на явное преобладание позитивного восприятия цвета шар в калмыцкой лингвокультуре.

2.2.4. Желтый 누르다 в корейской лингвокультуре

누르다[nuleuda] ‘желтый’ в Новом толковом словаре корейского языка Донг-А имеет значение: ‘цвет форзиции или цветков тыквы’ [Ли Гимун 1994: 431]. В электронном толковом словаре дается следующее толкование: 누르다 [nuleuda] ‘яркий как цвет золота и латуни’.³⁸

Пак Окрён в своей работе описывает желтый цвет как цвет радости и легкомыслия, но в пословицах он оценивается как негативный и ассоциируется с жизнью простых людей [Пак Окрён 1998: 105].

³⁸ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr/의미/누르다/?q=누르다> (Дата обращения 3.07.2024)

Синонимом цветолексемы «누르다» [nuleuda] выступает 황(黃) (хван) китайского происхождения. Желтый цвет 황(黃) (хван) – цвет Ян, символизирующий конец лета, яркий и ослепительный цвет, центр света в философии пяти элементов, означающий солнце и изобилие, символизирующий силу и являющийся источником всех цветов. В прошлом желтый цвет был символом благородства, поэтому использовать его многим людям было запрещено. Король носил «одеяние дракона» – накидку, вышитую золотой нитью. Королевская семья могла носить желтую одежду, а его подданным носить одежду такого же цвета не разрешалось [Гу Мире 1992; Квак Ынхи 2018: 30].

Желтый также связывается с божественностью в буддизме. В буддизме сутры писались на желтой бумаге или шелке, а палка для скатывания сутр была красной, поэтому ее называли Хвангвонджокчук (黃券赤軸).

В корейском языке цветообозначение «желтый» входит в наименования животных, птиц, растений: марала, аиста, кактуса и др.

В толковом словаре имеется такое определение 노랗다 [noratha] «желтый»: 1. Светлый и ярко желтый, как цыпленок или цветок форзиции; 2. Бледно-желтое лицо по болезни или нехватки витаминов [Большой словарь корейского языка 1999 – 표준 국어대사전 1999]. В корейском языке имеются такие варианты написания цветообозначения «желтый», как 노르다 [noleuta] и 누르다 [nuleuda].

Значения желтого цвета в других толковых словарях корейского языка выглядят так:

	노랗다 [nolatha] желтый	노르다 [noleuta] желтый	누르다 [nuleuda] желтый
--	-------------------------	-------------------------	-------------------------

Словарь корейского языка Мун Се Енг 1942	개나리꽃[gaenalikkoch] ‘цветок форзиция’	X	X
Большой словарь корейского языка 1991	짙게노르다 [jitkkenoreuda] ‘темно-желтый’	산뜻하게누르다[sa ntteuthagenureuda] ‘ярко-желтый’	황금놋쇠 [hwang- geumnos-soe] ‘золотая латунь’
Словарь университета Ёнсе 1998	노른자 [noleunja] ‘желток’ 개나리 [gaenali] ‘форзиция’	X	X
Большой словарь корейского языка 1999	병아리 [byeong-ali] ‘цыпленок’ 개나리꽃 [gaenalikkoch] ‘цветок форзиции’	노른자[noleunja] ‘желток’	황금놋쇠 [hwang-geumnos- soe] ‘золотая латунь’
Большой словарь корейского языка университета Коре 2009	개나리[gaenali] ‘форзиция’ 병아리[byeong-ali] ‘цыпленок’	노른자[noleunja] ‘желток’	황금놋쇠 [hwang-geumnos- soe] ‘золотая латунь’

В отличие от цветообозначений «белый», «черный», «красный», в корейском языке имеется не две, а три основные лексемы, обозначающие желтый цвет. Это связано с тем, что количество оттенков в желтом больше, чем в вышеуказанных цветах.

В ассоциативный ряд цветообозначения «желтый», по данным словарей, входят золотая латунь, форзиция, желток, цыпленок.

Так как корейский народ издавна занимался земледелием, то желтый у них связан с урожаем, изобилием и богатством. Вместе с тем он символизирует запреты, такие как 황색 차선 [hwangsaeg chaseon] «желтая полоса» на дороге и

황금줄 [hwanggeumjul] «золотисто-желтая веревочка» после родов.

Положительная, нейтральная или отрицательная оценочность желтого цвета рассматривается нами на материале корейских пословиц.

Как и в калмыцкой культуре, в корейской часто желтый цвет отождествляли с золотом и очень высоко ценили его, поэтому в пословицах желтый и золотой цвет означает что-то дорогое и красивое, а цветообозначение «желтый» нередко используется в качестве определения к существительному ЗОЛОТО.

«Желтый чон» 노랑전 [nolangjeon] /노랑돈 [nolangdon] — это северокорейское слово, означающее «желтые деньги», то есть монеты желтого цвета или небольшая сумма денег. Корейское 황전[hwangjeon] «желтый чон» представляет собой синоним выражения «ни копейки», означая жизненные трудности.

Желтая монета в пословицах является символом достатка, безбедной жизни. 노랑 동전 한푼에 큰 아기가 열둘이다 [nolang dongjeon hanpun-e keun-agiga yeoldul-ida]. ‘Одна желтая монета равна двенадцати крупным младенцам’. – Пословица о людях в провинции Хванхе-до, где щедрость и процветание делает это место благоприятным для жизни.

Полное отсутствие желтых монет расценивается как показатель крайней нужды: 노랑 동전 한잎도 없다 [nolang dongjeon hanip-do eopta]. ‘Нет ни одной желтой монеты’. И, как вариант, отсутствие желтой монеты является показателем невозможности любых действий: Если нет желтой монеты на яд, то даже при желании не получится умереть. Противоположная ситуация, когда при наличии богатства возможно любое действие, моделируется в следующей пословице: 황금이 있으면 귀신도 부린다 [hwang-geum-i iss-eumyeon gwisindo bulinda]. ‘Если есть [желтое]золото, то можно управлять даже призраками’. Тем

не менее, желтая монета все же не всесильна: **황금 천냥이 자식 교육만 못하다** [hwang-geum cheonnyang-i jasig gyoyugman mothada]. ‘Тысяча [желтых] золотых монет не способны воспитать ребенка’.

Сочетание **황금** [hwanggeum] «желтое золото» в паремиях может иметь различные коннотации, как положительные, так и отрицательные. Например, в корейских пословицах указывается на то, что деньги могут развращать даже людей с благородным характером: **황금은 선비의 마음조차 검게 만든다** [hwang-geum-eun seonbiui ma-eumjocha geomge mandeunda]. ‘Золото (букв. желтое золото) делает черным даже сердце ученого’. Аналогичный пример пословицы, где отмечается такая закономерность: **황금이 흑심이다** [hwang-geum-i heugsim-ida]. ‘[Желтое] Золото – черное сердце’.

Упоминание в паремиях черного, олицетворяющего пороки, создает отрицательный образ желтого золота и тем самым включает желтый цвет в поле отрицательной оценки. Отметим, что в старину в Корее скупых людей называли желтыми.

В следующей пословице акцентируется внимание на том, что золото и предметы желтого цвета не всегда могут взаимозаменять друг друга: **누런것이 다 금이냐?** [nuleongeos-i dageum-inya]. ‘Все желтое золото?’

Цветобозначение «желтый» является признаком зрелости. Так, юноша без желтой повязки считается слишком молодым для каких-либо дел: **노랑 머리물레줄 상투 언제 길러서 내서방 삼나** [nolang meoli mulle jul sangtu eonje gilleoseo naeseobang samna]. ‘Когда же ты начнешь завязывать желтой повязкой волосы в пучке и станешь моим зятем?’

Противопоставление незрелости человека и зрелости плода усиливает воздействующий эффект пословицы **이도 아니나서 황밤을 먹는다** [ido aninaseo

hwangbam-eul meogneunda]. ‘Зубы еще не появились, а ест желтые каштаны’. Не набравшись опыта в деле и нарушив правила, кто-либо пытается справиться со сложной задачей.

Желтый как признак зрелости может указывать на определенный временной отрезок: 보리 누름까지 세배 한다 [Чжанг Генхен 2008: 213] [boli nuleumkkaji sebae handa]. ‘Совершать новогодние поклоны старшим пока не пожелтеет (созреет) ячмень’. Данная пословица передает неодобрительный смысл ‘слишком стараться’, а под выражением «пока не пожелтеет ячмень» подразумевается апрель или май – время созревания ячменя.

В следующей поговорке также описательно («пока ячмень пожелтеет») указывается на месяцы, которые должны быть теплыми, жаркими, но на самом деле оказывающимися холодными: 보리 누름에 선늬은이 얼어 죽는다 [Чжанг Генхен 2008: 213] [bolinuleum-e seonneulg-eun-i eol-eo jugneund]. ‘Ячмень желтеет, а старик мерзнет от холода’.

Желтый цвет в корейской культуре является символом изобилия: 윤달 든해는 노란 곡식이 풍년든다 [yundal deunhaeneun nolan gogsig-i pungnyeondeunda]. ‘Годы с високосными месяцами приносят обильные урожаи желтых зерен’.

В корейском языке цветообозначение «желтый» традиционно выступает в функции определения существительного «рис», что обусловлено реалиями: когда рис созревает, он становится желтого цвета. В пословице 딸을 주겠거던 류월달에 벼누런 집에 주라 [ttal-eul jugessgeodeon lyuwoldal-e byeonuleonjib-e jula]. ‘Если выдаете замуж дочь в июне, отдайте ее в дом, где есть желтый рис’ речь идет о сезоне с високосными месяцами, которые приносят обильные урожаи желтых зерен. Именно поэтому дочь выгодно отдавать в чужую семью летом, когда поля переливаются желтым цветом, означая, что будет богатый урожай.

Положительная оценка желтого как символа зрелости и богатого урожая усиливается благодаря противопоставлению с черным как символом несозревшего урожая и возможных материальных трудностей: 사돈 지내는것도 칠팔월에 논벼가 검거든지 내지말고 누룽거든지 내라고 했다 [sadon jinaeneungeosdo chilpal-wol-e nonbyeoga geomgeodeunji naejimalgo nuleohgeodeunji naelago haessda]. ‘Когда дело доходит до проживания у родственников мужа на седьмой и восьмой месяцы не оставайся, если рис черный, а оставайся, если он желтый’.

Положительная оценочность желтого (желто-золотого) проявляется в пословице о долгожданном дожде после долгой засухи: 황금비가 내린다 [hwang-geumbi-ga naelinda]. ‘Идет желто-золотой дождь’.

Желто-золотая гора как символ урожая закрепляет положительную оценку за цветообозначением «желтый»: 황금산에 오르려면 먼저 거름산에 올라야 한다 [hwang-geumsan-e oleulyeomyeon meonjeo geoleumsan-e ollaya handa]. ‘Чтобы подняться на желто-золотую гору, сначала нужно подняться в гору пешком’. (Чтобы собрать хороший урожай, придется приложить немало усилий).

В следующей пословице желтый цвет является символом более ценного предмета: 개꼬리 삼년 묵어도 [두어도] 황모 되지 않는다 [Чжанг Генхен 2008: 209] [gaekkoli samnyeon mug-eodo[dueodo] hwangmo doeji anhneunda]. ‘Собачий хвост даже через три года не станет желтым’. Иными словами, если основа изначально дешевая и низкого качества, то переделать вещь будет сложно.

Сочетание 노랑개 [norang gae] «желтая собака» в корейских пословицах, как правило, является средством выражения отрицательной оценки. Цветообозначение «желтый» в сочетании с существительным «собака» появляется именно тогда, когда речь идет о беспородных собаках, дворняжках,

выступающих в корейских паремиях символами отрицательных явлений:

– зависти: 노랑 개가 여우 흥본다[nolang-gae-ga yeouhyung bonda].
‘Желтая собака критикует лису’. В данном примере цветообозначение необходимо для понимания смысла пословицы: люди критикуют тех, на кого похожи, наговаривают на тех, на кого хотят быть похожими;

– преград, помех: 얻어 먹을 것도 사돈집 노랑강아지 때문에 못 얻어
먹는다 [eod-eo meog-eul geosdo sadonjib nolanggang-aji ttaemun-e moseod-eo
meogneunda]. ‘Не получается что-то взять у сватов из-за жёлтой собаки’. В
данном примере под желтой собакой подразумеваются то, кто будет мешать.
Буквально пословица переводится следующим образом: думал, наконец поем
еду сватов, но из-за внезапно выбежавшей их желтой собаки, которую хозяину
пришлось прогонять, я, к сожалению, не смог получить еду.

– любопытства: 다삭은 바자틈에 누렁개주둥이 같다/ 삭은 바자 구멍에
노랑개 주둥이 [dasag-eunbajateum-e nuleong-gaejudung-i gatda/sag-
eunbajagumeong-e nolangaejudung-i] ‘В щель старого рынка выглядывает
мордочка жёлтой собаки’.

В следующей пословице отрицательную оценочность несет сочетание
«желтые псы»: 누렁 수캐도삼년을 먹이면 마루에 올라 앉는다[Квак Ынхи
2018: 32] [nuleong sukae-do samnyeon-eul meog-imyeon malue-olla anjneunda].
‘Даже желтые псы будут сидеть на полу, если их кормить в течение трех лет’.
Желтые псы в данном случае выступают олицетворением жестокости и
дерзости, которую в конечном счете можно победить.

В корейских пословицах или устойчивых выражениях, как мы уже
упоминали выше, наряду с желтым цветом встречается «черный». В следующей
пословице упоминание черной собаки усиливает отрицательную оценочность
желтого как цветового признака отрицательного образа: 누렁이에게 물려도 검

둥이를 무서워 한다 [Квак Ынхи 2018: 32] [nuleong-iege mullyeodo geomdung-ileul museowo handa]. ‘Даже если укусит желтая собака, боятся черную’. «Черная собака» в Корее ассоциируется с грязью и нечистотами, с чем-то негативным [Чан Гёнхён 2007].

В целом в контекстах с одновременным использованием цветообозначений «желтый» и «черный» желтый цвет больше тяготеет к положительной оценке, нежели черный. Вероятно, поэтому в некоторых пословицах нивелируется разница в восприятии желтого цвета как символа чего-то позитивного. Так, о не очень хороших людях, несмотря на их внешние различия, корейцы говорят: 누렁이나 검둥이나 그놈이 그놈이다 [Квак Ынхи 2018: 32] [nuleong-ina geomdung-ina geunom-i geunom-ida]. ‘Желтый он или черный, подлец есть подлец’.

Своеобразное безоценочное одновременное использование цветообозначений «желтый» и «черный» при указании на явные отличия встречаются в наименовании масти животных: 누런 소는 힘이 세고 검은 소는 고기가 맛 좋다 [Квак Ынхи 2018: 32] [nuleon soneun him-i sego geom-eun soneun gogiga mas johda]. ‘Желтые коровы сильные, а у черных коров вкусное мясо’.

К примерам нейтрального использования цветообозначений «желтый» и «зеленый» можно отнести пословицу 곡령엔 소나무가 푸르고 계림엔 나뭇잎이 노래진다 [goglyeong-en sonamuga puleugo gyelim-e nnamus-ip-i nolaejinda]. ‘Сосны в Кокенге зеленые, а в Гериме листья желтые’. Как одно и то же дерево в разных местах может прижиться по-разному, так и условия, и окружение всегда влияют на развитие, образование, манеры и воспитание человека.

В следующей пословице под желтой каплей подразумевается слеза как знак слабости, которая тщательно скрывается человеком: 노랑물 한방울 안나오게 생겼다 [nolan mul hanbang-ul annaoge saeng-gyeosda]. ‘Выглядит так,

как будто ни одна желтая капля не вытекла’.

Отсутствие существенной разницы между предметами или ситуациями передается в корейских пословицах с использованием цветообозначения «желтый»: 누렁소나 황소나 [nuleong sona hwang sona]. ‘Что желтая корова, что [желтый] бык’.

Образ желтого цыпленка в корейских пословицах используется для создания и передачи негативных явлений, таких как возможность присвоить чужое в отсутствие существенных отличий предметов 노란 병아리는 다내것 [nolan byeong-alineun danaegeos]. ‘Все желтые цыплята мои’. Метафора, означающая, что, если есть что-то подобное, человек утверждает, что это все его) или попытка приказать кому-либо выполнить действие против его воли 내 노랑병아리만 내라 한다 [Чжанг Генхен 2008: 210] [naenolangbyeong-alimannaelahanda]. ‘Отдай мне только моего желтого цыпленка’. Приказывают что-то сделать через силу.

Желтый цвет в Корее связывается и с болезнью, проявлением нездоровья, которое может распространяться на все объекты, окружающие больного: 황달 병환자는 세상이 노랗게 보인다 [hwangdal byeonghwanjaneun sesang-i nolahge boinda]. Больные желтухой видят мир желтым. В выражении 싹수가 노랗다/싹이 노랗다 [Чжанг Генхен 2008: 210] [ssagsuga nolahda/ssag-i nolahda] ‘Бутоны желтые’ желтый цвет означает хворь, болезнь, недуг. Данная поговорка опирается на реалии: бутоны, хотя должны быть зелеными, оказываются болезненно желтыми и могут не превратиться в цветок.

Желтый цвет семян в буквальном смысле символизирует болезнь и причину умирания, в переносном же смысле в пословице речь идет о том, что если идея умирает в зародыше, то ничего толкового и дельного не будет в

будущем: 떡잎에 황이 들다 [tteog-ip-e hwang-i deulda]. ‘Семядоли становятся желтыми’.

Однако в некоторых пословицах с цветообозначением желтый использование негативных образов направлено на формирование положительного смысла. 안질에 노랑 수건 [anjil-e nolang sugeon] ‘желтое полотенце при заболевании глаз’. При глазных заболеваниях желтая глазная слизь застревает в глазу, и полотенце, которым вытирают гной, становится желтым. Это выражение означает тесную дружбу, поскольку заболевание глаз и желтое полотенце неразделимы. Аналогичный пример представляет собой пословица 황달 붕어 들여다 보듯 한다 [hwangdal bung-eo deul-yeoda bodeushanda]. ‘Все равно, что смотреть на желтушного карпа’ со значением ‘Пристально рассматривать что-либо’. Желтый карп считается удивительным явлением и поэтому привлекает много внимания.

Тексты корейских паремий с цветообозначением «желтый» передают ценностные характеристики, связанные с этим цветом. Желтый, с одной стороны, ассоциируется в пословицах с достатком, изобилием, зрелостью, и с другой стороны, с такими негативными явлениями, как скупость, болезнь, зависть, любопытстве, помехи, слабость, отсутствие существенной разницы между предметами.

Значимым является использование цветообозначения «желтый» в одном контексте с цветообозначением «черный». В этих случаях желтый по сравнению с черным оказывается менее негативным, хотя и попадает в поле отрицательной оценки.

2.2.5. Синий көк в калмыцкой лингвокультуре

Символика синего цвета очень древняя и связана с вечно синим небом (*мөңк көк теңг*), культ которого был распространен среди всех монголов, в

том числе и ойрат-калмыков, до принятия ими буддизма (ламаизма) в качестве официальной религии (XVI-XVII в.в.) [Пюрбеев 1993: 64].

Религиозная символика цветообозначения «синий» означает сострадание ко всему существу. Синий цвет в буддизме имеет несколько оттенков: небесный – олицетворение воды, холода, неба; синий – символ вечной жизни души и преданности; смесь синего и голубого – соединяет разум и Вселенную. В махаянском направлении буддизма палитра от черного к светлым оттенкам символизирует движение к просветлению, а затем к золотому – к нирване, т.е. к Будде. Черный, а затем синий – нижние миры перевоплощений, где живут далекие от пробуждения злые духи и демоны [Евтых, 2018: 594; Убушиева 2022: 10].

Сакральность синего цвета как цвета Тенгрия (Неба) отражается в тексте калмыцкого героического эпоса «Джангар». О цветовом определении *көк* в названиях оружия эпических персонажей ('огромный синий лук' (*көк кивр саадг*), 'волшебная синяя стрела' (*көк лууһин сумн*), 'синий сандаловый дрот' (*көк зандн арм*), 'синие богатырские доспехи' (*көк лүвц*)) Г.Ц. Пюрбеев пишет, что оно подчеркивает «небесное происхождение» богатырского оружия, обладающего «чудесными волшебными свойствами» [Пюрбеев 1993: 64–65].

В фольклоре монголоязычных народов *көк* 'синий' символизирует верность, преданность Родине и постоянство [Голубева 2006: 18]. Также этот цвет ассоциируется с водной синью [Хинзеева 2010: 153].

Следует подчеркнуть, что у калмыков нет четкого различия в цветовых понятиях синего и зеленого. В калмыцком языке, как и в других монгольских и тюркских языках, цветообозначение *көк* 'синий' используется и тогда, когда речь идет о зеленом оттенке. Например, в древнетюркском языке *көк* имеет семы 'голубой, синий, сизый' [Древнетюркский словарь 1969: 312], но в современных тюркских языках уже обнаруживается сема «зеленый», например, *көк* 'синий, голубой, небесного цвета, светло-зеленый, цвет молодой зелени, небо, трава' [Радлов 1899: 1218–1222]. Как считает К. Саматов, отсутствие семы «зеленый» в лексеме *көк* в древнетюркском языке говорит о том, что она

появилась в средние века. Процесс приобретения другой семы связан с тем, что *көк* означал переходный цвет между синим и зеленым, а именно «сине-зеленый» [Саматов 2016: 117].

Можем предположить, что и в калмыцком языке изначально существовала одна лексема *көк*, обозначающая сине-зеленый цвет, а затем в ходе развития языка появилось особое обозначение для зеленого цвета.

В академическом калмыцко-русском словаре под редакцией Б.Д. Муниева даются следующие значения:

Көк 1. 1) синий, голубой; зелёный; *көк теңс* ‘синее море’; *көк нүдн* ‘голубые глаза’; *көк теңгр* ‘голубое небо’; *көк ноһан* ‘зеленая трава’; *көк өвсн* ‘зелёное сено’ (вовремя скошенное и убранное); 2) серый, сивый (чаще о масти); *көк бор* ‘сивый, серый’ (с тёмным оттенком); *көк саарл* ‘мышастый’; *көк буурл* ‘серо-сивый’; *көк бор мөриг унжэ эс чаджэ, көгл иштэ маляг бэржэ эс чаджэ загадка* ‘на коня Сивко не смог сесть, а плеть с рукоятью из терновника не смог держать в руке’ (чон болн моһа волк и змея); 3) зелёный, неспелый, недозревший (о плодах); *көк альмн* ‘зелёное (недозревшее) яблоко; 2. 1) в зоол. и бот. названиях; *көк шовун кукушка* ‘лесная’; *көк хутн* ‘цапля’; *көк мәнгрсн* ‘луковица’; *көк бух* ‘выпь’; *көк неткл* ‘лишайник’; *көк тул* ‘голубой кит’; 2) синяк, кровоподтёк. [КРС 1977: 211].

В калмыцко-русском словаре есть словосочетание небесный свод *оһтрһун көк*, в данном случае лексема *көк* значит свод [КРС 1979: 268]. И небесный уже подчеркивается другой лексемой.

Фразеологический фонд калмыцкого языка содержит единичные примеры идиоматических оборотов с лексемой *көк*: *Тер мел көк теңгр деерэс унжэ ирсн эдл бээнэ*. ‘Как будто с голубого неба упал или словно с луны свалился; *Толһаннь ораһарн көк теңгрт күрх* ‘Быть на седьмом небе’ (букв. достать головой голубое небо) [КРС 1977: 211].

В словаре под редакцией Э.Ч. Бардаева есть фразеологизм: *Долан көк чоһар идүлх* ‘Жестоко расправиться’ (букв. отдав на съедение семи серым волкам). Например, *Эдниг долан көк чоһар идүлдм биш, – гинэд салдсмуд хэржэ*

одв [КНК – И.Н.]. ‘С ними нельзя жестоко расправляться, – сказали солдаты и ушли домой’.

Цветонаименование *көк* встречается в фольклорных текстах – пословицах, поговорках, загадках, триадах. На материале этих культурно значимых текстов можно выявить примеры употребления цветообозначения *көк* с положительной, отрицательной или нейтральной оценкой и выявить круг ассоциаций, т.е. предметов или явлений, определяемых данной цветовой лексемой.

Синий цвет *көк* в сочетании с наименованиями погодных характеристик или в описаниях природы приобретает разную оценку, как положительную, так и негативную: *Көк манан татвл, бора норхин темдг, киитн салькн сальквл, кир унхин темдг* ‘Когда синие тучи затянут небо – к дождю, когда подует холодный ветер – к инею’ [ППЗКРОК 2007: 376].

В следующей пословице синий цвет фигурирует как признак негативно оцениваемых явлений – надвигающегося холода и плохого характера: *Киитрх теңгрин көвә көк, керулч күүнә урл көк*. ‘Если края неба синеют, то это к холоду (похолоданию), если у человека синие губы, то это признак скандалиста’ [КРС 1979: 201].

Цветолексема *көк* ‘синий’ может сравниваться с женской душой и в данной паремии получает положительную окраску: *Көк теңгр аһарарн сән, күүкн кун седкларн сән* ‘Синее небо прекрасно чистым воздухом, а девушка (женщина) – душой’ [КРС 1979: 211].

Синяя зола как результат уже чего-то случившегося упоминается в пословице: *Көөтә хәәсн – көк үмсн*. ‘Котёл закоптелый – зола синяя’; ≈ нет дыма без огня [КРС 1979: 215]. Цветолексема *көк* ‘синяя’ в этой пословице не имеет какой-либо оценочной нагруженности.

Цветообозначение *көк* в составе названий животных переводится на русский язык цветообозначением ‘серый’, как *көк чон* ‘серый волк’ [КРС 1979: 458]. В калмыцких пословицах *көк чон* получает скорее нейтральный смысл, чем негативный: *Көдлми көк чон биш, көдә орж гүүхн уга* (посл.) ‘Работа не волк – в степь не убежит’ [КРС 1979: 210].

Образ *көк чон* ‘серого волка’ встречается также в загадках с безоценочным значением цвета *көк*: *Көндә модар көк чон гүүжэ* (утан) ‘По дуплу дерева побежал синий волк (дым)’ [КРС 1979: 213]. *Көк чон көнжлэн чирэд гүүжэ* (*уцита зун*) ‘Серый волк бежит, волоча за собой одеяло (игла с нитью)’ [ППЗКРОК 2007: 630].

Цветобозначение *көк* в загадках упоминается в описании другого животного – коня, причем разной масти, например, *көк бор мөрн* ‘серый, сивый конь’, [КРС 1979: 313] или *көк һалзн ажрһ* ‘серый жеребец с лысиной (плешивый)’ [КРС 1979: 155]: *Көк бор мөриг унжэ эс болжэ (чон)*. ‘Нельзя сесть на иссиня-серую лошадь (волк)’ [Калмыцкие народные загадки 1993]. Цветобозначение «синий» в описании лошади подразумевает темно-серый цвет и лишено оценочности: *Көгл иштә маляг бәржэ эс болдмб, көк бор мөр унжэ эс болдмб? (чон моһа хойр)* ‘Почему невозможно держать в руке плеть с рукояткою из терновника, почему невозможно ехать на лошади тёмно-серой масти?’ (змея и волк) [КРС 1979: 209]. Однако в другом контексте серый жеребец олицетворяет силу и мощь природного явления, а цветобозначение *көк* является своего рода подсказкой для адресата загадки: *Көдәһин көк һалзн*³⁹ *ажрһ инцхәхлә йиртмжсин йирн йисн миңһн гүн дегц унһлжэ* (*оһтрһун дун, үүлн, хур*) ‘Когда заржал жеребец пустыни, то сразу ожеребились девяносто девять тысяч кобылиц природы (гром, тучи, дождь)’ [КРС 1979: 210].

Цветобозначение *көк* в сочетании с зоонимом *яман* ‘коза’ также имеет значение ‘серый’: *Көк арһмжсан чирэд гүүжэ* (зун). ‘Серая коза бежит, волоча за собой аркан (иголка)’ [ППЗКРОК 2007: 630].

В калмыцкой лингвокультуре особой спецификой обладают культурно значимые тексты, имеющие в своем составе соматизмы. Цветобозначения встречаются в калмыцких загадках о частях тела. Например, в загадке *Көк торһн бүшмүдтә хатн* (*делун*). ‘Княжна в синем шелковом платье (селезенка)’

³⁹ Лошадь у калмыков – это символ богатства и силы. Раньше калмыки славились своими табунами лошадей, воевали на лошадях и отдавали выкуп ими за невесту. Сила и власть отражена и в устном народном творчестве. Особенно сила коня воспевается и восхваляется в героическом эпосе Джангар. Например, *нәәмн миңһн көк һалзн адуһинь хамжэ авад һарв*. ‘Угнал все восемь тысяч голубых лысых табунов’ [КРС 1979: 211].

[ППЗКРОК 2007: 630] цветообозначение *көк* получает положительную оценку, находясь в стилевом единстве с образом княжны и шелка как знака богатства и роскоши.

Синим морем (*Көк теңс*) калмыки называют Каспийское море, упоминание о котором находим в загадке: *Көк теңсин көвәһәс көлтә цегг мордҗ (сурмс)*. ‘От берега Каспийского моря отъехало множество всадников (ресницы)’ [ППЗКРОК 2007: 630]. Цветолексема *көк* входит в состав топонима, являясь выражением внутренней формы данного гидронима.

Цветолексема *көк*, как и другие базовые цветообозначения, входит в состав калмыцких триад и, как правило, является центральным определением предметов и явлений, упоминающихся в ответах в текстах этого жанра:

Үүлн уга оһтһу көк, ‘Небо без облаков синее’,
Өвчнугаделункөк, ‘Селезенка без болезней синяя’,
Усн цегән дала көк, ‘Океан с прозрачной водой синий’,
Өвдхән медх уга махн көк. ‘Мясо (мышцы), утратившее чувствительность, синее’ [ППЗКРОК 2007: 823].

Чаще всего определение *көк* получают наименования природных явлений:

Уудм делкән теңгр нег көк, ‘Над просторами земли небо голубое’,
Унтрх һалын дөл нег көк, ‘У гаснущего огня пламя голубое’,
Урсх һолын усн нег көк, ‘У текущей реки вода голубая’ [ППЗКРОК 2007: 809].

В приведенных ниже триадах цветоименование *көк* ‘синий’ переводится на русский язык разными цветолексемами, например, зеленый и голубой. Так, в сочетании с названиями растений *көк* передает значение ‘зеленый’:

Үвл зун көкрәд бәәдг харһа көк, ‘Зеленеющая зимой и летом сосна’,
Үнр-танрнь эңкнәд бәәдг арц көк, ‘Благоухающий зеленый можжевельник’,
Адрһ дуурң көкрәд бәәдг зергн көк ‘Наполнившие холмы зеленые кусты

ежевики' [ППЗКРОК 2007: 809].

В сочетании с лексемой *теңгр* 'небо' цветолексема *көк* означает светло-синий или голубой оттенок:

Урһмл дарц көк, 'Среди растений можжевельник зеленый',

Уснд замг көк, 'В воде тина зеленая',

Орчлд теңгр көк. 'Во Вселенной – Небо голубое' [ППЗКРОК 2007: 809].

Итак, специфика цветообозначения *көк*, в отличие от рассмотренных выше базовых цветообозначений, заключается в том, что оно используется для обозначения нескольких цветов и оттенков: синего, голубого, зеленого, серого, сивого, причем в значении 'серый' цветообозначение *көк* используется только в сочетании с зоонимами. Синий *көк* является символом мужского начала, а также практически не имеет случаев употребления с отрицательной коннотацией, что, вполне вероятно, связано с сакральностью синего цвета как цвета Вечного синего неба (Тенгр).

2.2.6. Синий 푸르다 в корейской лингвокультуре

Синий – цвет весны; считается, что он символизирует чистую светлую жизнь и энергию [На Джиён 2002:6]. В ассоциативный ряд цветолексемы «синий» в корейском языке входят хладнокровие, свежесть, чистота, молодость, уныние, холодность, страх, вечность, искренность, холод [Пак Окрён 1998: 105]. Синий цвет также означает удачу, приносящую человеку добро и защищающую его от злых умыслов [Чанг Генхен 2018: 205].

Прилагательное 푸르다 [phureuda] в толковом словаре корейского языка ⁴⁰ имеет следующие дефиниции: 1) цвет светлого осеннего неба и глубокого моря, цвет травы; 2) цвет незрелого плода и зерновых культур; 3) сильная власть; 4) молодой и яркий; 5) надежды и стремления; 6) чистый и свежий воздух; 7) прохладный; 8) спокойное, холодное лицо.

⁴⁰Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr>(дата обращения 15.05.2024).

Наряду с цветолексемой 푸르다 [phureuda] имеются синонимы 퍼렇다⁴¹ [pheoreotha] с дефинициями: 1) темно-синий цвет; 2) синеть от страха или от холода; 3) острие лезвия; 4) могущественный и страшный; 5) свежий и яркий; б) холодный и жестокий, а также 파랗다 [pharatha]: 1) цвет светлого осеннего неба и глубокого моря, цвет травы; 2) синеть от страха или от холода; 3) злой, холодный, свирепый; 4) могущественный; 5) очень молодой. Аналог китайского происхождения – 청색 (靑)[cheongsaeg] часто используется в идиомах и устойчивых выражениях, реже в разговорной речи.

Значения цветообозначения «синий» в толковых словарях корейского языка разных годов представлены ниже в таблице.

	파랗다 [palahda] ‘синий’	푸르다 [puleuda] ‘синий’
Словарь корейского языка Мун Се Енг 1942	진하게 푸르다 [jinhage puleuda] ‘темно-синий’	갠하늘 [gaenhaneul] ‘чистое небо’ 무성한 나무잎 [museonghan namuip] ‘пышные листья деревьев’
Большой словарь корейского языка 1991	산뜻하게 푸르다 [santteushage puleuda] ‘светло-синий’	맑은하늘 [malg-eunhaneul] ‘чистое небо’ 싱싱한 풀잎 [singsinghanpul-ip] ‘свежие листочки травы’
Словарь университета Ёнсе 1998	맑게 푸르다 [malg-ge puleuda] ‘ярко-синий’	하늘[haneul] ‘небо’ 풀[pul] ‘трава’

⁴¹Там же

Большой словарь корейского языка 1999	하늘[haneul] ‘небо’ 바다[bada] море 새싹 [saessag] ‘цвет’	하늘[haneul] ‘небо’ 바다[bada] ‘море’ 풀[pul] ‘травы’
Большой словарь корейского языка университета Коре 2009	하늘 [haneul] ‘небо’ 바다 [bada] ‘море’	하늘 [haneul] ‘небо’ 풀[pul] ‘травы’

С синим цветом связывают такие имеющие, как правило, отрицательную коннотацию явления, как состояние незрелых зерен или плодов, незрелость мышления, незрелость человека в его телесном развитии, молодой возраст и т.д. На условно негативные эмоции и состояния указывают устойчивые выражения: например, когда человек испытывает страх, корейцы говорят 파랗게 질리다 [palahge jillida] или 파랗게 질린 얼굴 [parahge jillin eolgul] ‘синее лицо [от страха]’.

Цветолексема «синий» может нести смысл жизненных изменений и кризиса: 파란 만장⁴² [palan manjang] ‘большие изменения; различные испытания, взлеты и падения; превратности судьбы’.

Цветобозначение «синий», имеющее положительную оценку, ассоциируется с силой и умом, с молодостью и жизненной силой, что символизирует надежду, мечту о будущем. В устойчивом выражении 청운의꿈 [cheong-un-ui kkum] «мечта Синего облака» говорится о надежде молодых людей на карьеру или высокое положение в обществе, а идеальный мир, где живут образованные и грамотные 청운 지사 [cheong-un jisa] (靑雲之士) ‘мастера синего облака’, называют 청학동 [cheonghagdong] (靑鶴洞) ‘синим учением на востоке’, подразумевая науку в Китае в период Циньской империи.

⁴²Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (Дата обращения 18.05.2024).

파랑새 [parangsae] ‘синяя птица’ – метафора хороших новостей или надежды, а «синий (или зеленый) свет» – метафора благоприятного предзнаменования. Чертеж или план чего-то называют «синей картинкой». Кроме того, синий является одним из пяти базовых цветов и символизирует восток, где восходит солнце. [Квак Ынхи 2018: 28].

Цветобозначение «синий» в корейской культуре и языке ассоциируется с образованием и успешным обучением: 청출어람⁴³ [cheongchul-eolam] (букв. ‘синий происходит от цвета индиго’). ‘Ученик превосходит своего учителя’. Синий цвет в этой является символом ума, грамотности и разума талантливого ученика. В корейском языке имеется более полная версия этой же пословицы с таким же переводом и смыслом: 청출 어람이 청어람 (靑出於藍而靑於藍)⁴⁴ [cheongchul eolam-i cheong-eolam]

푸른 옷을 입을 때는 왜나무를 잊지 말라 [Квак Ынхи 2018: 28] [puleun os-eul ib-eulttaeneun hwaenamuleul ij-ji malla] ‘Когда носишь синюю одежду, не забывай о дереве хе.⁴⁵ Цветобозначение «синий» в этом случае олицетворяет успех и богатство и несет позитивную оценку в общем контексте пословицы, напоминающей людям о необходимости быть благодарными этому миру.

Синяя оберточная ткань из настоящего шелка в древности считалась предметом роскоши, так как такого же синего цвета шилась одежда высокопоставленных дворян, занимающих государственные должности [Чанг Генхен 2018: 205]. В пословице 청보에 개똥이라 [cheongbo-e gaettong-ira]. ‘Собачьи отходы в синем платочке’ синий платочек символизирует красоту и благородство, противопоставляется грязному и уродливому содержимому внутри. Синий платочек в значении внешней привлекательности фигурирует в

⁴³ Там же

⁴⁴ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (Дата обращения 18.05.2024)

⁴⁵ Дерево «хе» еще называют саранчовым деревом. Раньше листья и кора этого дерева использовались в качестве красителя ткани, одежды. Отсюда пошло выражение, напоминающее людям о благодарности ко всему в этом мире. А кроме благодарности, необходимо всегда помнить о происхождении и источнике появления всех благ. Благодарность – одно из важных качеств в воспитании в корейской семье.

других пословицах на тему несоответствия внешнего вида и внутреннего содержания: 청보에 싼개똥은 반드시 냄새 나고야 만다 [Квак Ынхи 2018: 28] [cheongbo-e ssan gaettong-eun bandeusi naemsaega nagoya manda]. ‘Собачьи отходы, завернутые в синий платок, обязательно начнут издавать вонь’. В корейском языке имеется и устойчивый сравнительный оборот 청보에 개똥 싼격 [Квак Ынхи 2018: 28] [cheongbo-e gaettong ssankyeok]. ‘Как собачьи отходы, завернутые в синий платочек’.

Синий и красный цвета во многих культурах считаются парными и означают семью. Синий и красный в системе Инь–Ян означают мужское и женское начала, именно этим можно объяснить традиционный цвет одежды молодоженов в Корее на свадебной церемонии: синий у мужчины, красный у девушки. Синий и красный в таких значениях встречается в пословице 청실홍실 매야만 연분인가 [Квак Ынхи 2018: 28] [cheongsil hongsil maeyaman yeonbun-inga]. ‘Будет ли считаться союзом, если завязать красную и синюю нитки?’ Цветообозначения в приведенном примере обладают положительной оценочностью.

Синий и красный в корейских пословицах могут резко противопоставляться друг другу, и в таком противопоставлении синий нередко выступает символом чего-то лучшего, положительного, по сравнению с красным. Так, синий цвет символизирует молодость, в то время как красный цвет – более старший возраст: 청상과부는 살아도 홍상과부는 못산다 [Квак Ынхи 2018: 29] [cheongsang-gwabuneun sal-ado hongsang-gwabuneun mossanda]. ‘Синья вдова может жить, а красная – нет’. Иными словами, молодая вдова еще может выйти повторно замуж, а вот вдова средних лет уже не сможет.

Оппозиция синего и красного наблюдается в пословице, рассмотренной нами ранее в параграфе, посвященном красному цвету в корейском языке и

культуре: 빨간 상늬 푸른 양반⁴⁶[ppalgan sangnom puleun yangban]. ‘Красный простолюдин, синий/голубой дворянин’. Отметим, что источник цветообозначения «синий» в сочетании «синий/голубой дворянин» несколько двусмыслен. Есть вариант слова для конфуцианского ученого – «청금 (靑衿)», то есть «голубой свет», так в древности называли ученых, потому что они надевали синюю одежду. Можно предположить, что выражение «голубой дворянин» произошло именно от него, однако, если обратиться к объяснению в Большом толковом словаре корейского языка, то можно найти идиому «голубое остриё», что означает «угрожать, оскалиться» или «настолько сильный и пронизывающий насквозь дух или настрой, что ему не могут противостоять другие» [Чжанг Генхен 2018: 205]. По мнению Гу Мире, синяя сосна и бамбук – это символ ученых, а белый и синий цвета считаются символами честности и праведности этих ученых [Гу Мире 1992]. Поскольку выражение «голубой свет» родилось в Китае, то смело сказать, что оно также является и корейским символом сложно. Пак Сонхе и Квон Ёнгель предполагают, что паремия возникла из-за того, что одежду конфуцианских студентов Сонгюнквана называли 청금 [chong-geum] «чхонгым», то есть голубым светом, под влиянием китайского иероглифа 靑金 [chong-geum] [Пак Сонхе, Ёнгель 2005:4]. По мнению На Джиён, было бы точнее обратиться к официальной темно-синей форме⁴⁷ придворных во времена династии Чосон и там искать происхождение выражения «голубой свет» [На Джиён 2002]. Однако это очень спорный и сложный вопрос, поскольку здесь необходимо учитывать ранние контексты с устойчивым выражением «голубой свет», а также возможное с течением времени изменение смысла пословиц, приводящее к несоответствию

⁴⁶Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (Дата обращения 21.05.2024).

⁴⁷Цвета использовались для обозначения класса и статуса. В Корее хроматические цвета могли использоваться только знатым классом, а простолюдины могли носить цветную одежду только на особых церемониях, таких как свадьбы. Кроме того, цвет служебной формы определялся в зависимости от ранга служебной должности. Во времена династии Чосон 1-й, 2-й и 3-й классы были окрашены в красный цвет, 3-й, 4-й и 6-й классы были синими, 7-й и 9-й классы были зелеными, городская управа одевалась в черную одежду, а ученые – в желтую [Пак Ок Рён 1998: 107].

современным реалиям.

В пословицах о природе встречается цветообозначение «синий», которое в составе сочетаний с лексемами гора, море, небо, дерево, сосна может означать не только синий, но и зеленый цвет. Например: 칠년가뭄에 푸른빛을 볼수있으나 석달 장마에 푸른빛을 볼수없다⁴⁸ [chilnyeon gamum-e puleunbicheul bolsu iss-euna seogdal jangma-e puleun bich-eul bolsu eobsda]. ‘Можно увидеть синий свет во время семилетней засухи, но невозможно увидеть синий свет во время трехмесячного сезона дождей’. «Синий свет» в данном случае означает урожай, который можно получить во время долгой засухи, но не в дождливую пору. Цветообозначение «синий» рассматривается как положительный признак и означает надежду на будущее, на что-то лучшее. Корейцы в сезон дождей рисковали потерять весь урожай и остаться без запасов на зиму.

Метафорическое сравнение природных явлений и жизненных трудностей можно увидеть и в следующих пословицах: 눈 와야 솔이 푸른 줄 안다⁴⁹ [nun waya sol-i puleun jul anda]. ‘Только когда идет снег, ты узнаешь, что сосна зеленая (синяя)’ или 겨울이 다 되어야 솔이 푸른 줄 안다⁵⁰ [gyeoul-i da doeoyo sol-i puleun jula nda]. ‘Только с наступлением зимы понять, что сосна зеленая’. Цветолексема «синий» в данном контексте имеет также положительную оценку и символизирует стабильность, постоянство. Корейцы считают, что истинный характер человека можно узнать по тому, как он преодолевает трудности в кризисные периоды.

В целом синий и зеленый цвета во многих восточных культурах воспринимаются как один цвет в написании, но в отдельных интерпретациях существует четкое разделение синего и зеленого.

Цветообозначение «синий» может переводиться как «голубой», если оно

⁴⁸ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (Дата обращения 16.05.2024).

⁴⁹ Там же

⁵⁰ Wordrow [Электронный ресурс] <https://wordrow.kr> (Дата обращения 16.05.2024).

используется в сочетании с лексемой *небо*: 청천 하늘에 날벼락⁵¹ [cheongcheon haneul-e nalbyeolag]. ‘Молния среди ясного голубого неба’. Голубое или синее небо означает спокойствие и умиротворение, а яркая молния противопоставляется спокойному голубому небосводу. Опасность и несчастье могут постигнуть человека во время тихой и спокойной жизни. Еще одно упоминание синего неба встречается в пословице 푸른 하늘에 별 박히듯⁵² [puleun haneul-e byeol baghideus]. ‘Как звезды, рассыпанные по голубому (синему) небу’. В данном случае цветообозначение «синий» обладает нейтральностью. Подобное сравнение в Корее используют для описания разбросанных или, наоборот, собранных в одну кучу предметах.

В пословицах цветолексема «синий» (зеленый и голубой цвета) относится к естественной природе и воздуху, которым приписывают положительное или нейтральное значения. Сравнительные образы с синей(зеленой) травой, водой не имеют оценочности в пословицах: 푸른 풀도 자세히 보면 다르다 [Квак Ынхи 2018: 29] [puleun puldo jasehi bomyeon daleuda]. ‘Даже зеленая трава отличается, если внимательно присмотреться’. Метафора дает понять, что нет похожих людей в мире, каждый человек уникален по-своему, у каждого человека своя индивидуальность. О синей воде говорится: 물 퍼런것도 잘 보면 여러가지라 [Чжанг Генхен 2008: 207] [mulpeoleon geosdo jal bomyeon yeoleogajila]. ‘Если присмотреться к синеве воды, можно увидеть ее оттенки’. Даже если группа людей, на первый взгляд, разделяют одну идею, стремятся к одному идеалу, каждый из них обязательно будет отличаться от другого мыслями, чувствами, суждением, мышлением.

푸른 소에 돌 던지듯 [Чжанг Генхен 2008: 207] [puleun so-e dol deonjideus]. ‘Бросить камень в синее (зеленое) болото’. Даже если бросить камень в

⁵¹ Там же

⁵² Там же

глубокое зеленое болото, все равно от него не останется ни одного следа. Цветообозначение «синий» в этой пословице выражает собственно цветное значение. Данная пословица служит критикой и осуждением тех, кто без пользы для себя и других проводит свое время.

Образ синей птицы 파랑새 [parangsae], традиционно символизирующей надежду и мечты, в следующей пословице демонстрирует обратную картину: 파랑 새 보고 며늘아기 곡식 뒷박 기운다⁵³[palang sae bogo myeoneul-agi gogsig doesbag giunda]. ‘Увидев синюю птицу, невестка прячет зерно’.⁵⁴ Синяя птица выступает символом несчастья и беды, цветообозначение синий приобретает отрицательный характер.

Цветообозначение «синий» является составной частью многих зоонимов, что позволяет понять внутреннюю форму наименований животных, рыб, птиц: 청어 굽는 냄새맡고 나갔던 며느리가 되돌아온다 [Квак Ынхи 2018: 29] [cheong-eogubneun naemsae matgo nagassdeon myeoneuliga doedol-aonda]. ‘Невестка возвращается, почувствовав запах жареной селедки’. Цветообозначение «синий» тут частью наименования селедка (букв. ‘синяя рыба’).

Если в калмыцких пословицах и загадках с цветообозначением «синий» среди образов животных чаще встречаются волки и лошади, то в корейской – драконы, кузнечики: 청룡이 개천 에빠져 엎드려있으니 뱀장어로 본다[Квак Ынхи 2018: 29] [cheonglyong-i gaecheon-e ppajye oeordeulyeoiss-euni baemjang-eolo bonda]. ‘Когда синий дракон лежит в ручье лицом вниз, он похож на угря’. Синий цвет здесь символизирует власть, силу, статус. Назвать мощного мифического дракона угрем, считается унижительным и оскорбительным; в данной передается смысл возможной потери высокого статуса.

⁵³[Чжанг Гёнхён 2018: 206]

⁵⁴В горных районах Южного острова синяя птица считается символом несчастья, которая приносит за собой засуху и голод. Поэтому в семье женщина в тех регионах старалась запастись зерном, крупой и другими продовольственными товарами при виде такого знака [Пак Сонхе, Квон Ёнгель2005:4].

В следующей пословице синий (зеленый) цвет не несет какой-либо определенной оценочной нагрузки: 산젯밥에 청메뚜기 뛰어들듯 [sanjesbab-e cheong mettugi ttwieodeuldeus]. ‘Как зеленый кузнечик, прыгающий в жертвоприношение богу горы Шин’. Смысл пословицы заключается в высмеивании человека (прыжки кузнечика), который делает или участвует в деле не своего уровня (жертвоприношение богам – очень торжественная церемония, где участвовали богатые и состоятельные люди, которые делали дорогие и ценные подношения).

Продолжая тему статусности и власти, приведем в пример еще одну пословицу: 청자 접시에 보리 개떡 [Квак Ынхи 2018: 29] [cheongja jeobsie borigaetteog]. ‘На синей тарелочке ячменно-рисовый пирог’. Синий цвет в этой пословице означает благородство, аристократизм, высшее сословие. Так говорят о человеке, который демонстрирует свою силу, а внутри очень беден.

В корейских паремиях с цветообозначением «синий» отражаются как положительные, так и негативные характеристики, связанные с этим цветом. Синий в корейской культуре и языке может символизировать как власть, силу, статус в обществе, спокойную жизнь, так и несчастье, убыток. Отметим, что образ синей птицы ассоциируется, с одной стороны, с надеждой и верой в будущее, а с другой стороны, это предвестник засухи и голода.

Значимым является использование цветообозначения «синий» в одном контексте с цветообозначением «красный». Примечательно то, что синий и красный цвета являются символами не только мужского и женского, но и могут указывать на статусность человека (простолюдина и дворянина).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Цветообозначения «белый», «чёрный», «красный», «желтый» и «синий», рассмотренные в главе на материале культурно-значимых текстов (пословицы, поговорки, фразеологизмы, загадки и др.), отличаются большой частотностью в калмыцком и корейском языках, однако наиболее употребительными из них

являются три: «белый», «чёрный» и «красный».

Базовые цвета в калмыцкой и корейской лингвокультурах обнаруживают сходства и различия в символике, сочетаемости и оценочности.

Цветобозначения «белый» и «черный», составляют в обеих лингвокультурах оппозицию, символизируя нечто положительное и отрицательное. Белый цвет олицетворяет чистую душу и помыслы, связывается с женской красотой как в калмыцкой, так и в корейской лингвокультурах; черный цвет у калмыков и корейцев ассоциируется с плохими знаками, ложью, хитростью, опасностью. Вместе с тем похожие на первый взгляд образы имеют лингвокультурную специфику, вплоть до противоположных оценок (простолюдины – черные у калмыков и белые у корейцев; различное восприятие белой бороды (признака смерти у калмыков) и белых бровей (признак мудрости у корейцев); черный цвет глаз как знак опасности (сглаза) в традиционных представлениях калмыков и как знак невежества, неграмотности – в корейской лингвокультуре, и др.).

Калмыцкие и корейские культурно-значимые тексты демонстрируют значительное сходство в ценностной составляющей цветобозначения «красный»: как у калмыков, так и у корейцев красный цвет является символом жизни, любви, выполняет функцию защиты от злых духов, может означать тяжелую жизнь в бедности, а также вступает в оппозицию с цветобозначением «синий» как противопоставление женского и мужского, при этом указанная оппозиция усиливается в корейской лингвокультуре, где под красным и синим могут подразумеваться невоспитанность и благородство.

Общим в символике и оценочности цветобозначения «желтый» является связь с религией, богатством. Как в калмыцкой, так и в корейской лингвокультуре желтый цвет символизирует болезнь и злость. Для корейской лингвокультуры характерна ассоциация желтого цвета с запретом, а также регулярная оппозиция «желтый» – «черный».

Цветобозначение «синий» в калмыцком и корейском языках может передавать значения «голубой» и «зеленый», символизирует в обеих культурах

молодость, надежду, спокойствие, является одним из признаков благородства. К специфическим особенностям корейской лингвокультуры относится связь синего цвета со статусностью, властью и мудростью. В калмыцкой лингвокультуре синий является символом вечного синего неба, верности и преданности Родине.

Анализ фольклорных текстов с изучаемыми цветообозначениями с точки зрения оценочности показал, что все рассмотренные цветообозначения в различных контекстах могут получать положительные и отрицательные коннотации или оставаться нейтральными, обозначая собственно цвет.

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ БАЗОВЫХ ЦВЕТОЛЕКСЕМ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ (РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

3.1. Экспериментальное исследование базовых цветов в калмыцком и корейском языках

Культурные особенности разных народов отражаются в ассоциативных исследованиях, благодаря которым мы можем увидеть этноментальные процессы и изменения культурных традиций в языковом сознании народов. «Психолингвистические исследования последних десятилетий доказали, что моделировать языковое сознание и вербальную память человека, выявлять национально-культурную специфику восприятия и понимания окружающего мира способны ассоциативные реакции, получаемые в ходе разного рода лингвистических ассоциативных экспериментов (свободных и направленных, прямых и обратных, комплексных и фрагментарных и т.п.). Своеобразный срез языкового сознания, отраженный в материалах массовых ассоциативных экспериментов, предоставляет возможность выявления на его основе ядра и периферии языкового сознания этноса, что делает репрезентативными и доказательными выводы и рассуждения о специфичности национального менталитета, этнокультурных стереотипах и ценностных предпочтениях того или иного из сопоставляемых этносов» [Дмитрюк, Молдалиева 2013: 149].

В данной работе мы применили свободный ассоциативный эксперимент, так как ассоциации есть результат мыслительного процесса человека в условиях его проживания. Поэтому на основе анализа полученных результатов можно выстроить целую систему национальной специфики. Если считать, что каждый человек – это носитель не только какого-то определенного языка или даже двух, но и культуры, знаний, то очевидна общая картина этноса в целом. В связи с этим мы попытались выявить особенности ассоциативной лексики цветообозначений в калмыцкой и корейской лингвокультурах.

Наибольшую популярность данный эксперимент получил при изучении

культурных особенностей разных языков, можно сказать, что он является одним из основных методов при изучении языковой картины мира той или иной культуры. При этом очевидно, что процесс выявления специфики языковой картины мира определенного этноса тесно связан с более глубоким и сложным анализом механизма сознания, на основе которого происходят языковые процессы. В частности, в данном случае большинством авторов предлагается выявление ядра ассоциативного поля, категоризация и систематизация ассоциативных связей по типам: синтагматические, парадигматические, смежные и т.д. Делается предположение, что они являются показателями разнополушарных стратегий [Залевская 2001: 6].

Выбор методики связан с тем, что он является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики, является простым и доступным в исполнении, во время проведения эксперимента испытуемым не ставится никаких ограничений на реакции. Список стимульных слов был заранее подготовлен, предлагалось написать или сказать вслух первое пришедшее в голову слово или словосочетание с положительной и отдельно с отрицательной коннотацией, связанной с данным словом. Во время эксперимента испытуемые не получали никаких дополнительных инструкций. Все полученные ассоциации были спонтанными. В нашем случае стимулами являются пять основных цветов и оформлены в виде вопросов. Для жителей и уроженцев Калмыкии вопросы были составлены на русском языке. Для жителей республики Корея – на их родном языке, корейском, и предлагалось записать по одной реакции на каждый слово-стимул. Форма эксперимента: устная, письменная, устно-письменная. Анкетирование было проведено по телефону, по мессенджерам, а также при личной встрече, если проблематично было использовать интернет ресурсы. В эксперимент включены все ответы опрошенных.

Метод свободных ассоциаций позволяет наиболее адекватно выявить вербальную репрезентацию цвета, так как «в нём эксплицируется закономерность человеческого сознания, которая заключается в том, что

явления реального мира отображаются таким образом, что сознание помимо образов этих явлений фиксирует также и их близость» [Ментальность россиян 1997: 259].

В данном эксперименте в качестве стимула были представлены пять цветолексем: «белый», «черный», «красный», «желтый», «синий». Анализ обычно проводимых в ходе ассоциативного эксперимента связей между стимулом и реакцией может включать множество вариантов: грамматический (в том числе по синтаксическим отношениям либо морфологическим классам), лексико-семантический (связанный, например, с неполнотой семантического объема лексем), оценочный (чаще субъективный, положительный или отрицательный) и т.д.

Собранные в ходе экспериментов реакции образуют ассоциативное поле. Описание ассоциативного поля слова-стимула предполагает выделение ядра и периферии, однако до настоящего времени не разработаны объективные критерии отнесения того или иного компонента ассоциативного поля к разряду ядерных или периферийных и, следовательно, граница между ядром и периферией во многих случаях остается размытой. По мнению З.Д. Поповой, «ядро поля в отличие от периферии имеет самый общий, главный и инвариантный смысл слова. К ядру может относиться основное значение слова с «наибольшей чувственно-наглядной конкретностью», как «первичные наиболее яркие образы» [Попова 2007]. Периферия – «это зона взаимного наложения и взаимодействия полей; она включает языковые единицы, которые объединены в микрополя на основании наличия наиболее конкретной архисемы. На уровне периферии находятся микрополя» [Якимов 2011].

В нашем исследовании к ядру ассоциативного поля относятся наиболее частотные реакции по сравнению с другими ответами, к периферии-1 относятся реакции от 10 и выше упоминаний, к периферии-2 – от 4 до 9 упоминаний, к периферии 3 – от 2 до 3 упоминаний и к периферии 4 – все остальные единичные повторения.

Основная задача эксперимента, который проводился в период 2023–

2024 г., – обобщить полученные ассоциаты в когнитивные признаки, проанализировать ассоциации на тот или иной стимул-цвет, выявить ядро и периферию, а также изучить оценочное отношение к каждой цветолексе в национальном сознании. Массовость эксперимента обеспечивается количеством интервьюированных респондентов – 320 человек, ограничений для участия не выдвигались. Респонденты сообщали свою национальность, пол, возраст. Время заполнения анкеты не ограничивалось. В эксперименте участвовали 200 калмыков, живущих в республике Калмыкия и за ее пределами, и 120 студентов-корейцев, живущих в республике Корея, заполнивших анкеты на корейском языке. Возраст респондентов Калмыкии варьируется от 15 до 81 года, респондентов Кореи – 19–27 лет. В основном, респонденты – это студенты Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова и обучающиеся школ города Элисты. В Корее все респонденты студенты государственного университета Кёнгджу (г. Чинчжу). Все информанты калмыки заполняли анкеты на русском языке, корейцы – на корейском языке. Перевод реакций корейских респондентов выполнен автором работы. Выбор заполнения анкет на русском или корейском языках определялся автором, он зависел от языковой компетенции респондентов. Эксперимент проводился в районах Калмыкии, в городе Элиста и в городах Москва и Санкт-Петербург, а также в Республике Корея, город Чинчжу.

Среди участников молодого поколения возраста 15-25 лет приняло участие 20 мужчин, 80 женщин. Среди взрослого поколения возраста 40–81 год из 100 человек мужчин 40 человек, женщин соответственно 60 человек. Возраст корейских студентов варьируется от 19 до 27 лет, из которых 70 мужчин и 50 женщин. Возрастная категория помогает проследить разницу между традиционным и современным видением мира калмыков. В случае с корейцами, мы провели сравнительный анализ только среди респондентов молодого поколения, так как именно они оказывают значительное влияние на языковое сознание современного общества. При анализе их характеристик языкового сознания можно получить прогнозирование развития сознания тех

людей, которые в ближайшие десятилетия будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества. Таким образом, всего в эксперименте среди молодежи приняли участие 100 калмыков и 120 носителей корейского языка, все испытуемые – молодые грамотные люди.

Выбор слов-стимулов обусловлен как задачами психолингвистического исследования, так и возможностью использовать их в дальнейшем в различных сравнительных лингвокультурологических исследованиях. Все слова-реакции можно подразделить на категории. Как известно, категоризация является одним из основных способов познания мира, организации человеческого опыта, соответственно, способа изучения, описания и анализа того или иного явления.

Реакции респондентов носят разговорный характер, не имеют стилистических пометок, так как являются результатом свободного ассоциативного эксперимента. Статистический подсчет полученных реакций сделан ручным способом и оформлен в приложение к данной работе. Стимулы оформлены в виде вопросов: «С чем ассоциируется белый (черный / красный / желтый / синий) цвет?», при этом ответов на один и тот же стимул должно быть два: один с положительной нагрузкой в столбце слева, другой – с отрицательной в столбце справа. Если респондент не мог придумать или вспомнить ассоциат, то они оставляли место пустым. Такие ответы также учитывались и обозначались как «нет» (нет ответа). Все реакции записаны на русском языке.

Словарная статья ассоциативного эксперимента начинается со слова – стимула жирным шрифтом, далее строчными буквами следует ряд слов – реакций с указанием количества. Слова в словарной статье расположены в порядке убывания частоты. В случае, если частота слов одинаковая, они располагаются по алфавиту. Анализ полученных результатов позволил в целом отметить равные объемы и наполненность семантических полей в обоих языках. Словарная статья представлена следующим образом:

Желтый: *цветок 19, форзиция 13, яркий 12, теплый 8, роскошный 6, цыпленок 6, солнечные лучи 4, веселый 3, активный 2, банан 2, детсад 2,*

детство 2, милота 2, молодость 2, пыльца 2, свет 2, светлый 2, нет 1, бабочка, Биг Бэн, блокнот, бросается в глаза, весна, витамин С, воспитанники детсада цыпленок, гармония, дело корабля Соволь, детская душа, дождевик, дружба, нежный, незрелый, нижнее подчеркивание, одуванчик, огоньки, партия справедливости, пчела, радостный, свежий, счастье, уточка, фестиваль. электричество, энергичный, энергия.

Теоретическая значимость нам представляется в том, что этот эксперимент может показать разницу между двумя народами в современном сознании, мышлении, менталитете, имеющими монгольские корни в древности, а также можно увидеть, как значение цвета меняется с течением времени, переходя из традиционного привычного восприятия цвета в совершенно новое, современное, т.е. отражая диахронический срез калмыцкой и корейской культуры и языка.

Как сказано выше, основным языком для показа результата эксперимента был выбран русский, но опросы проводились на двух языках, русский и корейский. К сожалению, калмыцкий язык мы не привлекали, так как современные калмыки не владеют родным языком в той мере, в которой происходит речевое рефлексирование. Статус русского языка является основным в республике, поэтому можно считать, что они равнозначны. Мыслительный и вербальный процессы у калмыков на русском можно считать основным, поэтому и опрос, анализ работы характеризует систему калмыцкого языка.

Цифры в правой части указывают на частоту соответствующей реакции, т. е. на то, сколько человек ответили данной формой слова или словосочетания на этот стимул. Например, **желтый цвет**: *цветок 19, форзиция 13, яркий 12, теплый 8, роскошный 6, цыпленок 6, ...* можно сказать, что 19 респондентов выбрали реакцию *цветок* на стимул цвета желтый.

Описание основных единиц семантической сети позволяет не просто показать специфику духовной системы изучаемого этноса, ее развитие и трансформацию, но и в случае сопоставительного исследования – общее и

специфическое в языковом сознании носителей разных языков и культур. Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет изучение ядра языкового сознания в традиционном и современном срезе.

По мнению Т. Н. Ушаковой, «ядро языкового сознания осуществляет лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющуюся на протяжении его жизни, ориентирующую его в окружающей действительности и составляющую основу его языковой картины мира» [Ушакова 2000: 16]. А.А. Залевская, разработавшая методику выделения ядра с учетом различий в частотности реакций и неоднородности ассоциативных связей в ассоциативно-вербальной сети [Залевская 1981: 28–44], считает, что именно через единицы ядра, благодаря функционированию механизма глубинной предикации, устанавливается связь между любыми двумя словами в пределах описанного Ю.Н. Карауловым «правила шести шагов» [Залевская 2005: 112].

Сначала нами был разработан прямой ассоциативный словарь, затем были обработаны результаты более 300 респондентов. Анализ полученных результатов позволил в целом отметить равные объемы и наполненность семантических полей на обоих языках. Проведенный ассоциативный эксперимент для построений ассоциативных полей на слова-стимулы основных цветообозначений и выявления влияния национальной культуры на цветовое пространство, позволил взглянуть на данную тему с позиции восприятия цвета представителями двух восточных культур, при этом один из которых проживает в западной части Евразийского континента и уже более 400 лет находится под влиянием западной культуры.

Далее мы рассмотрим каждый цвет – стимул в сопоставлении двух языков, калмыцкого и корейского. Мы соединили позитивные и негативные реакции двух поколений в таблицы, провели анализ и реакций респондентов, сформировали сводную таблицу, выделив ядро и периферию ассоциативных полей пяти базовых цветообозначений.

3.2. Ахроматические цвета (белый, черный)

3.2.1. Белый в языковом сознании калмыков и корейцев

По данным свободного ассоциативного эксперимента представителей калмыцкого этноса ассоциативное поле *цаһан* 'белый' представлено следующими позитивными реакциями:

Белый в восприятии калмыков	
позитивные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<i>Белый старец 14, снег 13, чистота 8, свет 4, молоко 4, облако 4, чай 4, саван 2, свадьба 2, светлый 2, рай 2, розы 2, авто, аист, армия, вата, врач, гроб, голубь, жемчуг, жизнь, здоровье, колодка, лебедь, лист, мел, начало, обувь, одеяло, пар, пломбир, победа, подоконник, подснежник, постель, пух, ромашка, сахар, свобода, смерть, снежинка, спокойствие, стул, тетрадь, ткань, торт, умиротворение, футболка, цветы, экран, яйца.</i>	<i>снег 13, чистота 6, облака 5, свет 5, чай 5, рай 4, цветок 4, кроссовки 3, лебедь 3, алчность 2, выделяющий 2, гроб 2, день 2, кефир 2, любовь 2, молоко 2, наркотики 2, обувь 2, подоконник 2, порошок 2, простынь 2, свадьба 2, стул 2, тетрадь 2, ткань 2, экран 2, безмятежный, Белая тара, волк, врач, жемчуг, жизнь, зима, лёгкость, мел, платье, пломбир, победа, розы, сахар, снежинка, тюль, халат, яйца.</i>

В сознании калмыков **белый** цвет больше ассоциируется со *снегом* (32 упоминания). При этом, среди взрослого населения выделяется *Белый старец* (14 раз) (дух-покровитель, почитаемый во всех монголоязычных регионах), а у молодого поколения встречается реакция *Белой Тары* («Богиня Тары – это Белая Тара, символизирующая долголетие» [Уланов 2018: 140]). Религиозная тема не могла не наложить свой отпечаток на сознание калмыков, издавна верующих в буддизм. У молодежи же на первом месте находится реакция *снег* (15 упоминаний в позитивном и негативном вариантах).

В число парадигматических ассоциативных реакций, не являющихся цветообозначениями, входят ассоциаты *чистота* (14 раз), *свет* (12 раз),

большинство испытуемых соотносят их с исходным словом **белый**, причем, в обеих опрошенных группах. Прилагательное *светлый* (2 раза) Встречается с корнем *свет*. Реакция *облако* упоминается 9 раз. Ядром ассоциативного поля **белый** у калмыков с положительной коннотацией является *снег*, который набрал 32 реакции.

Реакцию *чай* респонденты отметили 7 раз, калмыцкий чай сами калмыки называют в разговоре белым. Т.С. Есенова поясняет, что традиционный калмыцкий чай имеет белый цвет, т.к. его важным компонентом является молоко, отсюда его название – *устә цә* ‘чай с молоком’ [Есенова 2012: 91]. Само *молоко* встречается 12 раз. Реакция *гроб* (3 повторения) находится в колонке с положительной оценкой, а также 3 повторения – в негативном варианте, возможно, респонденты не обратили внимания на разделение в анкете. Так как *гроб* встречается у двух поколений с положительной оценкой, можно предположить, что тема загробной жизни у буддистов не является негативной.

Встречаются реакции, касающиеся современных реалий. Например, реакции *свадьба*, *пломбир*, *обувь* и *простыня* отмечают оба поколения. Девушку в калмыцких семьях не выдавали замуж в белом платье, но уже в 20 веке калмыки многое перенимают из европейской культуры. На сегодняшний день белое платье олицетворяет невинность и чистоту. Модным становится и гостиничное постельное белье белого цвета.

Среди реакций молодежи встречаются реакции *наркотики* (5 повторений), *порошок* (5 повторений). *Порошок* в данном случае можно отнести либо к стиральному, либо к одному из виду наркотических веществ. Среди негативных ассоциаций встречается *кокаин* (4 раза). Данный компонент современной жизни упоминается только у молодого поколения.

К реакциям с отрицательной оценкой относится *смерть* (32 упоминания), *пустота* (13 упоминаний). Реакции, имеющие отношение к смерти: *саван* (4 раза), *гроб* (5 раз), *мертвец* (1), *покойник* (1), *труп* (1), показывают, что **белый** цвет у калмыков ассоциируется со смертью и загробным миром. К теме смерти

можно отнести и реакцию *привидение* (4 раза). Будучи верующими, калмыки верили в духов, разделяя их на белых и черных.

Ниже представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента на стимул **белый** с негативной ассоциацией:

Белый в восприятии калмыков	
негативные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<i>смерть 16, пустота 6, дым 4, саван 4, снег 4, гроб 3, облака 3, болезнь 2, больница 2, брюки 2, глаза 2, грязь 2, медицинский халат 2, молоко 2, мороз 2, сахар 2, стены в больнице 2, альбинос, воспоминания, гарь, глубина, гной, зависть, змея, кино, ложь, луна, манная каша, маркость, машина, мел, мертвец, налет, наркотики, покойник, порошок, привидение, прокисшее молоко, пустой лист, родители, рождение, сад, свадьба, свет, свобода, слезы, смок, сода, соль, статус, футболка, хаос, химия, холод, черви, черный, шнур</i>	<i>смерть 15, пустота 6, грязь 4, кокаин 4, молоко 4, брюки 3, бумага 3, маркий 3, привидение 3, грязь 2, зависть 2, кино 2, ложь 2, луна 2, молоко 2, наркотики 2, порошок 2, рождение 2, свет 2, слезы 2, снег 2, соль 2, стена 2, учеба 2, шнур 2, белизна, болезнь, воспоминания, глаза, гной, гриб, гроб, змея, кровать, маньяк, маркость, пустой лист, род, родители, сахар, свадьба, слепит глаза, снежная лавина, сода, труп, хлад, шоколад, яркий свет</i>

В противовес **белому** цвету респонденты отмечают реакции *черный, маркий* (3 раза), *маркость* (1 раз). Это пример яркой контрастивной, или антонимичной, связи.

С **белым** калмыки связывают и состояния человека: *зависть* (3 раза), *болезнь* (3 раза), спокойствие, умиротворение; поведение человека: *ложь* (3 раза). Реакция радостного события в жизни как *свадьба* некоторые калмыки выделили в этой группе, можно предположить, что свадьбу не всегда воспринимают как что-то хорошее и светлое. В настоящее время свадьба может ассоциироваться с огромными денежными затратами.

У молодежи встречаются предметы, связанные с учебой, например,

бумага (3), учеба (2), пустой лист (1). У людей постарше: *больница (2), медицинский халат (2), стены в больнице (2), болезнь (2), слезы (1)*. Возможно, учёба для обучающихся воспринимается как сложный процесс и связан со стрессом, а старшему поколению приходится чаще заботиться о себе и своем здоровье.

Общей ассоциацией к цветообозначению «белый» у респондентов в эксперименте и в культурно-значимых текстах (пословицах, загадках) выступают ассоциации *смерть, снег, чистота, болезнь*, первая из которых в результате нашего исследования является ядром ассоциативного поля **белый** с отрицательной оценкой.

Сравнивая полученные реакции респондентов на цветообозначение «белый» *цаһан* со значениями в калмыцко-русском словаре под ред. Б.Д. Муниева как источника традиционной картины мира калмыков [КРС 1979: 622], приходим к выводу, что общей реакцией (и в нашем ассоциативном словаре, и в калмыцко-русском словаре) остаются ассоциаты *снег, бумага и белизна*. Лексем из калмыцко-русского словаря: *шелк, мука, серебряные деньги, серебряные монеты, седина* – в нашем ассоциативном словаре нет. На сегодняшний день потеряли актуальность серебряные монеты, люди расплачиваются бумажными банкнотами и картами, реже мелочью. Если шелк раньше был в моде, то сейчас богатый выбор высококачественных тканей. Общие реакции могут отражать изменения жизненных ценностей и в целом трансформации картины мира калмыков.

Белый цвет по результатам опроса у корейского населения отличается лексико-семантическим наполнением. Реакции на стимул **белый** выглядят таким образом:

Белый в восприятии корейцев (молодое поколение)	
Позитивная ассоциация	Негативная ассоциация
<i>чистота 31, искренность 16, снег 6, облако 5, снеговик 4, аккуратность 4, ясный 5,</i>	<i>психбольница 12, пустота 11, ничего 9, пустое пространство 8, бледный 5,</i>

<p>ангел 3, бумага для рисования 3, свет 4, чисто-белый 3, бумага 2, душевный 2, мир 2, прозрачный 2, айрподс, бабочка, белая бумага, белая нация, белоснежный, вата, газировка, голубь, день, комфорт, кролик, лебедь, легкий, маска, мир, молоко, мягкий, наивность, небо, независимость, одежда, положительный, пустой, рай, свадебное платье, светлей, целомудрие, щенок.</p>	<p>психическое расстройство 5, привидение 4, глупый 4, невежество 4, ложь 3, одиночество 3, редька 3, смерть 3, бумага 2, страх 2, легкогрязнувший 2, белая комната, белые ночи, белый флаг, белый человек, беспорядочно в голове, бледность, болото, больница, важный, гной, голубиные какашки, день, идиот, Иисус Христос, капитуляция, монотонный, мутный, мысли, навязчивый, небесное царство, невежество, неграмотный, нестабильность, похороны, птичий помет, светлый, светошумная сигарета, смерть, снег, старый, страшный, траур, тусклый, ужасный, хризантема, шелуха</p>
---	--

Достаточно существенную группу составляют реакции, отражающие основу жизни человека: *молоко, рождение, свадьба, слезы, гроб* и так далее. В реакциях корейцев присутствует много абстрактных понятий (*чистый, искренность, душевная чистота*). Заметим, что в реакциях упоминается *ангел, Иисус Христос*, это влияние современных реалий корейской жизни. Как и во многих восточных странах, в Корее исконно главенствующей религией считается буддизм Махаяны, однако в настоящее время в стране активно распространяются такие религии, как протестантство и католичество.

Если сравнить ассоциации молодых калмыков и корейцев, то можно обнаружить как схожие, так и различные реакции на стимул цвета **белый**. В логических реакциях наших участников встречаются как центральные, так и периферические подгруппы. Центральная логическая связь основывается на связи по смыслу между стимулом и реакцией. Если такой логической связи не прослеживается, то такую реакцию называют периферической, то есть имеющей индивидуальную ассоциацию. Отметим, что у двух народностей сходные центральные логические реакции: *снег, облако, чистота*, встречаются

чаще в ответах респондентов. Эти реакции не имеют аналогов в другом цвете, поэтому могут называться основным или базовым ассоциативным полем для стимула **белый** для тех языков, носители которого сезонно сталкиваются со снегом.

Отличие между реакциями молодого поколения двух разных этносов составляют реакции, несущие национально-культурную специфику жизни и быта. Например, у калмыков-молодежи – это *Белая Тара, смерть, рай, молоко, чай*. У корейцев к этнокультурным реалиям можно отнести реакции *тофу, похоронная женская одежда, ангел, магнолия, ханбок (традиционная одежда корейцев)*. Религиозная сфера жизни, а точнее буддийская вера, имеет мощную базовую опору в сознании калмыков. У корейцев прослеживается четкие знания своей истории культуры и своих традиций, что скорее говорит о глубоком уважении и большом желании сохранить национально-культурную специфику своих предков.

В целом, можно сказать, что схожие реакции у калмыков и корейцев на ассоциат **белый** носят универсальный характер (*снег, облако, зима*). Реакции, отличные друг от друга, представляют периферийную часть, которая отражает жизнь и традиции народа, раскрывает основные специфические моменты в мышлении разных этносов, когда-то имевших общие корни монгольского происхождения.

Ниже представлена таблица ядра и периферии двух лингвокультур:

	калмыки	корейцы
Ядро	<i>снег 32, смерть 32</i>	<i>чистота 31</i>
Периферия 1	<i>Белый старец 14, чистота 14, пустота 12, молоко 12, облако (облака) 12, свет 11</i>	<i>искренность 16, психбольница 12, пустота 11</i>
Периферия 2	<i>свадьба 8, гроб 7, грязь 6, наркотики 6, саван 6, рай 6, брюки 5, сахар 5, кокаин 4, лебедь 4, привидение 4, чай 4</i>	<i>ничего 9, пространство 8, снег 7, невежество 5, облако 5, психическое расстройство 5, ясный 5, аккуратность 4, глупый 4,</i>

		<i>привидение 4, смерть 4, снеговик 4,</i>
<i>Периферия 3</i>	<i>болезнь 3, бумага 3, глаза 3, зависть 3, кино 3, ложь 3, луна 3, маркий 3, мел 3, обувь 3, подоконник 3, порошок 3, рождение 3, слезы 3, соль 3, стул 3, тетрадь 3, ткань 3, шнур 3, экран 3, алчность 2, больница 2, воспоминания 2, врач 2, выделяющий 2, гной 2, день 2, жемчуг 2, жизнь 2, змея 2, кефир 2, любовь 2, маркость 2, медицинский халат 2, мороз 2, пломбир 2, победа 2, порошок 2, простынь 2, пустой лист 2, родители 2, свобода 2, сода 2, снежинка 2, стена 2, стены в больнице 2, учеба 2, футболка 2, яйца 2</i>	<i>бумага 4, ангел 3, бумага для рисования 3, ложь 3, мир 3, одиночество 3, редька 3, свет 3, чисто-белый 3, день 2, душевный 2, легкогрязнеющий 2, прозрачный 2, страх 2</i>
<i>Периферия 4</i>	<i>авто, аист, альбинос, армия, безмятежный, Белая тара, белизна, вата, волк, гарь, глубина, голубь, гриб, здоровье, зима, колодка, кровать, лёгкость, лист, манная каша, маньяк, машина, мертвец, налет, начало, одеяло, пар, платье, подснежник, покойник, постель, прокисшее молоко, пух, род, розы, ромашка, сад, свет, слепит глаза, смок, снежная лавина, спокойствие, статус, торт, труп, тюль, умиротворение, халат.хаос, химия, хлад, холод, цветы, черви, черный, шоколад, яркий свет</i>	<i>айрподс, бабочка, белая бумага, белая комната, белая нация, белоснежный, белые ночи, белый флаг, белый человек, беспорядочно в голове, бледность, болото, больница, важный, вата, газировка, гной, голубиные какашки, голубь, идиот, Иисус Христос, капитуляция, комфорт, кролик, лебедь, легкий, маска, молоко, монотонный, мутный, мысли, мягкий, навязчивый, наивность, небесное царство, небо, неграмотный, независимость, нестабильность, одежда, положительный, похороны, птичий, пустой, рай, свадебное платье, светлей, целомудрие, щенок</i>

В языковом сознании калмыков ядром ассоциативного поля на стимул **белый** является *снег* и *смерть*, у корейцев – *чистота*. Реакции у калмыков демонстрируют целостное представление о белом цвете, включая позитивную и негативную ассоциации, а у корейцев ассоциации на белый цвет представлены только в положительной оценке. В периферийной части общие у обеих национальностей реакции: *облако (облака), пустота*. Реакции периферийной части у калмыков отражают материальные, физические предметы и вещи, а у корейцев эта часть нагружена абстрактными понятиями, больше описывающие психические и психологические состояния человека.

3.2.2. Черный в языковом сознании калмыков и корейцев

Цветобозначение «черный» по-разному отражается в сознании калмыков. Рассмотрим реакции с положительной оценкой на стимул **черный** молодого и старшего поколения, далее проведем анализ отрицательных ассоциаций. По данным свободного ассоциативного эксперимента стимул **черный** представлен следующими реакциями двух поколений:

Черный в восприятии калмыков	
позитивные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<i>шулмус 17, машина 5, квадрат 5, ночь 4, война 3, гроб 3, стиль 3, платье 3, телефон 3, элегантность 3, деньги 2, костюм 2, кот 2, одежда 2, смерть 2, ад, бог, боль, брюки, виноград, власть, волга машина, волосы, ворон, глаза, даль, дым, зависть, земля, икра, круг, кофе, кошка, летучая мышь, мерседес, море, мрак, нефть, офис, печаль, пальто, поезд, рояль, сила, строгость, сурьма для глаз, тревога, тюльпан, уголь, человек, чернозем, чёрт, шоколад, штаны, Цой</i>	<i>деньги 7, стиль 7, ночь 7, кот 6, одежда 5, ноутбук 4, старость 4, шоколад 4, волосы 3, машина 3, обувь 3, чай 3, ад 2, глаза 2, горечь 2, зависть 2, костюм 2, коррупция 2, печаль 2, стол 2, уголь 2, удобный 2, хлеб 2, элегантно 2, Бэтмен, бургер, ворон, звезды, звездная ночь, лошадь, машина люкс, нефть, объектив, пантера, платье, похороны, ручка, смородина, стройность, телевизор, телефон, тетрадь, тюльпан, цвет</i>

Ядром в позитивной ассоциации у калмыков является *шулмус* (17 упоминаний). Данная реакция подтверждает традиционное представление о загробном мире. Само слово «шулмус» – эпитет демона Мары (призрак, привидение, персонаж низшей мифологии народов Европы). Как писал ученый-востоковед А. Позднеев, на санскрите «шиманаша» означает «уничтожитель спокойствия». В буддийских сутрах, написанных на ойратском языке «шиманаша» пишется в транслитерации «šimnušī», которое в свою очередь в живой речи перешло в «шулмс»⁵⁵.

Такая реакция отмечается только в реакциях у старшего поколения, а у представителей молодежи явного и четкого ядра с наибольшей частотой в 7 упоминаний выделяются *деньги, стиль и ночь*, что заметно подчеркивает современный подход к цветообозначению «черный». Также упоминаются ассоциации с разной частотностью: *ноутбук, коррупция, машина люкс, бургер, объектив* (фотоаппарата), характеризующие современное языковое мышление нового поколения.

Следующие реакции в позитивной части: *стиль (8), одежда (7), деньги (4), машина (3), платье, брюки, офис, стройность, элегантность, элегантный, власть, сила, Мерседес, строгость, таинственность* придают черному цвету деловой оттенок и строгость. Черный цвет прочно занял свою нишу в мире моды и считается классическим базовым цветом.

Реакции, связанные с едой, представлены в следующей очередности: *шоколад (5), чай (3), икра, кофе, бургер, смородина*. Сравнивая данные реакции с упоминаниями о еде в паремиях, то приходим к выводу, что таковые отсутствуют. Однако в калмычко-русском словаре под ред. Муниева, есть лексема *хлеб* в сочетании цветолексемы «хар». Что касается реакции *чай*, то в калмычком языке чай может встречаться в сочетании и с *улан* ‘красным’ и *хар* ‘черным’.

Хочется отметить, что среди периферийных ассоциаций встречаются

⁵⁵ Центр по развитию калмыцкого языка [Электронный ресурс] <https://baylig.ru/novosti/tajny-eposa-dzhangar-personazh-shulmus-5/> (Дата обращения 13.04.2024)

реакции *Цой* (известный в 90-х годах рок-музыкант) у старшего поколения и *Бэтмен* (супергерой из комиксов) – у молодого. Данные ассоциации с популярными людьми или героями из фильмов могут указывать на возрастную разницу и их предпочтения.

Ассоциаты в негативной части на стимул **черный** пересекаются с реакциями положительной части (*ночь, грусть, бедность, гнев, кот, квадрат, болезнь, боль, машина, одежда, телефон, душа, тьма, волосы и т.д.*). Можно предположить, что черный цвет тяготеет больше к нейтральной оценке, либо респонденты не обратили внимания на разную оценку в эксперименте.

Черный в восприятии калмыков	
негативные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<i>смерть 16, траур 8, тьма 5, ночь 4, дыра 3, похороны 3, человек 3, шулмус 3, боль 2, гнев 2, гроб 2, грусть 2, печаль 2, туча 2, ад, бедность, бездна, болезнь, борода, вдова, волосы, ворон, депрессия, дорога, дым, дьявол, зависть, зло, икра, камень, кардиган, квадрат, колеса, кот, мазут, молодежь, мрак, мысль, мышь, нефть, одежда, памятник, платок, плач, пустота, пятно, сажка, свет, сердце, собака, страх, телефон, убийца, угольный смок, хлеб, шапка, яма.</i>	<i>смерть 22, траур 8, ночь 5, похороны 4, боль 4, тьма 3, убийца 3, человек 3, вдова 2, ворон 2, гнев 2, гроб 2, дорога 2, кардиган 2, квадрат 2, кот 2, мышь 2, свет 2, сердце 2, стильный 2, страсть 2, телефон 2, темнота 2, автобус, бедность, браконьер, глубь, грязь, горе, душа, пантера, дыра, зло, мазут, мрак, омут, пепел, переулоч, пустота, собака, теснота.</i>

Ядро ассоциативного поля в негативной части стимула **черный** составляет *смерть* (38 упоминаний), придающее явно отрицательную оценку данному понятию. Такие реакции, как *траур (15), похороны (7), гроб (7), печаль (4), грусть (2), старость (2), горе, плач, душа, черт, загробная жизнь (2)*, говорят, что в калмыцком национальном сознании они связаны с негативными физическими и психологическими состояниями человека.

Реакции *гроб, смерть, похороны* также встречаются и в реакциях на стимул **белый**. Связь данных реакций с цветообозначением «белый», скорее, носит внешний, материальный или предметный характер, а с цветообозначением «черный» – эмоционально-чувственный. Психологический компонент в ассоциациях с черным цветом в негативной колонке подтверждается такими реакциями, как *грусть, печаль, страх, зло, плач, горе*, наделяя их чем-то нехорошим. Причем, *грусть, печаль, страх* выделили респонденты старшего возраста, а у молодежи ассоциаты *печаль* и *горе* окрашены в позитивный.

Реакцию *старость* (4 раза) молодежь ассоциирует с черным цветом, оценивая этот стимул положительно. И, наоборот, реакцию *молодежь* старшее поколение отметили в негативной части, связывая его с черным цветом.

Общее в культурно-значимых текстах (пословицах, поговорках, фразеологизмах) и в нашем эксперименте являются реакции: *бедность, болезнь, вдова* у разных поколений. Все три реакции имеют негативную оценку в эксперименте и в пословицах.

Таким образом, результаты проведенного нами ассоциативного эксперимента наглядно показывают специфику отражения культурного знания о чёрном цвете в сознании носителя калмыцкой культуры. Чёрный цвет как таковой в настоящее время становится достаточно привлекательным эстетически, поэтому многие предметы одежды и быта имеют чёрный цвет, что придает им элегантность и красоту. А в описании внутреннего мира человека и его состояния черный цвет приобретает отрицательное значение.

Рассмотрим реакции корейской молодежи в сравнении с реакциями молодыми калмыков.

Черный в восприятии корейцев (молодое поколение)	
позитивная ассоциация	негативная ассоциация
<i>аккуратный 22, нет 11, ночное небо 5, ночь 5, шик 3, высокомерный 2, жестокий 2,</i>	<i>темный 29, тьма 19, зло 9, смерть 4, мрак 3, отчаяние 3, похороны 3, ад 2,</i>

<p>изящный 2, космос 2, простой 3, спокойный 2, чистый 2, авторитет, благородство, блестящий, безопасность, вечер, волосы, вселенная, высококачественный багаж, высокий уровень, высокомерный, джентльмен, дизайн, единство, зрачок, интенсивность, киноэкран, легкий, машина, модный, мрачный, независимый, неподвижность, неподвижность, ночной вид, одежда, отдых, перекрыть, поглощение, подходит ко всему, почерк, размышление, рассвет, ручка, сексуальный, сила, сияние звезды, совершенный, солнцезащитные очки, сон, сорока, спонтанный, стоп, тайный, телефон, темнота, темный, тишина, уютный, фильм, удобный, харизма, черная одежда, черная футболка, шикарный</p>	<p>аккуратный 2, депрессия 2, грязный 2, дьявол 2, загробная жизнь 2, ночь 2, страшный 2, блэкаут, нет 3, ворона, глубокая ночь, грунтовая вода, грязная вода, грязь, деградация, душа, душный, жертва, застой, земля, комар, Корея под властью Японии, лев, мистический, невидимо, остатки после огня, пещера, пистолет, преступление, пустота, сон, ужас, ужастик, унылый, упрямство, хмурый.</p>
---	---

Отличие в реакциях в том, что реакция *смерть* (4) у корейцев встречается намного меньше, чем у молодых калмыков (*смерть* 17). Возможно, корейцы не считают смерть плохим событием в жизни человека. Но ядром ассоциативного поля у корейской молодежи стала наиболее частотная реакция *темный* (29 упоминаний), *аккуратный* (26 упоминаний). Отличительной чертой является отсутствие реакций с положительной оценкой – *нет* (11 упоминаний) – на цвет-стимул *черный*, чего не встречалось у калмыков, что подчеркивает ярко негативное отношение к черному цвету.

Черный с положительной стороны у корейцев связан с такими реакциями, как *авторитет, благородство, блестящий, высокомерный, джентльмен, машина, модный, ночной вид, одежда, отдых, сексуальный, сила, сияние звезды и т.д.* А в негативе – *похороны (3), ад (2), аккуратный (2), депрессия (2), грязный (2), дьявол (2), загробная жизнь (2), ночь (2), страшный (2), блэкаут, грунтовая вода, грязная вода, грязь, деградация.* Как видим, **черный** как цвет с

многозначным значением может олицетворять одновременно и силу, власть, а с другой стороны – грязь и болезнь. Примерно такие же смысловые реакции наблюдались и в реакциях у калмыцкой молодежи, когда стимул **черный** они связывали с *деньгами* и *стилем*, и одновременно со *смертью* и *болью*. Несмотря на расстояние и различие культур, в сознании молодого поколения двух разных народов много общего.

Из современных реалий и у корейцев, и у калмыков встречаются примерно одинаковые предметные ассоциации со стимулом **черный**. Это *машина*, *телефон*, *одежда*. Корейцы отмечают еще *киноэкран*, *солнцезащитные очки*, *пистолет*, *преступление*.

В эмоциональном контексте можно выделить такие общие реакции, как *грусть*, *печаль*, *горечь*, *отчаяние*, *страх*, *зависть*. Все-таки черный цвет больше отражает переживания, связанные с гореванием, расставанием. Эмоцию страх также связывают с черным цветом, так как люди всегда пугались неопределенности и пустоты, темноты и ночи, где могут поджидать опасность и даже смерть.

Мрак, *темнота*, *ночь* сами не являются отрицательными словами, но в контексте с черным цветом в сознании корейцев несут негативный оттенок.

Корея под властью Японии – уже не отдельное слово, а словосочетание с конкретным определением. Это подтверждает, что реакция на слово-стимул может быть любой языковой формой, не ограниченной частями речи, членами предложения, множественным или единственным числами.

Рассмотрим сводную таблицу ядра и периферий ассоциативного поля на стимул **черный**. По цветообозначению «черный» видно, что ассоциативное ядро у калмыков *смерть*, а у корейцев – *темный* и *аккуратный*. Как и в случае со стимулом **белый**, ответы корейских респондентов отличаются абстрактностью и являются определениями. В периферии-2 реакции корейских респондентов явно отстают по количеству. Основными неядерными реакциями у корейцев становятся *тьма*, *зло*, *ночь* и *смерть*. У калмыков – *ночь*, *шулмусы*, *траур*, *кот*, *машина*, *похороны*, *деньги* и т.д. Тут периферийная цепочка

отражает жизнь и традиции двух народов по-своему, раскрывает основные специфические моменты в национальном языковом сознании разных восточных этносов.

	калмыки	корейцы
Ядро	<i>смерть 40,</i>	<i>темный 30, аккуратный 26</i>
Периферия 1	<i>шулмусы 23, ночь 20, траур 16, кот / кошка 13</i>	<i>тьма 19, нет ответов 14, ночь 10,</i>
Периферия 2	<i>машина 11, одежда 10, ворон 9, деньги 9, квадрат 9, похороны 9, телефон 8, человек 8, волосы 7, гроб 7, зависть 6, нефть 6, печаль 6, платье 5, убийца 5, шоколад 5, элегантность 5, ад 4, глаза 4, гнев 4, костюм 4, ноутбук 4, старость 4, уголь 4</i>	<i>зло 9, ночное небо 5, смерть 4</i>
Периферия 3	<i>боль 3, война 3, дорога 3, дыра 3, кардиган 3, мрак 3, мышь 3, обувь 3, сердце 3, свет 3, стиль 3, тьма 3, хлеб 3, чай 3, элегантность 3, бедность 2, вдова 2, горечь 2, грусть 2, дым 2, Зло 2, икра 2, коррупция 2, мазут 2, пантера 2, пустота 2, собака 2, стильный 2, стол 2, страсть 2, темнота 2, тюльпан 2, туча 2, удобный 2, элегантно 2</i>	<i>высокомерный 3, мрак 3, отчаяние 3, похороны 3, простой 3, шик 3, ад 2, грязный 2, депрессия 2, дьявол 2, жестокий 2, загробная жизнь 2, изящный 2, космос 2, неподвижность 2, сон 2, спокойный 2, страшный 2, чистый 2</i>
Периферия 4	<i>автобус, бездна, бог, болезнь, борода, браконьер, брюки, бургер, бэтмен, вдова, виноград, власть, Волга машина, глубь, горе, грязь, даль, депрессия, душа, дыра, дьявол, звездная ночь, звезды, земля, камень, колеса, кофе, круг, летучая</i>	<i>безопасность, благородство, блестящий, вечер, волосы, ворона, вселенная, высокий уровень, высококачественный багаж, глубокая ночь, грунтовая вода, грязная вода, грязь, деградация, джентльмен, дизайн, душа, душный,</i>

	<p><i>мышь, лошадь, машина люкс, мерседес, молодежь море, мысль, объектив, омут, офис, пальто, памятник, пепел, переулок, платок, плач, поезд, пятно, рояль, ручка, сажка, сила, смородина, страх, строгость, стройность, сурьма для глаз, телевизор, теснота, тетрадь, тревога, угольный смок, цвет, Цой, чернозем, чёрт, шапка, шоколад, штаны, яма</i></p>	<p><i>единство, жертва, застой, земля, зрачок, интенсивность, киноэкран, комар, Корея под властью Японии, лев, легкий, машина, мистический, модный, мрачный, невидимо, независимый, ночной вид, одежда, остатки после огня, отдых, перекрыть, пещера, пистолет, поглощение, подходит ко всему, почерк, преступление, пустота, размышление, рассвет, ручка, сексуальный, сила, сияние звезды, совершенный, солнцезащитные очки, сорока, спонтанный, стоп, тайный, телефон, темнота, тишина, удобный, ужас, ужастик, унылый, упрямство, уютный, фильм, харизма, хмурый, черная одежда, черная футболка, шикарный</i></p>
--	---	--

В целом, восприятие белого цвета у калмыков и корейцев соотносится с чистотой, смертью, религией, но у калмыков белый цвет связан больше со смертью. Черный же цвет корейцы больше относят к отрицательному моменту, где-то даже отрицая в нем положительную часть. Если проанализировать только ассоциативное ядро по каждому стимулу, то мы заметим, что реакции калмыков состоят только из существительных и отличаются конкретными представлениями, то у корейцев ядром чаще является прилагательное и носит описательный характер. Такая особенность у двух наций может отражать уникальный и сложный мыслительный процесс.

3.3. Хроматические цвета (красный, желтый, синий)

3.3.1. Красный в языковом сознании калмыков и корейцев

По данным свободного ассоциативного эксперимента представителя калмыцкого этноса ассоциативное поле на стимул **красный** представлено следующими различными реакциями. Ядром ассоциативного поля является *кровь (75 упоминаний)*, в периферии остаются *огонь (24)*, *тюльпан (19)*, *роза (13)*, *страсть (10)*, *пожар (9)*, *цветы (7)*, *сердце (7)*. Больше всего у калмыков реакций *кровь и огонь*. По словарю под ред. Б.Д. Муниева зафиксированы такие слова-ассоциации: *красное знамя, красные чернила, красная материя, красное вино, красная медь, красная икра* [КРС 1979: 530]. В результате нашего анкетирования получилось, что из центральных реакций наблюдается только *вино* в количестве 2 упоминаний. Это говорит о происходящих изменениях в языковом сознании калмыков.

Красный в восприятии калмыков	
позитивные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<i>тюльпан 8, роза 7, кровь 6, страсть 6, армия 5, закат 4, флаг 4, цветы 4, кисточка на шапке 3, огонь 3, помада 3, сердце 3, флаг ссср 3, арбуз 2, знамя 2, любовь 2, счастье 2, яблоко 2, ссср, бык, гвоздики, голод, горячее, горячий, гранат, дед мороз, дьявол, жизнь, занавес, клубок, ключ, командир, коммунист, красота, линия, машина, нос, октябрь, перец, помидор, радость, род, свет, сила, томат, труселя, цвет, энергия.</i>	<i>тюльпан 11, кровь 8, помада 6, розы 6, клубника 4, огонь 4, страсть 4, сердце 4, счастье 3, любовь 3, мак 3, цветы 3, благо 2, гордость 2, дьявол 2, занавес 2, интернет 2, карандаш 2, клубок 2, ключ 2, минимализм 2, неон 2, ножницы 2, оценки 2, перец 2, цвет 2, яблоко 2, жизнь, приключения, красный диплом, жара, костюм, помидор, румянец, светофор, вино, пламя, платье</i>

Заметим, что реакций, связанных с цветами: *тюльпан (19)*, *роза (13)*, *цветы (7)*, *мак (3)*, *гвоздики* – достаточно много. *Клубника (4)*, *яблоко (3)*, *перец (3)*, *помидор (2)*, *гранат, томат* – реакций, обозначающих фрукты и овощи,

можно отнести к центральным.

Периферические эмотивные реакции *страсть (10), сердце (7), счастье (5), любовь (5), жизнь (2)* описывают психологические состояния человека и придают позитивную оценку цветообозначению «красный». Общие ассоциаты у двух представителей разных поколений *любовь и жизнь* отражаются в фольклорных текстах.

Отличительной реакцией старшей возрастной группы можно отнести *Дед Мороз, Армия*, которые указывают на период времени, когда эти явления были обязательными в Советское время. На данный период времени указывают следующие реакции у данной группы респондентов – *флаг СССР (3), знамя (2), октябрь, СССР, командир, коммунист, октябрь*. Данные реакции сохраняют ассоциации политического характера того времени. На контрасте у молодых калмыков отмечаются реакции, связанные с учебой: *оценки (2), красный диплом, карандаш (2)*, что актуально для обучающихся в образовательных учреждениях. К современным реалиям можно отнести *интернет (2), неон (2), вино* у молодого поколения.

Национально-специфическая ассоциация *кисточка на шапке (3)* отражает культурный компонент респондентов. Кисточка из красных шелковых нитей как элемент мужского головного убора выполняет функцию опознавательного знака для определения «своих» и «чужих» издалека⁵⁶. Возможно, реакции *кровь, сила, род и энергия* имеют прямое отношение к калмыцким древним верованиям, когда активно развивался шаманизм.

⁵⁶ По- калмыцки такая кисточка называется «*улан зала*», отсюда и пошло название «улан залата хальмгуд» - калмыки с красными кисточками. Как отмечает К.П. Батырева многообразие форм головного убора калмыков отмечено солярным знаком *улан зала*, введенным в XV веке законом ойратского Тогона-тайши. Красный верх шапок как атрибутивный знак общности определил расширенную формулу самоназвания *улан залата хальмгуд* (красноверхие калмыки) и обозначил степень осознания себя единым этносом в инокультурной среде [Батырева 2019: 67].

Красный в восприятии калмыков	
негативные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<p><i>Кровь 35, Пожар 8, Огонь 8, Тряпка для быка 4, Бык 3, Опасность 3, Война 3, Рана 3, Вульгарность 2, Глаза 2, Революция 2, Смерть 2, Террор 2, Ярость 2, Агрессия, Ад, Блондинка, Болезнь, Вино, Гнев, Горячка, Жара, Запрет, Клопы, Луна, Мак, Маникюр, Обман, Платье, Пожарная машина, Сигнал светофора, Страх, Сыпь, Чувства.</i></p>	<p><i>Кровь 26, Огонь 9, Бык 6, Война 6, Глаза 4, СПИД 3, Агрессия 2, Глаза быка 2, Гнев 2, Мак 2, Маникюр 2, Обман 2, Опасность 2, Палач 2, Платье 2, Ручка 2, Страх 2, Смерть 2, Тряпка 2, Этикетка 2, Яркий 2, Ярость 2, Ад, Артерия, Жара, Клопы, Луна, Любовь, Пламя, Пожар, Помидор, сигареты, Сыпь, Томатный сок, Убийство, Фаст-фуд.</i></p>

Ядром ассоциативного поля на стимул **красный** в негативной части выступает *кровь (61)*. Здесь же у калмыцких респондентов мы видим центральные логические реакции: *огонь 17, пожар 9, пламя, пожарная машина*, связаны с огнем. Следующая цепочка реакций: *кровь (75), война (9), рана (3), революция (2), террор (2), убийство (1)* – относятся больше к периферическим реакциям, так как прямой связи нет. Однако соединяющим звеном в этом словарном ряду может служить реакция *кровь*. *Война, убийство и революция* связаны со смертью людей, что сразу же придает этому цвету негативную оценку. Сама реакция *смерть* встречается 3 раза в негативной оценке. Заметим, что данная реакция *смерть* встречается у калмыков и в ассоциациях на стимул **белый** и **черный**. Это может говорить о многозначности и сложности понятия *смерть* в калмыцком менталитете, но одновременно может подсвечивать и важность смысла этого явления в жизни калмыков.

Общими ассоциациями периферий двух поколений в негативной части являются *огонь, бык, глаза, опасность, война, ярость, агрессия, гнев, смерть и страх*. Данные ассоциации встречаются в фольклорных текстах, обозначая сложную жизнь, голод, бедность, в эмоционально-чувственном плане – гнев либо стыд. Экспрессивность **красного** стимула подтверждают такие реакции,

как бык (9), тряпка для быка (4), глаза быка (2) и тряпка (2).

Из еды реакции *помидор, томатный сок, фаст-фуд* попали в негативную колонку, возможно, из-за индивидуальных предпочтений респондентов.

Реакции *маникюр (3), вульгарность (2), платье (2), блондинка*, связаны с женским образом. В пословицах и поговорках калмыцкого фольклора красный цвет ассоциируется с женской красотой, однако чрезмерно яркое проявление женщины в социуме не воспринимается положительно в калмыцкой культуре.⁵⁷

Реакции на стимул **красный** могут символизировать предупреждение: *опасность (2), сигнал светофора, запрет*. А также указывать на болезни, как со стимулами **белый** и **черный**: *СПИД (3), сыпь (2), болезнь, горячка*.

Красный цвет в восприятии корейцев (молодое поколение)	
Позитивная ассоциация	Негативная ассоциация
<p><i>энергичный 23, страсть 15, любовь 12, страстный 11, Цветок 9, яблоко 7, роза 3, солнце 3, красные дьяволы 2, кровь 2, сдача крови 2, аппетит, светофор, плоды, сердце, жизнь, теплый, заря, красивый, возбуждающий, горячий, упорный, красота, украшение, слава, сила, нет, огонь, яркое пятно, добродетель, живой, арбуз, линия подчеркивания, богатство, давление, спагетти, провинция Кенсан, токтопки, счастье, раздражающий, жареная свинина в остром красном соусе.</i></p>	<p><i>кровь 38, жестокий 6, смерть 4, нет 4, страшный 3, боль 2, пятна крови 2, запрет 3, огонь 3, рана 2, насилие, Северная Корея, дьявол, политика, консервативная партия, термодинамика, раздражающий, мистика, ужас, кровное родство, предупреждение, компартия, страдание, надоедает, горячий, экстремальный, ад, Юн Сок Ен, измена, сила нации, проклятие, помощь, дно, история кровопролитной войны, опасность, красная маска, молотый красный перец.</i></p>

⁵⁷ «В ментальность калмычки с детства закладывались ценностно-нормативные представления калмыцкого народа о чертах характера, внешности, этикете, ценности воспитания. Главным ориентиром были совесть, порядочность, честь, достоинство. Главные обязанности женщины: быть матерью, родить и воспитать детей, быть внимательной и заботливой женой, невестой, уважать родство, трудолюбие и аккуратность. А высшей наградой признания женских добродетелей являлось уважение жителей хотона (поселения). Пословицы гласят: «Хорошая жена – украшение дома, плохая жена - враг дома», «Не бери дочери того, у кого жена плоха» [Джамбинова 200: 16].

Ядро ассоциативного поля **красный** у корейской молодежи и калмыцкой молодежи идентичны, составляет ассоциат *кровь* (40 у корейцев и 36 у калмыков), с разной оценочностью.

К периферии-1 относятся следующие эмотивные реакции: *страсть* (15), *любовь* (12), *страстный* (11), *возбуждающий*, *горячий*, *упорный*, *раздражающий*. И существительные: *страсть* (15), *любовь* (12), *красота*, *счастье*. Данные реакции характеризуют цветообозначение «красный» как экспрессивный и яркий цвет.

Красный цвет у корейской молодежи связан с футболом (реакция *Юн Сок Ен* – южнокорейский футболист) и с фанатами национальной сборной команды Республики Корея, которых называют *красными дьяволами* (2) из-за их цвета одежды.

Национально-специфическая ассоциация у корейцев проявляется в традиционной еде: *жареная свинина в остром красном соусе*, *спагетти*, *топюкки*. Также фрукты *арбуз* и *яблоко*. У калмыков красный ассоциируется с *клубникой* (4), *перцем* (2), *помидором* и *фаст-фудом* (с негативной оценкой).

В негативной колонке корейской молодежи имеются реакции, связанные с политикой и историей: *политика*, *консервативная партия*, *компартия*, *история кровопролитной войны*, *Северная Корея*, что говорит о негативном отношении к данным явлениям. У калмыков тема политики и войны ассоциируется с черным цветом. Наличие подобных ассоциаций говорит о достаточно высоком уровне интеллектуальных знаний и интереса к этой сфере в жизни.

Эмотивные реакции, характеризующие цветообозначение «красный», *экстремальный*, *опасность*, *предупреждение*, *ужас*, *запрет* выражают определенную тревожность.

Ассоциаты на стимул **красный** по результатам эксперимента у калмыков и корейцев представлены в таблице ниже:

	калмыки	корейцы
Ядро	<i>Кровь</i> 75	<i>кровь</i> 40

Периферия 1	<i>огонь 24, тюльпан 19, розы/розы 13, страсть 10, бык 10, цветы 10</i>	<i>энергичный 23, страсть 15, любовь 12, страстный 11</i>
Периферия 2	<i>война 9, пожар 9, помада 9, мак 8, яблоко 8, сердце 7, глаза 6, кисточка на шапке 6, любовь 6, тряпка для быка 6, армия 5, опасность 5, счастье 5, цвет 5, закат 4, клубника 4, платье 4, помидор / томат 4, смерть 4, страх 4, флаг 4</i>	<i>цветок 9, яблоко 7, жестокий 6, нет 5, огонь 4, смерть 4</i>
Периферия 3	<i>агрессия 3, гнев 3, дьявол 3, жара 3, занавес 3, клубок 3, ключ 3, маникюр 3, обман 3, перец 3, рана 3, СПИД 3, Флаг СССР 3, ад 2, арбуз 2, благо 2, вино 2, вульгарность 2, глаза быка 2, гордость 2, жизнь 2, знамя 2, интернет 2, карандаш 2, клопы 2, луна 2, минимализм 2, неон 2, ножницы 2, оценки 2, палач 2, революция 2, ручка 2, сыпь 2, террор 2, этикетка 2, яркий 2, ярость 2</i>	<i>запрет 3, роза 3, солнце 3, страшный 3, боль 2, горячий 2, красные дьяволы 2, пятна крови 2, раздражающий 2, рана 2, сдача крови 2</i>
Периферия 4	<i>артерия, блондинка, болезнь, гвоздики, голод, горючее, горячий, горячка, гранат, Дед Мороз, запрет, командир, коммунист, костюм, красный диплом, красота, линия, машина, нос, октябрь, пожарная машина, приключения, радость, род, румянец, свет, светофор, сигареты, сигнал светофора, сила, СССР, томатный сок, труселя, убийство, фаст-фуд, чувства, энергия</i>	<i>ад, аппетит, арбуз, богатство, возбуждающий, давление, дно, добродетель, дьявол, жареная свинина в остром красном соусе, живой, жизнь, заря, измена, сила нации, история кровопролитной войны, компартия, консервативная партия, красивый, красная маска, красота, кровное родство, линия подчеркивания, мистика, молотый красный перец, надоедает, насилие, опасность, плоды, политика, помощь, предупреждение, провинция Кенсан, проклятие,</i>

		<i>светофор, Северная Корея, сердце, сила, слава, спагетти, страдание, счастье, теплый, термодинамика, токпоки, ужас, украшение, упорный, экстремальный, Юн Сок Ен, яркое пятно</i>
--	--	---

Примечательно, что ядром ассоциативного поля на стимул **красный** у представителей калмыцкого и корейского народов является общим – *кровь*. Это единственный цвет-стимул в нашем эксперименте, в котором восприятие и ядро ассоциативного поля **красный** у двух разных народов оказалось полностью одинаковым. Это также означает, что **красный** входит в ядро языкового сознания, причем, в реакциях он чаще коррелирует со всеми остальными цветами и наиболее ярко отражает национальные особенности восточных культур.

Основные различия между группами ассоциаций двух народов наблюдаются в низкочастотных периферийных зонах, и эти расхождения связаны с культурными особенностями.

3.3.2. Желтый в языковом сознании калмыков и корейцев

Ядром ассоциативного поля на стимул **желтый** у калмыцких респондентов является *солнце (97 упоминаний)* с позитивной оценкой, а с негативной – *болезнь (13)*. В словаре под ред. Б.Д. Муниева традиционные ассоциации – это *рыжий человек, желтокожие, степная лисица, топленое масло, желтошапочники, сыворотка, гной, молозиво, желток* [КРС 1977: 665]. В ответах наших участников эксперимента из похожих встречаются реакции *масло, гной, желток*.

Желтый в восприятии калмыков	
позитивные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<i>солнце 45, тюльпан 9, буддизм 6,</i>	<i>солнце 48, тюльпаны 12, буддизм 3, тепло 3,</i>

<p>калмыцкий флаг 2, лимон 2, масло 2, свет 2, тепло 2, флаг 2, хурул 2, цветок 2, цыпленок 2, блеск, газовая труба, доброта, дракон, желчь, зубы, кислота, лето, лучи, монеты, налет, одуванчик, пух, разлука, ржавчина, розы, ромашка, спокойствие, теплота, тигр, удача, утка.</p>	<p>цыпленок 3, акация 2, блеск 2, кисло 2, любовь 2, монеты 2, мяч 2, пара 2, песок 2, ржавчина 2, фильм 2, лучи, лимонад, манго, омега, оптимизм, оценки, психбольница, спокойствие, футболка, хурул, шар.</p>
---	---

Как выше сказано, больше всего реакций на стимул **желтый** – *солнце (93)*, причем у молодежи (48 упоминаний) и у старшего поколения (45 упоминаний). Высокая частотность связана с тем, что калмыки солнце называют *шар нарн*, что означает ‘желтое солнце’, и почитают его как божественный символ.⁵⁸

Национально-религиозная специфика отражается в реакциях старшего и молодого поколений на стимул **желтый** – *буддизм (11)*, *хурул*⁵⁹ (3), *тюльпан (10)*, которые можно отнести к символу республики. Вместе с этой реакцией у старшего поколения отметим *калмыцкий флаг (2)*, *флаг (2)*, имеющие отношение к атрибутике государственных знаков. Золотистый цвет на калмыцком гербе и флаге – цвет ламаизма и солнца. Хотя в официальной трактовке этот цвет не является символом буддийской веры, ламаизма.

Эмотивные реакции, связанные с состоянием человека и качеством характера, представлены у представителей постарше как *доброта, разлука, спокойствие, теплота, удача*, а у помладше – *любовь, оптимизм, спокойствие*, следовательно, **желтый** больше ассоциируется со спокойным состоянием.

К реакциям с центральной логической связью можно отнести продукты питания, напитки: *лимон (2)*, *масло (2)*, *омега, лимонад, манго*. При этом, последние три реакции были отмечены у молодежи, что говорит об изменениях в традиционной калмыцкой кухне и заимствовании нововведений из других культур.

⁵⁸ Почитание светила, его взаимосвязь с божеством-покровителем, хозяином пространства и распорядителем судеб отразились в запрете замужним женщинам на произнесение слова «солнце» (нарн): его табуированно называли «греющийся» (ээвр) [Душан 1929: 79].

⁵⁹ Буддийский храм у калмыков

Наряду с положительными реакциями, связанными с эмоциями и чувствами, состояниями, есть негативные: *раздражение (4), разлука (4), грусть (3), уныние (2), печаль, измена (2)*, что демонстрирует обилие чувств с отрицательной оценочностью на стимул **желтый** у калмыков разных поколений.

Желтый в восприятии калмыков	
негативные ассоциации	
старшего поколения	молодого поколения
<i>желчь 6, разлука 6, болезнь 7, ржавчина 4, гной 3, жара 3, жидкость 3, банан 2, желтуха 2, зубы 2, измена 2, лимон 2, пчела 2, стена 2, цирроз 2, украина 2, уныние 2, алкоголь, боль, больная печень, ботинки, бразилия, война, глаз, грусть, грязь, детская неожиданность, желтая карта в психиатрии, звезды, змея, кал, кирпич, кожа, лицо, мазь, масло, мрак, налёт, ногти, песок, печаль, печень, пламя, подсолнух, пожар, предупреждение, пресса, протез, пустыня, раздражение, раствор медиц, рвота, роза, сатана, синяк, слизь, солнце, старость, телефон, топливо, трава, тюрьма, цвет лица, яд, ярко</i>	<i>болезнь 6, жара 4, жидкость 4, разлука 4, телефон 4, гной 3, лимон 3, оса 3, пчела 3, раздражение 3, солнце 3, болячка 2, гангрена 2, грусть 2, грязь 2, желток 2, желчь 2, женщина 2, змея 2, зубы 2, истерика 2, маршрутка 2, песок 2, пиво 2, пожар 2, ржавая 2, стена 2, таблица 2, уныние 2, цирроз 2, автобус, безответственность, вычурность, гепатит, желтая земля, желтые зубы, китайцы, книга, кружка, лучи, масло, морс, надоедливый, налет, огонь, отходы, паук, перец, пятно, синяк, шампунь.</i>

В негативной оценке у калмыков общими у обоих поколений являются реакции *болезнь (7/6), разлука (6/4), желчь, (6/2), гной, (3/4), жидкость (3/4), лимон (3/3), жара (2/3), зубы (2/2), цирроз (2/2), грусть (1/2)*, где в скобках первая цифра указывает на количество информантов старшего поколения и вторая – на количество информантов молодежи. В целом, можно отметить, что в негативной оценке **желтый** ассоциируется у калмыков с болезнью. В рассмотренных нами пословицах и устойчивых сочетаниях также встречается ассоциация, связанная с болезненным состоянием и плохим самочувствием

человека, например, *шар буслна* (перевод с калмыцкого языка «страдать от изжоги»). В эту логическую цепочку можно добавить еще ассоциаты, связанные с состоянием здоровья и возрастом: *желтая карта в психиатрии, старость, раствор медицинский, боль, рвота*.

С единичной частотностью у молодежи представлены такие ассоциации, связанные с современными реалиями (отсутствующие у старшей по возрасту группы): *маршрутки, автобус, пиво, кружка, морс, перец, шампунь и др.*

Реакции *пресса* и *желтая карточка в психиатрии* не имеет центральной связи, но термин «желтая пресса» означает издание печатной прессы, специализирующейся на мнимых сенсациях и скандалах, и прочно укрепился в сознании людей.

Среди реакций есть название стран *Украина (2), Бразилия (у старшего поколения)*, а также нация *китайцы (у молодого поколения)*. Субъективные представления опираются на личные знания информантов.

У корейцев же ядром ассоциативного поля стала реакция *цветок (19)*, а в негативной колонке с реакциями большое количество собрал ответ *нет (22)*, то есть 22 респондента затруднялись назвать слова-реакции на стимул – желтый. Возможно, желтый цвет для корейцев никак не соответствует чему-то плохому.

Желтый цвет в восприятии корейцев (молодое поколение)	
Позитивные реакции	Негативные реакции
<i>цветок 19, форзиция 13, яркий 12, теплый 8, роскошный 6, цыпленок 6, солнечные лучи 4, веселый 3, активный 2, банан 2, детсад 2, детство 2, милота 2, молодость 2, пыльца 2, свет 2, светлый 2, нет, электричество, уточка, партия справедливости, Биг Бэн, незрелый, энергия, свежий, блокнот, детская душа, огоньки, радостный, витамин С, пчела, дружба, счастье, энергичный,</i>	<i>нет 22, моча 8, гной 4, грязный 4, желтуха 4, сумашедший 4, незрелый 4, беспорядок 3, болезнь 3, пыльная буря 3, рвота 3, одиночество 2, горячий 2, маленькие частицы в воздухе 2, молния 2, ослепительный 2, предупреждение 2, пчела 2, пыльца 2, альбом, банан, бледный, болото, больной, бомба, вредный для здоровья, головокружение, дым огня, желтые зубы, загрязнение, лекарство, лженаука, молния, наслаждение, неприятный, нечистоты,</i>

<p>весна, дождевик, гармония, нежный, нижнее подчеркивание, бабочка, воспитанники детсада Цыпленок, одуванчик, дело корабля Сувовль, бросается в глаза, фестиваль</p>	<p>отвратительный, простуда, пожелтеть, поминать умершего, привлекать внимание, предательство, психическое расстройство, пятно, радиоактивность, расизм, ржавчина, свеча, токсичные вещества, тревожность, фосфор, чувства</p>
---	--

С желтым цветом корейцы ассоциируют такие реакции, как *форзиция, яркие теплые солнечные лучи, детей, гармонию, счастье* (с позитивной стороны). С негативной же – *болезни, беспорядок, неприятное чувство одиночества, психическое расстройство* и другие. На периферии ассоциативного поля расположены реакции *яркий* (12), *теплый* (8), *веселый* (3), *активный* (2). Однако центральной связью их не назовешь, потому что они не имеют прямой связи с цветом.

И в калмыцком, и в корейском ассоциативном поле у молодежи имеются амбивалентные реакции и оценки на стимул **желтый** с точки зрения психо-эмоционального состояния человека – такие, как *спокойствие* и *тревожность, радость – грусть, отвратительный и нежный, дружба и разлука*, – что свидетельствует о диалектической логике в национальном сознании носителей двух этносов.

Если сравнить с реакциями калмыков, то увидим, что много похожих представлений. В целом, желтый цвет оба народа оценивают как *солнце, цветы* (у калмыков – *тюльпан*, а у корейцев – *форзиция*), *тепло, свет, радость, счастье, любовь*. И с отрицательной оценкой желтый связан с болезнью и у калмыков, и у корейцев. Например, у корейцев – *желтуха* (4), *сумасшедший* (4), *болезнь* (3), *рвота* (3), *простуда, психическое расстройство, больной*, а у калмыков, как уже упоминали выше, *гной* (6), *цирроз* (4), *гангрена* (3), *болячка* (2), *желтуха* (2), *синяк* (2), *больная печень, гепатит*. Совпадающие реакции – это *желтуха и рвота*. Это может говорить, что желтый цвет у обоих этносов несет одну смысловую нагрузку.

Реакции с единичной частотностью у корейской молодежи составляют

ассоциаты *Биг Бэн, воспитанники детсада Цыпленок, дело корабля Соволь, бросается в глаза, поминать умершего* не встречаются в ассоциативных полях на стимулы других цветов. Это объясняется тем, что эти реакции (события или явления) имеют связь с личными переживаниями респондентов.

Сравним реакции калмыков и корейцев на стимул **желтый**, опираясь на результаты эксперимента в таблице.

	калмыки	корейцы
Ядро	<i>солнце 97,</i>	<i>цветок 19</i>
Периферия 1	<i>тюльпан 21, болезнь 13, разлука 11, ржавчина 11</i>	<i>нет 23, форзиция 13, яркий 12</i>
Периферия 2	<i>буддизм 9, желчь 9, жара 7, жидкость 7, лимон 7, гной 6, зубы 5, пчела 5, телефон 5, тепло 5, цыпленок 5, масло 4, песок 4, стена 4, уныние 4, цирроз 4</i>	<i>теплый 8, моча 8, роскошный 6, цыпленок 6, гной 4, грязный 4, желтуха 4, незрелый 4, пыльца 4, солнечные лучи 4, сумасшедший 4</i>
Периферия 3	<i>блеск 3, змея 3, лучи 3, монеты 3, налет 3, оса 3, пожар 3, раздражение 3, хурул 3, акация 2, банан 2, болячка 2, гангрена 2, грусть 2, грязь 2, желток 2, желтуха 2, женщина 2, измена 2, истерика 2, калмыцкий флаг 2, кисло 2, любовь 2, маршрутка 2, мяч 2, пара 2, пиво 2, ржавая 2, ржавчина 2, роза / розы 2, свет 2, синяк 2, спокойствие 2, таблица 2, Украина 2, фильм 2, флаг 2, цветок 2</i>	<i>банан 3, беспорядок 3, болезнь 3, веселый 3, молния 3, пчела 3, пыльная буря 3, рвота 3, активный 2, горячий 2, детсад 2, детство 2, маленькие частицы в воздухе 2, милота 2, молодость 2, одиночество 2, ослепительный 2, предупреждение 2, свет 2, светлый 2</i>
Периферия 4	<i>автобус, безответственность, больная печень, Бразилия, алкоголь, боль, ботинки, война, вычурность,</i>	<i>альбом, бабочка, Биг Бэн, бледный, блокнот, болото, больной, бомба, бросается в глаза, весна, витамин С,</i>

<p>газовая труба, гепатит, глаз, грусть, грязь, детская неожиданность, доброта, дракон, желтая земля, желтая карта в психиатрии, желтые зубы, звезды, зубы, кал, кирпич, кислота, китайцы, книга, кожа, кружка, лето, лимонад, лицо, мазь, манго, морс, мрак, надоедливый, ногти, огонь, одуванчик, омега, оптимизм, отходы, оценки, паук, перец, песок, печаль, печень, пламя, подсолнух, предупреждение, пресса, протез, психбольница, пустыня, пух, пятно, раздражение, раствор медиц., рвота, ромашка, сатана, слизь, старость, теплота, тигр, топливо, трава, тюрьма, удача, утка, футболка, цвет лица, шампунь, шар, яд, ярко.</p>	<p>воспитанники детсада Цыпленок, вредный для здоровья, гармония, головокружение, дело корабля Сомовль, детская душа, дождевик, дружба, дым огня, желтые зубы, загрязнение, лекарство, лженаука, наслаждение, нежный, незрелый, неприятный, нечистоты, нижнее подчеркивание, огоньки, одуванчик, отвратительный, партия справедливости, пожелтеть, поминать умершего, предательство, привлекать внимание, простуда, психическое расстройство, пятно, радиоактивность, радостный, расизм, ржавчина, свежий, свеча, счастье, токсичные вещества, тревожность, уточка, фестиваль, фосфор, чувства, электричество, энергичный, энергия</p>
--	--

Итак, ядром ассоциативного поля на стимул **желтый** у калмыков является ассоциат *солнце* с самой высокой частотностью из всех реакций среди рассматриваемых нами базовых цветообозначений. У корейских респондентов ядром ассоциативного поля желтый – цветок.

Большое количество общих реакций с разной оценочностью, характеризующих цветообозначение «желтый», в калмыцком и корейском мировосприятии говорят о том, что представления об окружающем мире могут

иметь универсальный характер, несмотря на лингвокультурологические особенности народов.

3.3.3. Синий в языковом сознании калмыков и корейцев

Ядром ассоциативного поля на стимул **синий** у калмыков является ассоциат *море (85), небо (50)*, набравшие наибольшее количество реакций. В калмыцко-русском словаре под ред. Муниева Б.Д. лексема *көк* представлена словами *синее море, голубые глаза, голубое небо*, а также *зеленая трава и зеленое сено* [КРС 1977: 312]. Цвет же зеленый указан в словаре, так как у калмыков может существовать сине-зеленый цвет [Омакаева 2001, 2009б]. По результатам свободного ассоциативного эксперимента ядро на стимул **синий** у корейцев и у калмыков совпадает в реакции *море (36 у корейцев)*.

Синий в восприятии калмыков	
позитивная ассоциация	
старшего поколения	молодого поколения
<i>море 36, небо 28, иней 6, василек 2, дыхание 2, краска 2, океан 2, синяк 2, аквамарин, благородство, вера, вода, глубина, государство, джинсы, дождь, дом, зима, картина, кровь, небосвод, нос, облако, парашют, простор, роса, свобода, степь.</i>	<i>море 44, небо 18, океан 6, иней 5, дыхание 3, дом 2, кит 2, синяк 2, сияние 2, глаза, глубина, джинсы, диплом, дисциплина, доверие, ламборгини, небо вечером, свитер, свобода, футболки, человек, черника, чернила, школьная форма.</i>

Центральные логические реакции составляют реакции: *синяк (4), джинсы (3), василек (2), диплом*. К периферическим логическим связям могут относиться такие реакции, как *благородство, вера, глубина, государство, человек, папа*, имеющие субъективную оценку синего цвета.

Общими реакциями у старшего и молодого поколения на стимул **синий** являются: *иней 6/5, дыхание 3, океан 2/6, синяк 2/2, глубина 1/1, джинсы 1/1, свобода 1/1*, где в скобках первая цифра указывает на количество информантов старшего поколения, а вторая – на количество информантов молодежи.

Реакция *диплом* встречается и среди реакций на стимул **красный**. В российской реалии выпускники получают красный (неформальное название диплома о высшем образовании с отличием) диплом или синий (стандартный).

Реакции с положительной оценкой старшего поколения с единичным компонентом отличаются смысловым содержанием: *благородство, вера, государство, небосвод, простор, степь*. Реакции у молодежи: *глаза, диплом, дисциплина, ламборгини, школьная форма* отражают современные реалии и учебу.

Ядром ассоциативного поля **синий** с негативной оценкой является *холод* (20 упоминаний), к периферии относятся *глубина (11), синяк (11), кит (10)*.

Синий в восприятии калмыков	
негативная ассоциация	
старшего поколения	молодого поколения
<i>холод 10, синяк 6, глубина 5, алкоголь 4, кит 4, океан 3, алкаш 3, дно 3, единоросы 3, море 3, бездна 2, глубина в море 2, лед 2, мазут 2, мороз 2, насекомое 2, ураган 2, большие волны, борода, ведро, вена, вода, водка, глыба, голубые береты, губы, джинсы, железо, зима, излучение, красота, ларь, маска, машина, мусор, небо, недоверие, нос, ночь, отсутствие, плесень, покойник, полицейская сирена, прокуратура, птица, ревматизм, роза, ручей, ручка, стены в больнице, страх, сумрак, таблетки, тоска, труп, туман, укропы, усталость, утопленник</i>	<i>холод 10, глубина 6, кит 6, синяк 5, акула 4, дно 4, алкоголь 3, насекомое 3, небо 3, океан 3, утопление 3, цунами 3, алкоголик 2, борода 2, вена 2, красота 2, ларь 2, машина 2, море 2, обморожение 2, папа 2, роза 2, ручей 2, тоска 2, вода, волны, гроза, губы, джинсы, золото, краситель, маска, мороз, морская бездна, одиночество, отсутствие, плесень, полицейская сирена, ручка, слеза, страх, сумрак, тонуть, тучи, ураган, ушиб, шторм</i>

Эмотивные реакции у старшего поколения (*благородство, вера, свобода, недоверие, страх, усталость, тоска*) отличаются от реакций молодежи (*тоска (2), одиночество, отсутствие, слеза, страх*), а общим ассоциатом,

связанной с эмоциональным компонентом на стимул **синий** выделяются *страх и тоска*, имеющие негативную интерпретацию.

Реакции, связанные с одеждой у молодого поколения, отличаются разнообразием и количеством (*джинсы, свитер, футболки, школьная форма*), а в реакциях у старшего поколения калмыков встречается только один ассоциат – *джинсы*. Такая разница в количестве реакций у разных поколений, возможно, объясняется субъективными интересами респондентов, связанными с возрастом.

К разряду негативных реакций калмыки относят *синяк (11), алкоголь (7), алкоголик (3), алкаш (2)*. Алкоголь (на калм. *арк*) у калмыков являлся значимым напитком, он готовился из молока [Мукабенова 2020: 96], играл важную роль в обрядности калмыков и являлся почетным напитком, его преподносили в подарок важным гостям. Употребление спиртных напитков у монгольских народов носило строго ритуализированный характер, имел определенную последовательность и был наполнен глубоким символическим содержанием [Хальмг фольклор 1941: 98]. Однако традиционное представление об алкоголе несколько изменилось, в современное время алкоголь имеет негативную оценку.

Специфичными можно назвать реакции у старшего поколения в единичном варианте *голубые береты, полицейская сирена, стены в больнице*, говорящие о реалиях современной жизни.

В корейской культуре, как и в калмыцкой, реакция *море* (42 упоминания) является ядром ассоциативного поля **синий**.

Синий в восприятии корейцев (молодое поколение)	
Позитивные ассоциации	Позитивные ассоциации
<i>море 29, прохладный 27, небо 19, спокойный 6, вода 5, светлый 3, свобода 2, справедливый 2, провинция Чолла, активный, ясный, облако, река Хан, дружба, морская поверхность, Ли Чже Мен (кандидат в президенты от демократической партии), синеть, внешний аккумулятор, романтика, синева, свежий, мир, океан, поражение,</i>	<i>холодный 17, нет 17, депрессия 9, море 7, глубокое море 6, бездна 4, партия демократов 3, страх 3, воняет 2, грусть 2, дождь 2, подавлять аппетит 2, темный 2, спад, наводнение, слезы, политика, бледное лицо, упадок сил, тревога, пустота, утонуть, ливень, бледный, цунами, демократия, упрямый, яд, замерзший,</i>

<p><i>честность, лето, чистый, правильный, чистая вода.</i></p>	<p><i>невкусный, осадки, печаль, ледяной, запутанный, большие волны, гипотермия, глубоководная фобия, токсичный, пытка водой, упасть в воду, удобный, бесконечность, горе, ошибка, ледяной, хладнокровие, озеро, мятный шоколад, отит, привлекать внимание, противоположность красному</i></p>
---	--

Очевидное сходство заключается в том, что в корейском и калмыцком ассоциативном поле выделены ассоциации, связанные с животными (*кит, акула*), природой, водной стихией (*цунами, море, ручей, вода, волны, морская бездна, тонуть, ураган, тучи, шторм* – у калмыцкой молодежи; *океан, море, цунами, вода, большие волны, морская бездна, ручей, утопление* – у корейцев), единицы которых не появились в калмыцких реакциях. С временами года и погодными условиями встречаются реакции в негативной части: *холод, лед, зима, мороз*. Предположим, что стимул **синий** в языковом сознании молодых корейцев и калмыков ассоциируется с холодными погодными условиями и водной стихией.

С водой связаны много других реакций: *вода (5), наводнение, ливень, цунами, большие волны, пытка водой, упасть в воду, озеро, осадки, океан, чистая вода, река Хан, морская поверхность, чистая вода, упасть в воду, глубоководная фобия*. К реакциям, связанным с водой, можно еще отнести *Севоль*. С паромом «Севоль» связана трагическая история катастрофы у юго-западного побережья Корейского полуострова 16 апреля 2014 года, когда погибло в море более 300 учеников во время школьного путешествия.

В корейском сознании **синий** цвет также связан с политикой, об этом говорят реакции *партия демократов (3), демократия, политика и Ли Чже Мен* (кандидат на должность президента Республики Корея на выборах 2022 года от «Демократической партии»). Данной ассоциации поспособствовала символика демократической партии синего и голубого цветов. Данные реакции

раскрывают знания и интерес молодежи к политике своего государства.

Если говорить о чувствах, состояниях, ощущениях или настроении человека, то **синий** вызывает такие реакции, как *спокойный, справедливый, активный, честность, правильный, депрессия, страх, грусть, упадок сил, тревога, пустота, бледный, упрямый, токсичный, хладнокровие*, что отражает национально-культурную специфику данного народа.

Стимул **синий** у корейцев выступает как реакция *противоположность красному* цвету, как у калмыков существует бинарная позиция белый-черный. Яркая диалектическая логика в национальном сознании носителей двух языков часто проявляется в пословицах, поговорках.

Мировосприятие двух наций **синего** цвета по результатам эксперимента можно представить в следующей таблице, где ядром ассоциативного поля синий стали *море (85), небо (50)* у калмыков и *море (36) и прохладный (27)* у корейцев.

	калмыки	корейцы
Ядро	<i>море 85, небо 50</i>	<i>море 36, прохладный 27</i>
Периферия 1	<i>холод 20, синяк 15, океан 14, глубина 13, иней 11</i>	<i>небо 19, нет 17, холодный 17</i>
Периферия 2	<i>кит 12, алкоголь 7, дно 7, алкаш / алкоголик 5, дыхание 5</i>	<i>депрессия 9, глубокое море 6, спокойный 6, вода 5, бездна 4</i>
Периферия 3	<i>акула 4, джинсы 4, вода 3, единороги 3, машина 3, насекомое 3, роза 3, ручей 3, утопление 3, тоска 3, ураган 3, цунами 3, бездна 2, борода 2, василек 2, вена 2, глубина в море 2, губы 2, дом 2, зима 2, краска 2, красота 2, ларь 3, лед 2, мазут 2, маска 2, мороз 2, нос 2, обморожение 2, отсутствие 2, папа 2, плесень 2, полицейская сирена 2, ручка 2, свобода 2, сияние 2, страх 2, сумрак 2</i>	<i>светлый 3, страх 3, свобода 2, воняет 2, грусть 2, партия демократов 3, дождь 2, ледяной 2, подавлять аппетит 2, справедливый 2</i>

Периферия 4	<i>аквамарин, благородство, большие волны, борода, ведро, вена, вера, водка, волны, глаза, глыба, голубые береты, государство, гроза, диплом, дисциплина, доверие, дождь, дом, железо, золото, излучение, картина, краситель, красота, кровь, ламборгини, мороз, морская бездна, мусор, небо вечером, небосвод, недоверие, ночь, облако, одиночество, парашют, покойник, прокуратура, простор, птица, ревматизм, роса, свитер, слеза, стены в больнице, степь, таблетки, тонуть, труп, туман, тучи, укроп, ураган, усталость, утопленник, ушиб, футболки, человек, черника, чернила, школьная форма, шторм</i>	<i>активный, бесконечность, бледное лицо, бледный, большие волны, внешний аккумулятор, гипотермия, глубоководная фобия, горе, демократия, дружба, замерзший, запутанный, лето, Ли Чже Мен (кандидат в президенты от демократической партии), ливень, мир, морская поверхность, мятный шоколад, наводнение, невкусный, облако, озеро, океан, осадки, отит, ошибка, печаль, политика, поражение, правильный, привлечь внимание, провинция Чолла, противоположность красному, пустота, пытка водой, река Хан, романтика, свежий, синева, синеть, слезы, спад, токсичный, тревога, удобный, упадок сил, упасть в воду, упрямый, утонуть, хладнокровие, цунами, честность, чистая вода, чистый, яд, ясный</i>
-------------	--	--

Таким образом, проведенный эксперимент показал не только возможности уточнения особенностей языковой картины мира на примере цветолексем, но и уникальность трансформации языкового сознания во времени срезе. Он подтвердил, что калмыцкие и корейские цветолексеммы входят в семантический генофонд языка, при этом цветовая и оценочная семантика в данной группе слов сливается и в основном совпадает с цветовой символикой других языков, а именно положительной оценочной семантикой белого цвета и отрицательной – черного. Как и в других языках, для них характерны преимущественно синтагматические реакции.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Ассоциативный эксперимент, предпринятый для выявления образа цвета, его отражения в сознании калмыков и корейцев через рассмотрение системы вербальных ассоциаций и смысловых значений, позволяет определить круг позитивных и негативных ассоциаций, связанных с наименованиями базовых цветов. Выявлены позитивные и негативные ассоциации с каждым из пяти рассматриваемых цветообозначений, однако их количество может значительно отличаться. На общем фоне выделяется специфика восприятия желтого цвета в языковом сознании корейцев: цветообозначение «желтый» вызвало минимум негативных ассоциаций у опрошенных.

В ходе анализа материала выявлено пересечение позитивных и негативных ассоциаций. Данная особенность характерна прежде всего для языкового сознания калмыков. На стимул «черный» одинаковые реакции отнесены респондентами и к позитивным, и к негативным. Для языкового сознания корейцев такое пересечение не характерно, в анализируемом материале имеются лишь единичные примеры ассоциаций, одновременно входящих в поле позитивной и негативной оценочности.

Ассоциативное поле каждого цветообозначения имеет четко выраженные ядерные компоненты, что свидетельствует о наличии коллективного представления калмыков и корейцев о том или ином цвете. Выявлено сходство в ассоциациях, составляющих ядро ассоциативного поля цветообозначений «красный» (*кровь*) и «синий» (*море*). Ядром ассоциативного поля цветообозначений «белый», «черный», «желтый» в языковом сознании калмыков и корейцев оказываются разные ассоциаты. В языковом сознании калмыков белый чаще ассоциируется со *снегом* или *смертью*, черный – со *смертью*, желтый – с *солнцем*. В языковом сознании корейцев ядром стимула «белый» оказывается ассоциат *чистота*, стимула «черный» – *темный* и *аккуратный*, стимула «желтый» – *цветок*.

Ассоциативное поле каждого из рассматриваемых цветообозначений отражает особенности восприятия цвета респондентами-калмыками разного

возраста даже при имеющемся сходстве ассоциатов, полученных от представителей разных возрастных групп. В языковом сознании представителей старшего поколения отмечаются ассоциаты, связанные с историей государства и народа, буддизмом, состоянием здоровья, психологическим состоянием в связи с осознанием конечности бытия. Молодежь наполняет ассоциативные поля цветообозначений реакциями, связанными с учебой как основным занятием школьников и студентов, а также указывающими на современные реалии, связанные с материальным положением, разнообразием продуктов питания, а также с такими негативными явлениями современности, как пагубные привычки и запрещенные вещества.

Сравнительный анализ ассоциатов, полученных от представителей молодого поколения калмыков и корейцев показывает следующее. Наличие одинаковых ассоциатов отмечается в ассоциативном поле каждого из рассматриваемых цветообозначений, однако общие реакции отличаются частотностью и могут относиться к ядру ассоциативного поля цветообозначения в одной национальной группе и к периферии – в другой. Неповторяющиеся ассоциаты, данные молодыми калмыцкими и корейскими респондентами, могут быть вызваны не только индивидуальным опытом конкретного человека, но и национально-культурными стереотипами, связанными с цветообозначениями-стимулами. Явные лингвокультурные отличия, связанные с национальной лингвоцветовой картиной мира калмыков и корейцев, обнаруживаются в компонентах ассоциативных полей цветообозначений «белый», «желтый», «красный». Несмотря на то, что реакции на стимулы-цветообозначения нередко связаны с обычными знаками повседневности (предметный мир, положительные и отрицательные эмоции, чувства), в языковом сознании молодежи, как калмыцкой, так и корейской, сохраняются основные традиционные представления о символике цвета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвокультурологический вектор исследования национальной специфики цвета открывает широкие возможности для сопоставительного изучения цветообозначений на материале различных языков.

Лингвистический анализ цветообозначений в калмыцком и корейском языках, начавшийся в конце XX в., нельзя считать исчерпывающим. Символика цвета, которая находит отражение в национальной языковой картине мира, уточняется в ходе исследования культурно значимых текстов с цветообозначениями калм. *цаһан* 'белый' и *хар* 'черный', *улан* 'красный', *шар* 'желтый', *көк* 'синий' и кор. *희다* (白) 'белый', *검다* (黑) 'черный', *붉다* (赤) 'красный', *누르다* (黃) 'желтый', *푸르다* (靑) 'синий', а также в ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента.

Цветообозначения «белый», «чёрный», «красный», «желтый» и «синий» являются базовыми как в калмыцком, так и в корейском языках и отличаются высокой частотностью. Сопоставительный анализ цветообозначений в калмыцких и корейских пословицах, поговорках и других культурно-значимых текстах показал имеющиеся сходства и различия в их символике, сочетаемости и оценочности.

В калмыцкой и корейской лингвокультурах цветообозначения «белый» и «черный» составляют оценочную оппозицию, сходство отмечается и в культурных символах, связанных с ахроматическими цветами. Однако похожие символы обладают лингвокультурной спецификой, получая в калмыцком и корейском языках противоположную оценочность (ср. черный цвет глаз как знак опасности (сглаза) в традиционных представлениях калмыков и как знак невежества, неграмотности – в корейской лингвокультуре).

Анализ цветообозначений «красный», «желтый», «синий» в культурно значимых калмыцких и корейских текстах показал значительное сходство в ценностной составляющей цветообозначения «красный»: это символ жизни,

любви, выполняет функцию защиты от злых духов, может означать тяжелую жизнь в бедности, а также вступает в оппозицию с цветообозначением «синий» как противопоставление женского и мужского. В корейской лингвокультуре оппозиция красного и синего проявляется и как противопоставление невоспитанности и благородства.

Корейские паремии с цветообозначением «желтый» также демонстрируют наличие регулярной оппозиции желтого и черного, не характерной для калмыцкой лингвокультуры. Общим же в символике и оценочности цветообозначения «желтый» в калмыцкой и корейской лингвокультурах является его связь с религией, богатством, болезнью и злостью. Для корейской лингвокультуры характерна также ассоциация желтого цвета с запретом.

Как в калмыцком, так и в корейском языке цветообозначение «синий» включает в себя значения «голубой» и «зеленый». Общим в символике цветообозначения «синий» в обеих лингвокультурах является его связь с молодостью, надеждой, спокойствием, благородством. В паремиях с цветообозначением «синий» выявлены специфические лингвокультурные особенности: для корейской лингвокультуры характерна связь синего цвета со статусностью, властью и мудростью; для калмыцкой лингвокультуры – с вечным синим небом, верностью и преданностью Родине.

Цветообозначения калм. *цаһан* ‘белый’ и *хар* ‘черный’, *улан* ‘красный’, *шар* ‘желтый’, *көк* ‘синий’ и кор. *희다* (白) ‘белый’, *검다* (黑) ‘черный’, *붉다* (赤) ‘красный’, *누르다* (黃) ‘желтый’, *푸르다* (靑) ‘синий’ в различных культурно значимых контекстах могут получать положительные и отрицательные коннотации или оставаться нейтральными, обозначая собственно цвет.

Таким образом, среди элементов, составляющих культурный фон базовых цветообозначений калмыцкого и корейского языков, обнаруживаются как общие для народов Азии, так и этноспецифические.

Современное восприятие цветообозначений носителями калмыцкой и корейской культуры выявлено посредством ассоциативного эксперимента, в результате которого определен круг позитивных и негативных ассоциаций, связанных с изучаемыми цветообозначениями. Количественный анализ позитивных и негативных ассоциаций с каждым из цветообозначений показал минимум негативных реакций на цветообозначение 노랑 (黃) 'желтый' в группе респондентов-корейцев. Для языкового сознания калмыков характерно пересечение позитивных и негативных ассоциаций с цветообозначением «черный»: одинаковые реакции отнесены респондентами как к позитивным, так и к негативным.

Динамика образа того или иного цветообозначения во многом зависит от смены реалий социокультурной среды; различия в восприятии и использовании основных наименований цвета могут быть обусловлены разными культурными традициями.

Ассоциативный эксперимент позволил выявить ядро и периферию ассоциативного поля каждого из исследуемых цветообозначений. Ядерные компоненты ассоциативных полей четко выражены и отличаются частотностью. Учитывая, что на формирование образа цветообозначения в сознании носителя языка оказывает влияние как индивидуальный опыт отдельного человека (его индивидуальное знание), так и культурное знание о данном цвете, стереотипы, мы отмечаем сходство в ассоциациях, составляющих ядро ассоциативного поля цветообозначений «красный» (*кровь*) и «синий» (*море*), полученных от участвующих в эксперименте калмыков и корейцев. Ассоциативные поля цветообозначений «белый», «черный», «желтый» в языковом сознании калмыков и корейцев не имеют в ядре одинаковых ассоциатов.

Анализ ассоциатов с учетом возрастных характеристик показал особенности восприятия изучаемых цветообозначений представителями молодежи и старшего поколения. В языковом сознании представителей

старшего поколения респондентов-калмыков отмечаются ассоциаты, связанные с историей государства и народа, буддизмом, состоянием здоровья, психологическим состоянием в связи с осознанием конечности бытия. Молодежь наполняет ассоциативные поля цветообозначений реакциями, связанными с учебой как основным занятием школьников и студентов, а также указывающими на современные реалии, связанные с материальным положением, разнообразием продуктов питания, негативными явлениями современности (пагубные привычки, запрещенные вещества).

Ассоциативное поле базовых цветообозначений в калмыцкой и корейской языковой картине мира, частично сохраняя традиционные лингвокультурные элементы, вбирает в себя новые современные культурно отмеченные единицы. Особенно явно это утверждение иллюстрируют ассоциаты, полученные от представителей молодого поколения калмыков и корейцев. Явные лингвокультурные отличия, связанные с национальной лингвоцветовой картиной мира калмыков и корейцев, обнаруживаются в компонентах ассоциативных полей цветообозначений «белый», «желтый», «красный». Наряду с реакциями на стимулы-цветообозначения, связанными с обычными знаками повседневности (предметный мир, положительные и отрицательные эмоции, чувства), в языковом сознании молодежи, как калмыцкой, так и корейской, сохраняются основные традиционные представления о символике цвета.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Д.Б. – Доржин Басң

И.Н. – Илюмжинов Николай.

КНК – Калмыцкий национальный корпус.

Краткий... – Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов.

КРС – Калмыцко-русский словарь.

КРС – Корейско-русский словарь.

ППЗКРОК – Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая.

С-Б. Х. – Сян-Белгин Хаср.

СТРК – Словарь топонимов Республики Калмыкия.

ХККУ – Хальмг келнэ келц үгмүдин толь = Фразеологический словарь калмыцкого языка.

Хуучн... – Хуучн үгд худл уга : кеерин хураңу материал = Истина древней словесности : коллекция экспедиционных материалов

ХУ – газета «Хальмг үнн».

Э.К. – Эрнжэнэ Константин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акматов, Н. Р. Лингвистическая рецепция топонимов Центральноазиатской геолокации (тюрко-монгольский ареал) / Н. Р. Акматов, С. Н. Абдуллаев, В. Н. Мушаев // *Oriental Studies* – 2019. – № 5. – С. 945-956.
2. Аксёнова, И. Н. Цветовой символизм / И. Н. Аксёнова // *Филологические науки*. – 2016. – № 4. – С. 29-35
3. Алимпиева, Р. В. Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в / Р. В. Алимпиева // *Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике: Сб. науч. тр./ Калинингр. ун-т. – Калининград, 1982. – С. 49-60.*
4. Алымова, Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Алымова Екатерина Николаевна. – Санкт-Петербург, 2007. – 251 с.
5. Ансорова, М. М. Лингвоцветовая картина мира в разноструктурных языках : семантико-стилистический аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ансорова Мутриба Муаззамовна. – Душанбе, 2021. – 28 с.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2-х томах. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
7. Аюшова, Ц. Н. Этническая картина мира калмыков : лингвокультурологический аспект / Ц. Н. Аюшова. – Элиста : Калм. ун-т, 2012. – 120 с.
8. Бадгаев, Н. Б. Цветообозначения в калмыцком героическом эпосе «Джангар» / Н. Б. Бадгаев // *Ежегодные научные чтения калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – V. – Элиста, 2015. – С. 64-66.*

9. Базылев, В. Н. Когнитивная структура эмоций : русско-японские параллели / В. Н. Базылев // Язык, сознание, коммуникация. – Москва : Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 9-19.
10. Бакаева, Э. П. Белый старец : особенности мифологических характеристик у калмыков / Э. П. Бакаев // Бурят-монголы накануне III тысячелетия : опыт кочевой цивилизации. Россия – Восток – Запад в судьбе народа. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1997. – С. 78-81.
11. Бакаева, Э. П. Добуддийские верования калмыков / Э. П. Бакаева. – Элиста : Джангар, 2003. – 357 с.
12. Бакаева, Э. П. Красношапочный ламаизм у калмыков? (некоторые данные по истории вопроса) / Э. П. Бакаева // Обычаи и обряды монгольских народов : сборник статей. – Элиста, 1989. – С. 77-85.
13. Бакаева, Э. П. Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии : Буддизм и «посвященные» / Э. П. Бакаева // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 3. – С.23-38.
14. Бакаева, Э. П. Буддизм в Калмыкии : историко-этнографические очерки / Э. П. Бакаев. – Элиста: Джангар, 1994. – 128 с.
15. Банзаров, Д. Черная вера / Д. Банзаров // Банзаров Д. Собрание сочинений. – Москва : АН СССР, 1955. – С. 48-100.
16. Банзаров, Д. Черная вера, или Шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова : шаманство у монголов : с портретом и биографией / Д. Банзаров ; под редакцией Г. Н. Потанина. – Санкт-Петербург, 1891. – 129 с.
17. Батырева, К. П. Калмыцкий женский головной убор как символ этнической идентичности / К. П. Батырева, И. В. Карбушева, Е. В. Бембеев // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2020. – Вып. 3. – С. 79-87.
18. Батырева, К. П. Калмыцкий костюм в призме образно-знаковой системы буддизма / К. П. Батырева. – DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.04.006 // Искусство Евразии. – 2019. – № 4 (15). – С. 66-79. – URL: <https://readymag.com/u50070366/1641189/14/>.

19. Бачаева, С. Е. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных : на материалах песен эпоса «Джангар» / С. Е. Бачаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 1. – С. 80-85.
20. Баянова, А. Т. Лингвокультурологические особенности фольклорного текста : на примере калмыцких сказок в записи Г.Й. Рамстедта : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Баянова Александра Тагировна. – Элиста, 2020. – 243 с.
21. Белоус, Я. Значение цвета в культуре Северной Кореи / Я. Белоус // Северная Корея – новости, аналитика, культура и политика. – URL: <https://koreya24.ru/kultura/znacenie-cveta-v-kulture-severnoi-korei> (дата обращения: 23.02.2024).
22. Белянин, В. П. Психолингвистика : учебник / В. П. Белянин. – Москва : Флинта : Московский психолого-социальный институт, 2005. – 232 с.
23. Берлин, Б. Основные цвета : их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – Москва, 1969. – 125 с.
24. Бертагаев, Т. А. Сочетания слов и современная терминология / Т. А. Бертагаев. – Москва, 1971. – 152 с.
25. Биль, О. Н. Цветообозначения космического пространства в языке поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева / О. Н. Биль // Гуманитарные исследования : журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань, 2010. – № 2 (34). – С. 57-62.
26. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке. / Н. Б. Бахилина – Москва.:Наука, 1975. – 286 с.
27. Бимбеева, А. А. Красный цвет в традиционной культуре калмыков / А. А. Бимбеева. – URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2018/10/25/krasnyy-tsvet-v-traditsionnoy-kulture-kalmykov-i-anglichan> (дата обращения: 26.02.2023)
28. Борисова, Д. Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке / Д. Н. Борисова // Вестник Челябинского

государственного университета. Языкознание и литературоведение. – 2008. – № 21. – С. 32-37.

29. Босхомджиева, Е. Б. Символика цвета в калмыцких народных триадах «гурвнтс» / Е. Б. Босхомджиева, К. В. Менкенова // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И. Рассадина. – Элиста : Калмыцкий государственный университет, 2014. – С. 223-225.

30. Брагина, А. А. Цветовые определения и формирования новых значений слов и словосочетаний / А. А. Брагина // Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1972 – С. 73-105.

31. Бухаева, Р. В. Цветосимволы как стереотипы речевого поведения (мышления) бурят (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) / Р. В. Бухаева // Вестник БГУ. Филология. – Улан-Удэ, 2010. – № 10. – С. 3-7.

32. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном языке / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 302 с.

33. Вардзелашвили, Ж. Метафорические номинации в языковой картине мира / Ж. Вардзелашвили // Научные труды. Сер.: Филология / Санкт-Петербургский государственный университет, Тбилисский государственный университет. – Санкт-Петербург ; Тбилиси, 2001. – Вып. II. – С. 32-37.

34. Василевич, А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте / А. П. Василевич. – Москва : Наука, 1987. – 141 с.

35. Василевич, А. П. Психолингвистический подход к установлению лексических соответствий : на материале болгарских, русских и английских цветоименований / А. П. Василевич // Сопоставительное языкознание. – 1983. – № 5. – С. 21-25.

36. Василевич, А. П. Собственные имена в составе цветообозначений / А. П. Василевич // Ономастика : типология, стратиграфия. – Москва, 1988. – С. 93-99.

37. Василевич, А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания / А. П. Василевич // Наименования цвета в

индоевропейских языках : системный и исторический анализ / ответственный редактор А. П. Василевич. – Москва : КомКнига, 2007. – С. 9-29.

38. Василевич, Г. М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках / Г. М. Василевич // Проблемы общности алтайских языков : сборник статей. – Ленинград : Наука, 1971. – С. 45-53.

39. Васильев, В. П. Ассоциативное поле как экспонент концепта / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Филология. – 2002. – Вып. 4. – С. 24-43.

40. Василюк, Ф. Е. Структура образа / Ф. Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5-19.

41. Ващенко, М. А. Символика цветов в народной культуре / М. А. Ващенко // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 1. – С. 115-123.

42. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – Москва : Русские словари, 1996. – С. 231-290.

43. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 267 с.

44. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : перевод с английского / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 411 с.

45. Вендина, Т. П. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – Москва : Индрик, 1998. – 238 с.

46. Воробьев, В. В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии / В. В. Воробьев. – Москва : ИРЯП, 1994. – 76 с.

47. Воробьев, В. В. Лингвокультурология : теория и методы / В. В. Воробьев. – Москва : РУДН, 1997. – 331 с.

48. Воробьёв, Г. Г. Цвет и характер / Г. Г. Воробьёв // Цвет в нашей жизни : хрестоматия по психологии / составитель А. А. Криулина. – Курск : Курскинформпечать, 1993. – С. 120-126.
49. Габышева, Л. Л. Традиционная цветосимволика тюркских народов : красный цвет / Л. Л. Габышева // актуальные проблемы современной фольклористики : материалы Международной научно-практической конференции, Казань, 29 июня 2009 г. – Казань : Алма-Лит, 2009. – С. 56-58.
50. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология : на материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – Москва : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
51. Гак, В. Г. Язык как средство самовыражения народа / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры : монография. – Москва : Наука, 2000. – С. 54-68.
52. Гатауллина, Л. Р. Роль цветообозначений в концептуализации действительности (на примере цветообозначения «черный») / Л. Р. Гатауллина // Семантика разноуровневых единиц в языках различного строя : сборник научных статей к 65-летию профессора Р.З. Мурясова. – Уфа : РИОБашГУ, 2005. – С. 351-363.
53. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – Москва : Академия, 1998. – 429 с.
54. Гейзенберг, В. У истоков квантовой теории : сборник / В. Гейзенберг. – М. : Тайдекс КО, 2004. – 400 с.
55. Голубева, Е. В. Калмыцкие культурные концепты / Е.В. Голубева. – Элиста : КалмГУ. – 2009. – 156 с.
56. Голубева, Е. В. Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке : на примере культурных концептов : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Голубева Евгения Владимировна. – Москва, 2006. – 212 с.
57. Голубева, Е. В. Цветоконцепт красный «улан» в фольклоре калмыков / Е. В. Голубева // Филологические науки : вопросы теории и практики. – 2008. – № 1-2 (1). – С. 22-25.

58. Горошко, Е. И. Языковое сознание : ассоциативная парадигма : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. – Москва, 2001. – 437с.
59. Горошко, Е. И. Особенности мужской и женской ассоциативной картины мира / Е.И. Горошко // Антропоцентризм и речевая деятельность. – Киев ; Вена, 1996. – С. 56-106.
60. Губенко, Е. В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б. Л. Пастернака : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Губенко Екатерина Викторовна. – Москва, 1999. – 21 с.
61. Гуриев, Л. С. Символика цвета / Л. С. Гуриев // Цвет в нашей жизни : хрестоматия по психологии / составитель А. А. Криулина, – Курск : Курскинформпечать, 1993. – С. 71-91.
62. Даунене, З. П. Торговая лексика в белорусской деловой письменности XV – начала XVII века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : / Даунене Зоя Павловна – Вильнюс, 1966. – 14 с.
63. Джамбинова, Т. Н. Воспитание девочек в калмыцкой народной педагогике : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Джамбинова Татьяна Николаевна. – Чебоксары, 2004. – 32 с.
64. Дубровская, Т. В. Сложные цветообозначения «красный» в современном корейском языке / Т. В. Дубровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета: Языкознание. – 2014. – № 7 (92). – С. 63-68.
65. Дубровская, Т. В. Специфика заимствования цветообозначений «черный» в корейском и японском языках. / Т. В. Дубровская // Филологические науки. Вопросы теории и практики: Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (43): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 61-64.

66. Душан, У. Д. Избранные труды / У. Д. Душан ; составители В. В. Батыров, Т. И. Шараева. – Элиста : КИГИ РАН, 2016. – 376 с.
67. Есенова, Т. С. Очерки по лингвокультуре калмыков / Т. С. Есенова. – Элиста : КалмГУ, 2012. – 160 с.
68. Есенова, Т. С. Русский язык в Калмыкии / Т. С. Есенова. – Элиста : КалмГУ, 2003. – 208 с.
69. Есенова, Т. С. Цвет в разговорной речи и традиционной культуре калмыков / Т. С. Есенова, О. П. Кравченко // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России : к 360-летию со дня рождения хана Аюки : материалы международной научной конференции, 22-25 мая 2002 г. – Элиста : Калм ГУ, 2002. – С. 71-75.
70. Жаркынбекова, Ш. К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание / Ш. К. Жаркынбекова // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 2003. – № 1. – С. 109-116.
71. Жаркынбекова, Ш. К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики / Ш. К. Жаркынбекова // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999.
72. Жаркынбекова, Ш. К. Языковая концептуализация цвета в культуре и языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Жаркынбекова Шолпан Кузаровна. — Алматы, 2004. — 17 с.
73. Жукабаева, А. А. Цвета в корейской культуре и их семантическое значение / А. А. Жукабаева // Кореистудия Казахстана. – вып. 9. – Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2019. – С. 108-118.
74. Жуковская, Н. Л. Кочевники Монголии : культура, традиции, символика : учебное пособие / Н. Л. Жуковская. – Москва : Восточная литература, 2002. – 247 с.
75. Залевская, А. А. Ассоциативный тезаурус английского языка и возможности его использования в психолингвистических исследованиях / А. А.

Залевская // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин : КГУ, 1983. – С. 26-41.

76. Залевская, А. А. Межкультурный аспект проблемы ассоциаций / А. А. Залевская // Словарь ассоциативных норм русского языка / под редакцией А. А. Леонтьева. – Москва : Моск. ун-т, 1977. – С. 46-52.

77. Залевская, А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира / ответственный редактор Н. В. Уфимцева. – Москва : Институт языкознания, 2000. – С. 39-54.

78. Залевская, А. А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов / А. А. Залевская // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики английского языка : ученые записки. – Калинин, 1971. – Т. 98, ч. 2. – С. 3-119.

79. Залевская, А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов / А. А. Залевская // Этнопсихолингвистика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. И. Крюков [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – С. 34-48.

80. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды / А. А. Залевская. – Москва : Гнозис, 2005. – 543с.

81. Зализняк, А. А. Русская семантика в типологической перспективе: к вопросу о термине «языковая картина мира» / А. А. Зализняк // Русская лингвистика. – 2013. – № 37(1). – С. 5-20.

82. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике учебник / Е. И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : СПбГУ : Нестор-История, 2016. – 182 с.

83. Иссерлин, Е. М. История слова красный /Е. М. Иссерлин // Русский язык в школе. – 1969. – №3. – С. 77-83.

84. Кайбияйнен, А. А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Кайбияйнен Алла Адольфовна – Казань, 1996. – 19 с.

85. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты. – Волгоград ; Архангельск, 1996.
86. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности : сборник научных трудов. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 3-16.
87. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
88. Караулов, Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира : сборник научных статей / ответственный редактор Н.В. Уфимцева. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 191-206.
89. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : УРСС, 2004. – 264 с.
90. Касаткина, Т. Ю. Анализ структуры ассоциативного поля цвета (на материале удмуртского и русского языков) / Т. Ю. Касаткина // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2016. – Т. 8. – С. 62-69.
91. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык = Buddhism. Worldview. Language / В. Б. Касевич – Санкт-Петербург : Петерб, востоковедение, 1996. – 275 с.
92. Качаева, Л. А. Об особенностях использования прилагательного желтый в языке А. И. Куприна / Л. А. Качаева // Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. – № 158 – Москва, 1970. – с. 108-113
93. Кичикова, Н. А. Гидронимия Республики Калмыкия / Н. А. Кичикова // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 1 (33). – С. 48-52.
94. Кичикова, Н. А. Заметки к изучению оронимов Республики Калмыкия / Н. А. Кичикова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. – 2010. – № 6 (50). – С. 110-113.
95. Когнитивная лингвистика : современное состояние и перспективы развития : материалы первой международной школы-семинара по когнитивной

лингвистике, 26-30 мая 1998 г. : в 2 частях. Ч. 1. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. – 196 с.

96. Колодкина, Е. Н. Эффект конкретности: обзор / Е. Н. Колодкина // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (4). – 2010 – С. 187-196.

97. Кормушин, И. В. Цветообозначения / И. В. Кормушин // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – Москва : Наука, 2001.

98. Корсункиев, Ц. К. Топонимия Яшкульского района / Ц. К. Корсункиев // Ономастика Калмыкии : сборник статей. – Элиста : КНИИФЭ, 1983. – С. 57-72.

99. Кузьменков, Е. А. К этимологии монгольских цветовых обозначений / Е. А. Кузьменков // Тюркология-88. – Фрунзе, 1988. – С. 126-127.

100. Куканова, В. В. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением улан в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода / В. В. Куканова, Э. У. Омакаева // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1 (65), ч. 2. – С. 44-49.

101. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета : термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – Москва : Моск. лицей : Рус. филол. вестник, 2001. – 470 с.

102. Кульпина, В. Г. Лингвистическая цветология : от истории к современности цветовых концептосфер : монография / В. Г. Кульпина. – Москва, 2019. – 285 с.

103. Лапшина, Е. А. Диалектика черного и белого в национальных картинах мира / Е. А. Лапшина // Вологдинские чтения : материалы научной конференции. – Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2011. – 5 с.

104. Ли, Х. Кукса тэсаджон = [Корейская историческая энциклопедия] / Х. Ли. – Сеул, 1967.

105. Лингвокультурологический аспект лексем «белый-черный» : на материале калмыцкого языка / В. Н. Мушаев, М. А. Лиджиев, Б. А. Шурунгова, Ж. А. Мукабенова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11, № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK420.pdf> (дата обращения: 23.04.2022).

106. Майзина, А. Н. Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Майзина Аржана Николаевна. – Новосибирск, 2006. – 25 с.
107. Макеенко, И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках : универсальное и национальное : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Макеенко Ирина Васильевна. – Саратов, 1999. – 24 с.
108. Маклакова, Е. А. О понятии лингвокультурологической специфики / Е. А. Маклакова // Текст. Дискурс. Картина мира. Вып. 7. – Воронеж : Истоки, 2011. – С. 3-9.
109. Максвелл, Д. К. Статьи и речи / Д. К. Максвелл. – Москва : Наука, 1968. – 422 с.
110. Манджиева, Э. Б. Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Манджиева Элина Борисовна. – Волгоград, 2009. – 24 с.
111. Манджикова. Б. Б. Лексика «Джангара» (цветовая символика) / Б. Б. Манджикова // Калмыки и их соседи в составе Российского государства : материалы Международной научной конференции, г. Элиста, 7-11 сентября 2001 г. – Элиста : Джангар, 2002. – С. 189-196.
112. Марзаева, М. Д. «Красношапочный» буддизм в современной калмыкии / М. Д. Марзаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2008. – № 2. – С. 42-46.
113. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 255 с.
114. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2004. – 208 с.

115. Маслова, В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях / В. А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 78-90.
116. Махачкеева, М. А. Вербальное выражение образа китайцев в современной российской и американской периодике : лингвострановедческий анализ / М. А. Махачкеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 10. – С. 94-99.
117. Мельхеев, М. Н. Топонимика Бурятии / М. Н. Мельхеев. — Улан-Удэ, 1969. – 188 с.
118. Меньчева, С. И. Цветообозначение в произведениях Е.И. Замятина: семантика, грамматика, функция : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Меньчева Светлана Ивановна – Тамбов, 2004. – 248 с.
119. Митиров, А. Г. О цветовой семантике орнамента монгольских народов / А. Г. Митиров // Этнография и фольклор монгольских народов. – Элиста : КНИИИФЭ, 1981. – С. 90-100.
120. Монраев, М. У. Калмыцкие личные имена : семантика / М. У. Монраев. – Изд. 3-е, перераб. – Элиста : Герел, 2012. – 255 с.
121. Монраев, М. У. Концепт «цаган» («белый») в калмыцкой лингвокультуре / М. У. Монраев // Этнокультурная концептосфера : общее, специфичное, уникальное. – Элиста : КалмГУ, 2006. – С. 76-81.
122. Монраев, М. У. Концепт улан «красный» в калмыцкой лингвокультуре / М. У. Монраев // Россия и Центральная Азия : историко-культурное наследие и перспективы развития : материалы научно-практической конференции, г. Элиста, 13-14 сентября 2006 г. – Элиста : КИГИ РАН, 2008. – С. 150-151.
123. Монраев, М. У. Основные направления топонимических исследований в КалмГУ им. Б.Б. Городовикова / М. У. Монраев, В. Н. Мушаев // Вестник КалмГУ. – 2019. – № 2. – С. 65-73.
124. Монраев, М. У. Топонимия Калмыкии / М. У. Монраев. – Элиста : КалмГУ, 2017. – 137 с.

125. Монраев, М. У. Цветообозначение в калмыцком языке : на материале ономастики // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 123–124.
126. Москович, В. А. Статистика и семантика : опыт статистического анализа семантического поля / В. А. Москович. – Москва : Наука, 1969. – 304 с.
127. Мукабенова, Ж. А. Колорема оранжевый как социолингвистическая категория / Ж. А. Мукабенова // Язык, литература, ментальность : разнообразие культурных практик. – Курск, 2016. – № 2. – С. 57-60.
128. Мукабенова, Ж. А. Лексика, отражающая традиционную пищу калмыков : этнолингвистический аспект / Ж. А. Мукабенова, Н. Ч. Очирова, Н. Н. Шарапова // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 4(44). – С. 93-99.
129. Мукабенова, Ж. А. Лингвоколористика как способ отражения этноментальных особенностей культуры : к постановке проблемы / Ж. А. Мукабенова, Н. А. Боженкова // Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве : материалы VI Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов, 26-27 февраля 2015 года. – Курск, 2015. – С. 49-53.
130. Мукабенова Ж.А. Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках / Ж.А. Мукабенова, Р.П. Харчевникова, М.У. Монраев, Д.А. Сусеева, П.Ц. Биткеев // Litera. – 2023. – № 12. – С. 206-215. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69285 EDN: FTAOCK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69285
131. Мукабенова, Ж. А. Роль цвета в рекламных текстах / Ж. А. Мукабенова // Сетевое востоковедение : образование, наука, культура. – Элиста : Калм. ун-т, 2017. – С. 134-136.
132. Мукабенова, Ж. А. Семантика и символика цвета в языке фольклора : на примере калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар» / Ж. А. Мукабенова, В. В. Салыкова // Сравнительно-типологические исследования на

материале монгольских и тюркских языков : коллективная монография. – Элиста : КалмГУ, 2021. – С. 123-127.

133. Мукабенова, Ж. А. Традиционная пища калмыков в семейно-бытовой обрядности / Ж. А. Мукабенова, А. Б. Лиджиев // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2020. – Вып. 3. – С. 94-98.

134. Мукабенова Ж.А. Цвет в коммуникативном поведении калмыков / С.Н. Артаев, Б.В. Барина, Ж.А. Мукабенова, Г.А. Горяев // Мир науки. Социология, филология и культурология. – 2019. – № 4 – Том 10. <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

135. Мукабенова, Ж. А. Черный и белый цвет в языковом сознании калмыков и корейцев (по результатам ассоциативного эксперимента) / Ж.А. Мукабенова // Вестник Калмыцкого университета. – 2024. – №3. – с. 93-104.

136. Муратова Р. Т. Генезис, развитие и лексическая семантика цветообозначения qıdıl ‘красный’ в башкирском языке / Р. Т. Муратова // Oriental Studies. – 2018. № 5. – С. 120–131.

137. Муратова Р. Т. Названия для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке. / Р. Т. Муратова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23, № 2: Филология. – С. 68–75.

138. Мушаев, В. Н. Средства сравнения в произведениях калмыцкого фольклора («72 небылицы» и «Седклин кюр») / В. Н. Мушаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 4 (36). – С. 91-99.

139. Мушаев, В. Н. Цвет в культуре корейского народа / В. Н. Мушаев, Ж. А. Мукабенова // Кореистика в России : направление и развитие. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 89-93.

140. Мушаев, В. Н. Цвет как символ в калмыцком, казахском и корейском языках / В.Н. Мушаев, Ж.А. Мукабенова, Г.М. Болат // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований. Материалы IV Международного науч. форума. – 2020. – С. 144–147.

141. Мушаева, О. К. Регулятивные концепты разносистемных лингвокультур / О. К. Мушаева. – Элиста : КалМГУ, 2010. – 158 с.
142. Намжилон. Ц. Б. Лексика северноселенгинского говора как фактор организации внутриэтнического и межэтнического общения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.16 / Намжилон Цыретон Намжиловна. – Улан-Удэ, 1997. – 22с.
143. Норманская, Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках / Ю. В. Норманская. – М., 2005. – 379 с.
144. Ойноткинова, Н. Р. Цветообозначения в мифологическом дискурсе алтайцев / Н. Р. Ойноткинова. – DOI:10.23951/2307-6119-2021-1-47-63 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – Вып. 1 (31). – С. 47-63.
145. Олядыкова, Л. Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова : на материале произведений в русском переводе / Л. Б. Олядыкова. – Элиста : Джангар, 2007. – 384 с.
146. Олядыкова, Л. Б. Сакральный белый цвет в монгольских и русском языках / Л. Б. Олядыкова // Научная мысль Кавказа : спецвыпуск. – 2006. – № 5. – С. 118-124.
147. Омакаева, Э. У. Колоративный образ этнической культуры: лингвоцветовая картина мира и базовая хроматическая лексика в монгольских языках : к постановке проблемы / Э. У. Омакаева // Единая Калмыкия в единой России : через века в будущее : материалы международной научной конференции, Элиста, 13-18 сентября 2009а. Ч. 2. – Элиста : Джангар, 2009а. – С. 269-276.
148. Омакаева, Э. У. Песенный фольклор монгольских народов : наследие и современность : по материалам полевых исследований / Э. У. Омакаева, А. Алимаа // Фольклор в контексте культуры : материалы Всероссийской научной конференции, 12 марта 2009б. – Махачкала, 2009б. – С. 44-48.
149. Омакаева, Э. У. Цвет и цветовые триады в социокультурном пространстве монголоязычного мира : отражение многокрасочности окружающей среды / Э.

- У. Омакаева // IX конгресс этнографов и антропологов России, Петрозаводск, 04-08 июля 2011 года. – Петрозаводск, 2011. – С. 344-347.
150. Омакаева, Э. У. Цветовой код калмыцкого героического эпоса «Джангар» / Э. У. Омакаева // Социальные трансформации. – 2019а. – № 30. – С. 146-153.
151. Омакаева, Э. У. Цветовые предпочтения калмыков в зеркале эпического лексикона на фоне русской колоративной лексики / Э. У. Омакаева // Сетевое востоковедение : взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве : материалы III Международного научного форума, Элиста, 2019 – Элиста : КалмГУ, 2019б. – С. 121-125.
152. Омакаева, Э. У. Цветовые представления калмыков сквозь призму типологии языков и типологии культур / Э. У. Омакаева // Культурноисторическое взаимодействие русского языка и языков народов России : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Элиста, 2009в. – С. 84-88.
153. Омакаева, Э. У. Число и цвет в текстах калмыцкой мифоритуальной традиции / Э. У. Омакаева // Смыслы мифа : мифология в истории и культуре : сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Вып. 8. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 65-67.
154. Оразалиева, Э. Когнитивная лингвистика : становление и развитие / Э. Оразалиева. – Алматы : Арыс, 2006. – 312 с.
155. Охрицкая, Н. М. Лингвокультурологический аспект цветоименований в испанских фразеологизмах / Н. М. Охрицкая // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 29 (210). – С. 110-115.
156. Очир-Гаряев, В. Э. Калмыцкие названия колодцев // Ономастика Поволжья : труды IV Поволжской конференции по ономастике. – Саранск, 1976. – С. 266-268.
157. Очир-Гаряев, В. Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках / В. Э. Очир-Гаряев // Ономастика Калмыкии : сборник научных трудов. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1983. – С. 3-32.

158. Панкратьева, А. С. Цветовые прилагательные романа М.Шолохова «Тихий Дон»: (С прил. раздела "Некоторые особенности перевода цветообозначений романа на узб. яз.") : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.660 / Панкратьева, Анна Сергеевна. – Ташкент, 1970. – 33 с.
159. Пестова, В. В. Лингвокультурология : учебно-методическое пособие / В. В. Пестова. – Самара : СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2022. – 48 с. – URL: <https://samara.mgpu.ru/files/elibrary/filologia/Pestova.pdf2022> (дата обращения: 16.02.2024).
160. Пименова, М. В. Этнокультурный аспект семантических отношений : на материале цветowych прилагательных, обозначающих красный тон, в русском и монгольском языках / М. В. Пименова // Этнопсихологические аспекты речевого общения : тезисы докладов межвузовской конференции. – Самарканд, 1990. – С. 92-94.
161. Позднеев, А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / А. М. Позднеев. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1887. – 492 с.
162. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ-Восток-Запад, 2007. – 314 с.
163. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.
164. Пюрбеев Г. Ц. Эпос "Джангар" : культура и язык : этнолингвистические этюды / Г. Ц. Пюрбеев. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1993. – 127 с.
165. Рахилина, Е. В. О семантике прилагательных цвета / Е. В. Рахилина // Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ. – Москва : КомКнига, 2007. – С. 29-39.
166. Рахилина, Е. В. О цветном и бесцветном / Е. В. Рахилина // Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость. – Москва : Русские словари, 2000. – С. 267-278.

167. Ревель, Ж. История ментальностей : опыт обзора / Ж. Ревель // Споры о главном : сборник статей. – Москва, 1993. – С. 51-58.
168. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – 215 с.
169. Салыкова, В. В. Колоративная лексика в языке синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар» : сравнительно-статистический анализ / В. В. Салыкова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 2. – С. 32-35.
170. Самбуева, С. Б. Семантика цветовых предпочтений в традиционной культуре бурят / С. Б. Самбуева // К 100-летию Т. А. Бертагаева : материалы международной научно-практической конференции, 13 октября 2005 г. – Улан-Удэ, 2005. – С. 78-83.
171. Санжина, Д. Д. Использование фразеологизмов в бурятских исторических романах / Д. Д. Санжина // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. – Улан-Удэ, 1985. – С. 102-114.
172. Санжина, Д. Д. Цветообозначение в монгольских языках : лингвокультурологический аспект / Д. Д. Санжина. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2018. – 134 с.
173. Сарангаева, Ж. Н. Лингвокультурологические особенности гостеприимства в калмыцком, русском и британском языковом сознании / Ж. Н. Сарангаева // Личность в парадигме межкультурной коммуникации : язык – культура – образование – музей : материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Элиста : КалмГУ, 2016. – С. 12-14.
174. Светличная, Т. Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английских и русских языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Светличная Татьяна Юрьевна. – Пятигорск, 2003. – 17 с.

175. Семенова, О. Р. Отражение картины цветового пространства : на материале ассоциативного эксперимента в молодежной среде / О. Р. Семенова // Проблемы филологии в синхронии и диахронии : сборник статей к юбилею профессора Л.А. Глинкиной / ответственный редактор С. Г. Сулежкова. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2005. – С. 249-256.
176. Семенова, В. И. Прилагательные цветообозначения в роли интенсификаторов : на материале бурятского и монгольского языков / В. И. Семенова // Языки и письменные источники монгольских народов : материалы международной научной конференции, проведенной в рамках конвента монголов мира. – Улан-Удэ, 2010. – С. 51-53.
177. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : переводы с английского / Э. Сепир. – Москва, 1993. – 656 с.
178. Серов, Н. В. Цвет культуры : психология, культурология, физиология / Н. В. Серов. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 672 с.
179. Сеченов, И. М. Психологические этюды / И. М. Сеченов. – Санкт-Петербург : тип. Ф.С. Сущинского, 1873. – 225 с.
180. Сорокин, Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику / Ю. А. Сорокин. – Ульяновск : УлГУ, 1998а.
181. Сорокин, Ю. А. Этническая конфликтология : теоретические и экспериментальные фрагменты / Ю. А. Сорокин. – Москва : Институт проблем риска, 2007. – 118 с.
182. Телия, В. Н. Метафора и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. – М., 1988.
183. Тен Мен Хи. Культурно-национальные особенности цвета в культуре Кореи / Мен Хи Тен, Э.Х. Лим // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : электронный сборник статей по материалам LXXVI студенческой международной научно-практической конференции – Новосибирск, 2019. – URL: [https://sibac.info/archive/guman/4\(76\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/4(76).pdf) (дата обращения: 12.03.2023).

184. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова – Москва : Слово, 2000. – 146 с.
185. Тимофеева, А. М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира : на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук :10.02.20 / Тимофеева Альбина Михайловна. – Екатеринбург, 2003. – 18 с.
186. Ткачев, В. Е. Цвет и пространство в монгольской архитектуре / В. Е. Ткачев // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 3. – С. 107-113.
187. Тойшибаева, Г. К. Цветовая лексика (состав, семантические преобразования, функции в художественном тексте на материале произведений Ф. М. Достоевского): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Тойшибаева Гульжан Каирлыновна. – Москва, 1990. – 16 с.
188. Тодаева, Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» / Б. Х. Тодаева. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1976. – 530 с.
189. Токарев, В. Г. Лингвокультурология : учебное пособие / В. Г. Токарев. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.
190. Тонквист, Г. Аспекты цвета. Что они значат и как могут быть использованы / Г. Тонквист // Проблема цвета в психологии / ответственные редакторы А. А. Митькин, Н. Н. Корж. – Москва : Наука, 1993. – 204 с.
191. Убушиева (Мукабенова), Ж. А. Символика желтого цвета в языковой традиции калмыков / Ж. А. Убушиева (Мукабенова) // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – Вып. 3 (55). – С. 16-113.
192. Убушиева (Мукабенова), Ж. А. Символика красного цвета в языковой традиции калмыков / Ж. А. Убушиева (Мукабенова), В. Н. Мушаев // Вестник Бурятского государственного университета. Филология 2022. – № 3. – С. 29-35.
193. Уланов, М. С. Образ женщины-матери в махаянской традиции буддизма : на примере буддийской культуры ойратов / М. С. Уланов, Ю. Ю. Эрендженова

// Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4 (57). – С. 137-144.

194. Уланов, М. С. Религиозная культура калмыцкого этноса в контексте взаимодействия буддийской и шаманской традиций / М. С. Уланов // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 1 (29). – С. 112-119.

195. Урванцев, Л. П. Психология восприятия цвета : методическое пособие / Л. П. Урванцев. – Ярославль, 1981. – 169 с.

196. Ургадудова, А. И. Представления о красном цвете в калмыцкой и русской лингвокультурах : семантика и сочетаемость колоратива улан/красный / А. И. Ургадудова, Э. У. Омакаева // *Nomadic civilization : historical research*. – 2024. – Т. 1, № 4. – С. 72-85. – URL: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-1-72-85> (дата обращения: 25.06.2024).

197. Уфимцева, Н. В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть об одной гипотезе Ю.Н. Караулова / Н. В. Уфимцева, О. В. Балясника // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – № 2. – С. 238-254.

198. Файзуллина, З. С. Этнокультурные особенности цветообозначения в современном башкирском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Файзуллина Зилия Салаватовна. – Уфа, 2005. – 170 с.

199. Филология и культура : материалы II-й международной конференции : в 3 частях. Ч. 3. – Тамбов, 1999.

200. Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – Москва : ИНИОН, 1992. – С. 28-43.

201. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика : учебник для студентов вузов / Р. М. Фрумкина. – Москва : Академия, 2001. – 320 с.

202. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство : аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.

203. Хабунова, Е. Э. Топонимы в фольклорном тексте калмыков : на материале научной экспедиции Калмыцкого госуниверситета /Е. Э. Хабунова, Д. Б. Гедеева, Б. Э. Убушиева // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 3. – С. 242-258. – URL: <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/39> (дата обращения: 28.06.2023).
204. Хальмг туульс = [Калмыцкие сказки]. Т. 1. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1961. – 220 с.
205. Хальмг туульс = [Калмыцкие сказки]. Т. 2. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1968. – 266 с.
206. Хальмг фольклор. – Элиста, 1941. – 466 с.
207. Хинзеева, Д. П. Цветообозначение в бурятском языке : лингвокультурологический аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.22 / Хинзеева Дарима Петровна. – Улан-Удэ, 2011. – 176 с.
208. Хлебников, В. А. Калмыки / В. А. Хлебников // Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова. – Фонд В.А. Хлебникова. – К.П. 6795/252.
209. Хонинов, В. Н. Калмыцкая топонимия : лингвокультурологический аспект / В. Н. Хонинов. – Элиста : Джангар, 2010. – 160 с.
210. Центр по развитию калмыцкого языка [сайт]. – URL: <https://baylig.ru/novosti/tajny-eposa-dzhangar-personazh-shulmus-5/> (дата обращения: 13.04.2024).
211. Цыганова, С. А. Цветообозначение в фольклоре : символика, смысл, традиция / С. А. Цыганова // *Mentalität. Konzept. Gender. Landau* : Verlag Empirische Pädagogik. – 2000. – S. 79-99.
212. Чве Ен Ги. Символика цветообозначений в русских и корейских выражениях и их перевод / Чве Ен Ги, Чве Джин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12, вып. 3. – С. 332-347. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.302> (дата обращения: 06.11.2022).

213. Шараева, Т. И. К проблеме изучения маркеров рода : символика и функции «өлгц» / Т. И. Шараева // Монголоведение. – 2003. – Т. 2, № 1. – С. 265-272.
214. Шараева, Т. И. Понятие «счастье» («кишг») в культуре калмыков / Т. И. Шараева // Единая Калмыкия в единой России : через века в будущее : материалы Международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, г. Элиста, 13-18 сентября 2009 г. – Элиста : Джангар, 2009. – С. 639-643.
215. Шараева, Т. И. Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев / Т. И. Шараева, Е. В. Айыжы // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 4. – С. 140-153.
216. Шмелев, А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира / А. Д. Шмелев // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.: в 2 томах. Т. I / под редакцией Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 309-318.
217. Щим, Л. В. «Восприятие цвета" в корейском языке / Л. В. Щим, И. С. Львова // Известия корееведения в Центральной Азии. – 2007. – Т. 14.
218. Эрдниева, Э. В. Функционирование фразеологизмов-сравнений, выражающих качество человека, в разных языках / Э. В. Эрдниева // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 3 (31). – С. 77-83.
219. Этнокультурная специфика языкового сознания : сборник статей / ответственный редактор Н. В. Уфимцева. – Москва : Институт языкознания, 1996. – 226 с.
220. Этнопсихоллингвистика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – 190 с.
221. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / ответственные редакторы З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2002. – 313 с.

222. Языковое сознание и образ мира : сборник научных статей / ответственный редактор Н. В. Уфимцева. – Москва : Ин-т языкознания, 2000. – 318 с.
223. Якимов, П. А. Структура и признаки семантического поля (на материале семантического поля «бог») // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 16 (135). – С. 597-599.
224. Яньшин, П. В. Психосемантика цвета : учебное пособие для вузов / П. В. Яньшин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 417 с.
225. Hyejeong, K. Korean Cultural Heritage. Seen through Pictures and Names / K. Hyejeong. – Seoul : Korea Foundation, 2002. – 300 p.
226. Chafe, W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view / W. Chafe // Subject and topic : A new typology of language / ed. by C.N. Li. – N.Y. : Academic Press, 1976. – P. 25-55.
227. 경노훈, 「음양오행의 오방색에 의한 기업 캐릭터의 색에 관한 연구: 한국전통 색을 활용한 캐릭터를 중심으로. – P. 4. = [Кён Нохун. Исследование цвета корпоративных символов по цвету теории Инь и Ян : сосредоточение внимания на персонажах, использующих традиционные корейские цвета. С. 4.].
228. 김 상 미 · 권 영 속 전통색의 의미와 현대적 활용 방안에 관한 연구. Kim Sang-Mi · Kwon Young-Suk A Study on the Meanings and Modern Applications of Korean Traditional Colors // Journal of Korean Traditional Costume. – 2014. – Vol. 17, No. 3. – P. 109-12.
229. 김희성 (2019). “아파트 주거공간의 오방색 적용에 관한 연구: 동서사택론에 의한 공간 배치 평가를 중심으로.” 박사학위, 상명대학교 일반대학원. [= Ким Хисон. Исследование применения пяти цветов и пяти направлений в жилом пространстве квартиры: фокус на оценке

пространственной организации на основе теории жилого помещения Восток-Запад : Докторская степень / Ким Хисон ; Высшая школа Университета Санмён. – Чхонан, 2019].

230. 김희성, 조인숙, 신화경 (2018). 「현대주거공간의 오방색 선호에 관한연구」 『한국공간디자인논문집』 제 54 권,: 요약. [=Ким Хисон, Исследование о предпочтении пяти цветов в современном жилом пространстве / Ким Хисон, Чжо Инсук, Шин Хвагён // Документы по дизайну пространства Кореи. – 2018. – Т. 54].

231. 나지영 (2002), “한국 색채의 상징성과 일상성”, 조형예술연구 6, 상명대학교 조형예술 연구소. [= На Джиён. Символика и повседневность корейских цветов / На Джиён // Исследование пластических искусств. 6. – Чхонан : Научно-исследовательский институт пластических искусств Университета Санмён, 2002].

232. 류미선 (2017). “오방색을 통해 본 한국 근대 회화 연구: 김환기, 유영국, 김기창, 박생광을 중심으로.” 박사학위, 계명대학교 대학원 [= Рю Мисон. Исследование современной корейской живописи на пяти основных цветах : с акцентом на Ким Хванги, Ю Ёнгука, Ким Кичанга и Пак Сэнквана : доктор философии / Рю Мисон ; Высшая школа Университета Кеймён. – Тэгу, 2017].

233. 박상익(1978). “색동에 대한 연구.” 석사학위, 이화여자대학교 교육대학원. [= Пак Сани. Исследование цветообозначений. Магистерская диссертация, Женский университет Ихва, 1978].

234. 백영자 (1985). “우리나라 노부의위(鹵簿儀衛)에 관한 研究: 儀仗, 儀禮服의 制度및 그 象徵性を 中心으로.” 박사학위, 이화여자대학교 대학원. [=Пэк Ёнджа. «Исследование положения нобу в нашей стране: ритуал, статус

обрядов и их ценность в среднем сознании». Докторантура, Женский университет Ихва, 1985].

235. 서옥경 (2009). 색동을 응용한 문화상품 디자인

연구」 『한국디자인문화학회지』 제 15 권 3 호 : 요약. [= Seo Okken.

Исследование культурного дизайна продукта с применением Color Dong : краткое содержание / Со Оккён // Журнал корейского дизайна и культуры. – 2009. – Т. 15, № 3].

236. 서유리 (2012). 음양오행설에 근거한 오방색의 색채연구. 영남대학교 [=

Со Юри. Цветовое исследование пяти основных цветов, основанное на теории инь-ян и пяти стихий / Со Юри; Юньнаньский университет. – Юньнань, 2012. – 91 с.].

237. 서유리, 에니어그램 성격유형에 따른 색채인지도 및 선호도 차이:

고등학교 1, 2 학년을 대상으로, p. 98. [= Со Юри. Различия в восприятии цвета и предпочтениях в зависимости от типа личности по Эннеаграмме : ориентированы на учеников первого и второго курса старшей школы. С. 98].

238. 선다혜 (2017). “기하학적 모듈화를 이용한 섬유조형의 서정성 표현

연구.” 박사학위, 홍익대학교 대학원. [= Сон Дахе. Исследование выражения лиризма в текстильной скульптуре с использованием геометрической модульности / Сон Дахе. – Сеул : Высшая школа Университета Хонгик, 2017].

239. 송다나 (2014). “에폭시 수지를 이용한 전통 헤어 장신구 개발 연구:

오방색을 중심으로.” 박사학위, 서경대학교 일반대학원. = [Сон Дана.

Исследование разработки традиционных аксессуаров для волос с использованием эпоксидной смолы : на материале пяти основных цветов : докторская степень ; Высшая школа Университета Сокён. – Сеул, 2014].

240. 신 옥 (2017). “상반된 감정의 색채이미지와 회화적 표현에 관한 연구: 본인 작품을 중심으로.” 박사학위, 홍익대학교 대학원. = [Шин Ок. Исследование цветных изображений и графических выражений противоречивых эмоций : доктор философии. – Сеул : Высшая школа Университета Хонгик, 2017].
241. 신석주 (2016). 샤머니즘을 바탕으로 한 한국 미학, 동아시아고대학. [= Шин Сокчжу. Корейская эстетика, основанная на шаманизме / Шин Сокчжу // Восточноазиатский высший университет. – 2016. – № 42. – С. 149-174].
242. 양 민 지 (2016). 터키인과 색(色) : 오방색의 상징과 문화코드 // Turkie economic belt / issue paper. February. – 2016. – № 14. – P. 56-61. [= Ян Минчжи. Турки и цвета: символы и культурные коды пяти основных цветов / Ян Минчжи // Тюркский экономический пояс. – 2016. – № 14. – с. 56-61].
243. 윤해옥 (2016). “색채 감성과 오방색 선호도에 따른 대인관계 관련성 연구.” 박사학위, 전남대학교 대학원. = [Хэ Окюн. «Исследование межличностных отношений в зависимости от цветовой чувствительности и предпочтения пяти основных цветов». Докторская степень, Высшая школа Национального университета Чоннам, 2016].
244. 이은섭 (2008). 한국어와 일본어의 색채어 형성 대비 연구 . 이종언어학회. [=Ли Ын Соп. Изучение словообразований цветолексем в корейском и японском языках. Научная конференция по изучению двуязычия. 2008]
245. 조영수 (2003). “한국어, 독일어, 영어에 나타난 색깔의 상징의미(2)-빨강, 노랑, 초록”, 독어학 8, 한국독어학회. = [Чо Ёнсу. Символическое значение цветов в корейском, немецком и английском языках (2) - красный, желтый,

зеленый / Чо Ёнсу // Германистика. – 2003. – 8 (Корейское общество германистики)].

246. 최인려 방혜경 김여주 (2008) 전통색에 관한연구/ The Research Journal of the Costume Culture 제 16 권 제 2 호. – 2008. – 4. – P. 397-407. = [Чхве Инрё, Исследование традиционных цветов / Чхве Инрё, Бан Хегён, Ким Ёчжу // Журнал исследований культуры костюма. – 2008. – № 4. – С. 397-407].

247. 황해영 (2018). 한·중 색채어 관련 관용구 대조분석: (‘검다’, ‘黑’, ‘희다’, ‘白’)를 중심으로) 인문사회 21, 제 9 권 4 호 = [Хван Хэён. Сравнительный анализ идиоматических выражений, связанных с цветовыми терминами, в корейском и китайском языках (черный и белый цвета) / Хван Хэён // Гуманитарные и социальные исследования. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 1377-1392].

СЛОВАРИ

248. Древнетюркский словарь / под редакцией В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев [и др.] ; Институт языкознания АН СССР. – Ленинград, 1969. – 715 с.

249. Кичикова, Н. А. Топонимический словарь Республики Калмыкия / Н. А. Кичикова, Э. Б. Манджиева И. В. Супрун. – Элиста : Джангар, 2017. – 272 с.

250. Крылова, Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка / Г. А. Крылова. – URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 27.08.2022).

251. Словарь топонимов Республики Калмыкия = Хальмг Таңһчин һазр-усна нердин толь бичг / Д. Б. Гедеева, Б. Э. Убушиева, Л. А. Лиджиева, Б. В. Баринаова. – Элиста : КалмНЦ РАН, 2019. – 344 с.

252. Частотный словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» / составители С. Е. Бачаева [и др.]. – Элиста : КалмНЦ РАН, 2017. – 161 с.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

253. Калмыцкий национальный корпус. http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru
254. Калмыцко-русский словарь / под редакцией Б. Д. Муниева. – Москва : Русский язык, 1977. – 768 с.
255. Корейско-русский словарь : около 170000 слов и словосочетаний / составители А. Кан, Ким Чун Сик. – Сеул : Мун Еи Лим, 2009. – 1991 с.
256. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / составитель Г. Ц. Пюрбеев; редактор Б. Д. Муниев. – Москва ; Элиста : Ин-т языкознания АН СССР : КНИИЯЛИ, 1971. – 60 с.
257. Мушаев, В. Н. Хальмг келнэ келц үгмүд = Фразеологические сочетания современного калмыцкого языка : учебное пособие / В. Н. Мушаев. – Элиста. 2011. – 26 с.
258. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / составитель Б. Х. Тодаева. – Элиста : Джангар. 2007 – 839 с.
259. Сборник пословиц и поговорок : учебное пособие / под редакцией В. Н. Мушаева. – Элиста, 2022. – 103 с.
260. Хальмг келнэ келц үгмүдин толь = Фразеологический словарь калмыцкого языка / Э. Ч. Бардаев, Б. Д. Муниев. – Элст : Хальмг дегтр һарһач, 1990. – 142 с.
261. Хальмг келнэ келц үгмүдин толь = Фразеологический словарь калмыцкого языка / Э. Ч. Бардаев, Г. Ц. Пюрбеев, Б. Д. Муниев, В. Н. Мушаев. – Элиста : АУ РК «РИА Калмыкия», 2018. – 286 с.
262. Хуучн үгд худл уга : кеерин хураңһу материал = Истина древней словесности : коллекция экспедиционных материалов / составитель Е. Э. Хабунова. – Элст: Джангар, 2018. – 316 с.
263. Wordrow. Электронный словарь корейского языка – URL: <https://wordrow.kr> (дата обращения: 18.05.2024).
264. 고려대학교 한국어대사전. 민족문화연구원. 2009. [= Большой словарь

- корейского языка университета Корё. Институт этнической культуры. – 2009.]
265. 곽은희 (2018). 속담 속 색채어의 의미 연구 [= Квак Ынхи. Исследование цветолексем в корейских пословицах / Квак Ынхи. – 2018. – IP 165.132.5.XXX 07.06. 2018].
266. 김도환(1993) , 한국속담활용사전 , 한울아카데미 665 pp.[= Ким Дохван. Практический словарь корейских пословиц / Ким Дохван; Академия Хануль. – 1993. 665 с.],
267. 김영철 (2003). “우리말 관용어의 상징 의미 연구-색채어를 대상으로”, 국어문학 38, 국어문학회, 55-72. [= Ким Ёнчхоль. Исследование символического значения корейских идиом – определение цветных слов / Ким Ёнчхоль // Корейский язык и литература. 38, Корейское общество языка и литературы, – 2003. – С. 55-72].
268. 네이버 국어사전 관용구 [= Идиомы корейского словаря Naver]. – URL: <http://dic.naver.com/>].
269. 문세영 (1942).조선어 사전 / 문세영; 조선어사전 간행회. [= Мун Сеён. Словарь корейского языка / Мун Сеён ; Общество публикации корейских словарей. – 1942].
270. 박동근 (2012). 한국어 기본 색깔말의 원형과 뜻풀이. 제 16 집, 한국문법교육학회. (2012).[= Пак, Донгын. Исходная форма и значение основных корейских цветовых слов. / Донгын Пак // Научная конференция по методике и грамматике корейского языка. – выпуск 16. – 2012.
271. 연세 한국어 사전 (1998). 연세대학교언어정보개발연구원 , 두산동아 [= Словарь корейского языка Ёнсе / Институт развития языковой информации университета Ёнсе. – Дусан Дон-А. – 1998],
272. 이기문 (1994), 새국어사전 동아출판사 [= Ли, Гимун. Новый словарь

корейского языка / Ли Гимун. – Изд-во Дон-А. – 1994].

273. 이선종 (2008). 한국의 속담 대백과. 아이템박스 [= Ли Сончжон. Большая энциклопедия корейских пословиц. – Айтембукс. – 2008].

274. 이재만 (2005). 한국의 색 , 일진사. [= Ли, Чжэман. Цвет Кореи – Ильджинса. – 2005].

275. 장경현 (2008). 속담 속 색채 표현의 의미 형성. 한국어 의미학, 25, 187-222. 2. [= Чжан, Гёнхён. Формирование значения цветовых выражений в пословицах / Чжан Гёнхён // Корейская семантика. – 2008. – 25. – С. 187-222].

276. 표준국어대사전(1999). 국립국어원. ISBN 978-8-900-08422-1. URL: <http://stdict.korean.go.kr/main/main.do>. – 7328. [= Большой словарь корейского языка. – Национальный институт корейского языка. Дусан Дон-А – 1999. – 7328 с.].

277. 우리말 큰사전 어문각. 한글학회편집 – № 4. – 1991 [= Большой словарь корейского языка. / Составитель О Мунгак. Научное сообщество корейского языка. – 1991].

Цветообозначение «белый» - цаһан

Калмыцкие пословицы

Пословицы на калмыцком языке	Перевод на русский язык
<i>Сән залу зарһд унси Цаһан мөрн бальчгт унси мет.</i>	‘Хороший мужчина, попавший под суд, То же, что белая лошадь, упавшая в грязь’
<i>Залу күн зарһла харһси Цаһан мөрн бальчгт унси хойр әдл</i>	‘Мужчине, оказавшемуся под судом И белому коню, упавшему в грязь – одинаково’
<i>Залу күн худл келси Цаһан мөрн шорад көлврснлә әдл</i>	‘Мужчина, сказавший неправду, подобен Белой лошади, повалявшейся в пыли’
<i>Хумха цаһан үүлн – теңгрин хутхур, Хо цаһан гергн – хотна хутхур.</i>	‘Белые перистые облака – причина непогоды, Белолицая женщина – причина ссор в хотоне’
<i>Хумха цаһан үүлн задин хутхур, Хо цаһан баавһа – хотна хутхур</i>	‘Бело-синее облако – причина непогоды, Белолицая женщина – причина ссор в хотоне’
<i>Темән цаһан үүлн хархла теңгр һазрт амр уга, Тенңкә муңхг көвүн хархла аав ээжд амр уга. –</i>	‘Когда появляются белые кучевые облака, нет покоя небу и земле, Когда рождается глуповатый сын, нет покоя родителям’
<i>Эр күмни әҷирһл Эрвң цаһан көдә.</i>	‘Счастье мужчины – Жизнь в безбрежной вольной степи’
<i>Мөңгн цаһан, Нүдн улан.</i>	Деньги (серебряные монеты) белые, а– Глаза красные (алчные).
<i>Цаһан мөрн олдв чигн – Цаг олдш уга. –</i>	‘Хоть и найдется белый конь, но время не вернется’.
<i>Цаг негәр йовдг уга, – Цәкрм цаһанар бәәдг уга. –</i>	‘Время течет, изменяется, Ирис белым не остается’
<i>Цаһан мөңг олхнь килвр, Цаг мөч алдхнь берк,</i>	‘Найти серебряную монету просто, Упустить время досадно’
<i>Цаһан седклтә күүнә хаалһнь Кезә чигн секәтә.</i>	‘У кого душа открыта, Тому и путь открыт’
<i>Зүснь цаһан, Зүркнь хар.</i>	‘Обликом белый, Душой темный (черный)’
<i>Келнәнн кеег һарһж, Керсңгинн цаһаныг үзүлх.</i>	‘Красоту своей речи продемонстрировать, Белизну груди своей показать’
<i>Цаһан санаһар йоввл, Цаатк кергчн бүтнә.</i>	‘Если быть доброжелательным к людям, Дела твои будут исполняться’.
<i>Сән му үгиг йилһж соңсдг, Хар цаһан кергиг йилһж шүүдг.</i>	‘Добрые и плохие слова выслушивают отдельно, Плохие и добрые дела рассматривают раздельно’.
<i>Цаһанас мунь цасн, Цагин мунь – дән.</i>	‘Худшее из всего белого – снег, Худшее из всех событий – война’.
<i>Сахл цаһан болхла, Укл өөрддг мөн.</i>	‘Когда борода бела, То смерть близка’
<i>Нүүрс яһж уһав чигн Цаһан болхи.</i>	‘Как ни смывай уголь, Он не станет белым’.
<i>Дегд хурц шулун мокдг,</i>	‘Слишком острое быстро тупится,

<i>Дегд цаһан шулуһ киртдг.</i>	Слишком белое быстро грязнится’.
<i>Идсн уусар болх уга, Угин цаһан седкләр болна.</i>	‘Все получается не от того, что поел, попил, А от искренности чувств’.
<i>Цаһаныг харлулх килвр, Хариг цээлһх күчр.</i>	‘Белое сделать черным – легко, А черное сделать белым – трудно’.
<i>Келхнь цаһан, Кехнь хар.</i>	‘Говорить о белом (добре), А делать черное (зло)’.
<i>Хо цаһан баавһа хотна хутхур</i>	‘Белолицая женщина – причина раздоров в хотоне’.
<i>Деегүр санан хольжадг, Дегд цаһан киртдг.</i>	‘Высокомерие отдаляет человека, Слишком белое быстро марается’.
<i>Деегүр санан үрэдг, Дегд цаһан киртдг.</i>	‘Высокомерие портит человека, Очень белое быстро марается’.
<i>Деегүр санан зээлдг, Дегд цаһан киртдг.</i>	‘Высокомерие отдаляет человека, Слишком белое быстро марается’.
<i>Дегд цаһан шулуһар киртдг, Деегүр санан бийиг үрэдг.</i>	‘Слишком белое быстро пачкается, Высокомерие портит человека’.
<i>Зара бийән жөөлн гинә, Керә бийән цаһан гинә.</i>	‘Ёж считает свое тело не колючим, а Ворона считает себя белой’.
<i>Үкрнь хар болв чигн Үснь цаһан болдг.</i>	‘Хотя корова черной масти, Но дает молока белого цвета’.
<i>Нег экәс цаһан чигн – Хар чигн хурһн хардг.</i>	‘От одной матки (овцы) родится и белый, И черный ягненок (≈ у одной матери рождаются разные дети’.
<i>Цаһан үкрәс хар туһл хардг.</i>	‘И у белой коровы черный теленок’.
<i>Улан чолуг махн гих, – Цаһан чолуг өөкн гих.</i>	‘Принимать красный камень за мясо, А белый камень – за сало’.
<i>Цоохрин мах идсн күн Цаһан идәнд дурн уга болдг.</i>	‘Человек, питающийся севрюгой, Не любит молочные (белые) продукты’.
<i>Цадхлң күүнд цаһан хурһна сүл һашун болж медгддг Өлн күүнд үкрин өвр жөөлн болж медгддг.</i>	‘Сытому и курдюк белого ягненка покажется горьким, Голодному человеку и рога коровы покажутся мягкими’.
<i>Цадхла цаһан хурһна сүл һашун, Өлсхлә өл буһин өвр әмтәхн.</i>	‘Когда сыт, горчит курдюк белого ягненка, Когда голоден сладки рога сизого оленя’.
<i>Цадхд цаһан хурһна сүл хату, – Өлсхд өлг буһин өвр жөөлн.</i>	‘Когда сыт, курдюк белого ягненка кажется жестким, Когда голоден, рога сизого оленя – мягкими’.

Фразеологизмы

На калмыцком языке	Перевод на русский язык
<i>Эрүн цаһан седкләр.</i>	‘От чистого сердца, искренне от души’.
<i>Хар-цаһан үг келгә.</i>	‘Молча, ничего не говоря’.
<i>Цаһан седкл</i>	букв. ‘милая, добрая душа’
<i>Цаһан седкләсн</i>	(букв. ‘от белого сердца’)
<i>Цаһа санх</i>	‘белое думать’
<i>Хаалһтн цаһан болтха!</i>	‘Счастливого пути’ (букв. ‘пусть ваша дорога будет белой’)
<i>Цаһан санан, цаһан саната –</i>	‘добрые мысли’, ‘с белыми мыслями’
<i>Цаһан яста улс (күн)</i>	‘аристократы’

<i>Цаһан гихлэ – хар гидг</i>	‘толковать что-либо не так, как есть на самом деле, а наоборот’
<i>Цадхла – цаһан хурһна сүүлчн һашун.</i>	‘Сытому и деликатес хвоста белого ягненка покажется горьким’
<i>Цаг негэр йовдго, цэкрм цаһан болдго.</i>	‘Все течет, все изменяется’
<i>Өргнэ сахл цаһахла – үклин зэңг</i>	‘Седина в бороду – весть о смерти’
<i>Цаһан (өдрэн) күләх</i>	‘Ждать последнего часа своей жизни, доживать последние дни’
<i>Һал цаһан өдрэр</i>	‘Средь бела дня’.
<i>Цаһан мөрн олдв чигн, цаг олдш уга</i>	‘Хоть и найдется белый конь, но время не вернется’

Цветобозначение «черный» - хар

Калмыцкие пословицы

На калмыцком языке	Перевод на русский язык
<i>Эрг эс нурвл эр хар чолун гидг, Эр эс эндүрвл эзн суута гидг.</i>	‘Если берег не обваливается, то говорят – это настоящий камень; Если мужчина не ошибается, то говорят – это знатный хозяин’.
<i>Хар уга күн садндан Хуурмг уга үгэн келдг.</i>	‘Бескорыстный человек Говорит искренние слова родственникам’.
<i>Хар уга күн садндан, Хуурмг уга күн үгдэн.</i>	‘Бескорыстный человек верен родственникам, Честный человек верен словам’.
<i>Олн дотр үгэн ажгел, – Онц суухларн седклэн хар.</i>	‘На людях обдумывай свои слова, Когда остаешься один – следи за своими мыслями’.
<i>Төрскнэн эврәннь Нүднлэ эдл хар.</i>	‘Родину береги Как зеницу ока’.
<i>Эврэ һазрин үвл чигн ноһан, Күмни һазрин хавр чигн хар.</i>	‘На своей земле и зимой все зелено, А на чужой и весной все черно’.
<i>Тарһ хархар толһаһан хар. –</i>	‘Дорожить надо головой, а не дородностью’.
<i>Хар гертэн хан, Бор гертэн богд.</i>	‘В своей черной юрте хан, В своей серой юрте богдо (≈ каждый в своем доме господин)’.
<i>Һазртан һаха, нутгтан шора.</i>	‘На земле своей – свинья, в нутуке своем – пыль’.
<i>Хар усн ундта, Хад чолун бээртэ.</i>	‘Напитком делается просто вода, Местом обитания – скалы’.
<i>Хөөнэ толһаһар дер кенэд, Хар модар мөр кенэд.</i>	‘Баранья голова вместо подушки, Дубовая палка вместо лошадки’.
<i>Элсн кенчрэс хээр уга альчур бээдв, Эк эцкэс хар уга мухла бээдв. –</i>	‘Есть ли платок, которого не жалели бы после износа; Если ли слуга, которого не порицали бы хозяева?’.
<i>Хар үүлн нар халхлэж чадх уга, Ханцарн сар халхлэж чадх уга.</i>	‘Черным тучам не закрыть солнце, Рукавом не заслонить луну’.
<i>Эгл хар улст Эк эцк бурхн.</i>	‘Для простых людей Родители – бог и царь’.
<i>Хар идитэд нөкд хол, Харңһу ухатад бурхни гегэн хол.</i>	‘У кого темные делишки – друзья далеки, Невежественный далек от света учения Будды’.
<i>Хар болсн гелңгэс зээл,</i>	‘Избегай гелюнга, ставшего мирянином,

<i>Бух йовсн царас зээл.</i>	Избегай вола, бывшего быком-производителем’.
<i>Хар болсн гелңгэс зээл.</i>	‘Держись подальше от гелюнга, ставшего мирянином.’
<i>Хар болсн гелңгэс зээл, Бух йовсн царас зээл.</i>	‘Избегай гелюнга, ставшего мирянином, Избегай вола, бывшего быком-производителем’.
<i>Зүснь цаһан, Зүркнь хар.</i>	‘Обликом белый, Душой темный (черный).’
<i>Сэн му үгиг йилһэж соңсдг, Хар цаһан кергиг йилһэж шүүдг.</i>	‘Добрые и плохие слова выслушивают отдельно, Плохие и добрые дела рассматривают раздельно’.
<i>Харңһу сөөд хань боли уга, Хар буданд хать боли уга.</i>	‘В темную ночь не может быть попутчиком, В похлебке не может быть приправой’.
<i>Хар буданд хать боли уга, Харңһу сөөд хань боли уга.</i>	‘Ни приправа к похлебке, Ни спутник в темной ночи’.
<i>Хар шикэ цаһан болдг уга, Хуучн дээсн үр болдг уга.</i>	‘Черный войлок белым не станет, Старый враг другом не делается’.
<i>Хар мис цаһан болдг уга, Хуучн өшэтн иньг болдг уга.</i>	‘Черная кошка не делается белой, Старый враг не делается другом’.
<i>Хар нүүрс кедү уһав чигн Цаһан болдг уга.</i>	‘Сколько ни промывай уголь, Он белым не станет’.
<i>Сурж эдлсн хар ус ууснла эдл.</i>	‘Есть, выпрашивая, все равно что пить только одну воду’.
<i>Шаазһа шиңг алг болхар Керэ шиңг хар бол.</i>	‘Чем быть пестрым как сорока, Лучше быть черным как ворона’.
<i>Хэлэвл хар нүдн, Хатхвл хар зусн.</i>	‘Посмотришь – словно черные глаза, А ткнешь – черный клей’.
<i>Харм седкл – чөдр, Хату зөрг – жид</i>	‘Жадность – путы, Смелость – штык’
<i>Хармнсн юмн хар нохан амнд.</i>	‘Что пожалел, то в пасти черной собаки (≈ ни себе, ни людям)’.
<i>Хар санан – хорн.</i>	‘Дурные помыслы – яд’.
<i>Хар санан бийд харш.</i>	‘Злые намерения, умыслы самому вредны’.
<i>Хар санан – хорн, Хармч седкл – тушан.</i>	‘Злой умысел – яд, Жадность – путы’.
<i>Хамута мөрн ижлэн бардг, Хар санан бийэн бардг.</i>	‘Чесоточная лошадь губит весь табун, Злые намерения губят самого себя’.
<i>Хар санан бий бардг Хайрха девлэр салькн ордг.</i>	‘Злой умысел самого человека губит, Сквозь рваную шубу ветер проходит’.
<i>Хар саната цецн Тенг күмнэс дор.</i>	‘Злонамеренный мудрец Хуже глупца’.
<i>Хар санатын үүл кезэ чигн өмн бийд.</i>	‘У коварного человека злые умыслы всегда на первом плане’.
<i>Булгин усн орглв чиг дотран киитн, Буру санат инэв чиг седклнь хар.</i>	‘Хотя родниковая вода бурлит клокочет, но она холодная Хотя зловредный человек и улыбается, но душа его низменная’.
<i>Келхнь цаһан, Кехнь хар.</i>	‘Говорить о добре, А делать зло’.
<i>Хар санан бийэн бардг, Хамута мөрн ижлэн бардг.</i>	‘Злой умысел самого губит, Чесоточная лошадь всех остальных портит’.

<i>Үкрнь хар болв чигн Үснь цаһан болдг.</i>	‘Хотя корова черной масти, Но дает молока белого цвета’.
<i>Нег экас цаһан чигн Хар чигн хурһн һардг.</i>	‘От одной матки (овцы) родится и белый И черный ягненок (≈ у одной матери рождаются разные дети’.
<i>Цаһан үкрэс хар туһл һардг.</i>	‘И у белой коровы черный теленок рождается’.
<i>Эрг эс нурвл эр хар чолун гидг, Эр эс эндүрвл эзн суута гидг.</i>	‘Если берег не обваливается, то говорят – это настоящий камень; Если мужчина не ошибается, то говорят – это знатный хозяин’.
<i>Хар уга күн садндан Хуурмг уга үгэн келдг.</i>	‘Бескорыстный человек Говорит искренние слова родственникам’
<i>Хар уга күн садндан, Хуурмг уга күн үгдэн.</i>	‘Бескорыстный человек верен родственникам, Честный человек верен словам’.
<i>Эврэ һазрин үвл чигн ноһан, Күмни һазрин хавр чигн хар.</i>	‘На своей земле и зимой все зелено, А на чужой и весной все черно’.
<i>Хар усн ундта, Хад чолун бэартә.</i>	Напитком делается просто вода, ‘Местом обитания – скалы.
<i>Хөөнә толһаһар дер кеһәд, Хар модар мөр кеһәд.</i>	‘Баранья голова вместо подушки, Дубовая палка вместо лошадки’
<i>Элсн кенчрәс хээр уга альчур бээдв, Эк эцкәс хар уга мухла бээдв.</i>	‘Есть ли платок, которого не жалели бы после износа; Если ли слуга, которого не порицали бы хозяева?’
<i>Хар үүлн нар халхлж чадх уга, Ханцарн сар халхлж чадх уга.</i>	‘Черным тучам не закрыть солнце, Рукавом не заслонить луну’
<i>Зүснь цаһан, Зуркнь хар.</i>	‘Обликом белый, Душой темный (черный)’
<i>Хар нүүрс кедү уһав чигн Цаһан болдг уга.</i>	‘Сколько ни промывай уголь, Он белым не станет’
<i>Хар санан бий бардг Хаһрха девләр салькн ордг.</i>	‘Злой умысел самого человека губит, Сквозь рваную шубу ветер проходит’
<i>Хар саната цецн Тенг күмнәс дор.</i>	‘Злонамеренный мудрец хуже глупца’
<i>Булгин усн орглв чиг дотран киитн, Буру санат инәв чиг седкльн хар.</i>	‘Хотя родниковая вода бурлит клокочет, но она холодная Хотя зловредный человек и улыбается, но душа его низменная’
<i>Харңһу сө нүдн уга, Хар керә зүсн уга.</i>	‘У темной ночи глаз нет, У черного ворона масти нет’

Фразеологизмы

<i>Киитн хар нүдтә.</i>	‘Холодный взгляд (букв. Холодные черные глаза)’.
<i>Хар нульмән.</i>	‘Горькие (чистые) слезы’.
<i>Хар нүдән хальтртл кеерх.</i>	‘Разрядиться. Очень нарядно одеться’.
<i>Хар салькн.</i>	‘Суховей’
<i>Хар-цаһан үг келгә.</i>	‘Молча, ничего не говоря’
<i>Хар күн</i>	‘простолюдин; мирянин’
<i>Хар көдлми</i>	‘чёрный, физически тяжёлый; чёрный,
<i>Хар санан</i>	дурной, скверный; вредный; порочный, преступный’

<i>Хар киитн</i>	‘сильный холод’.
<i>Хар-хар гих</i>	<i>звукоподражание</i> ‘издавать шум’
<i>Хар гиащн</i>	«черная вера»
<i>хар чидл</i>	‘физическая сила’
<i>хар усн</i>	‘чистая вода’
<i>хар махн</i>	‘филе’
<i>хар эрк</i>	‘хорошая водка, высшей очистки’
<i>хар седкл.</i>	‘злой умысел, вредительство’
<i>хар санан (ухан).</i>	‘недобрые, черные мысли’
<i>хар чеежэРН гүвдлдх (ноолдх)</i>	‘бороться (драться) с черной душой’, ‘мучиться, терзаться думами’
<i>хар тусх</i>	‘черное настигло, то есть быть под подозрением’
<i>хар авх</i>	‘взять что-то черное’
<i>хар үзх</i>	‘увидеть что-то черное’
<i>хар дарх</i>	‘что-то черное давит’ (перевод: ‘кошмары снятся’)
<i>Хар (харт) авх</i>	‘взять черное’, ‘подозревать’
<i>хар шир болад одх</i>	‘стать больным и немощным, иметь больной вид’
<i>хар болх</i>	‘быть черным, простолюдином’
<i>хар гөр</i>	‘сухая клевета’
<i>хар гөрт унх</i>	‘стать жертвой клеветы’
<i>хар көлсн</i>	‘черный пот’, ‘обливаться холодным потом’
<i>хар мөрэн хальдах</i>	‘навредить, напакостничать, нанести ущерб или урон’
<i>хар хад</i>	‘черная скала, утес’, ‘невежество’
<i>хар хад хамхржана</i>	‘рушатся стены невежества’
<i>хар кел</i>	‘злой язык’
<i>хар нүдэн хальтрл</i>	‘глаза готовы выпрыгнуть из орбит’
<i>хар толһаһан зальгх</i>	‘проглотить черную голову’
<i>хар – хар һазрт ор (орцхатн)</i>	‘провалились сквозь землю’
<i>хар һазр</i>	‘черная земля’
<i>хар һазрт орх</i>	‘зайти в черную землю’, ‘умирать’
<i>хар дүң</i>	‘утренние сумерки’
<i>хар өрлэ</i>	‘спозаранку’
<i>хар цод</i>	‘сильные заморозки (без снега)’
<i>хар салькн</i>	‘черный ветер’

Цветобозначение «красный» - улан

Калмыцкие пословицы

На калмыцком языке	Перевод на русский язык
<i>Сэн залуһин һанһи улан.</i>	‘Торока удачливого мужчины всегда бывают красные (т.е. всегда приходит с добычей)’
<i>Мөңгн цаһан, Нүдн улан.</i>	‘Деньги (серебряные монеты) белые, а глаза красные (алчные)’
<i>Уурһар мөр бэрлһн – улан һарын күчн, Тевчһү сәәхн седкл – ухан билгин күчн</i>	‘Поймать коня укроком зависит от силы рук, а быть обходительным – от ума зависит’
<i>Үгин илнь сән, Үнгнә улань сән.</i>	‘Хороши слова открытые, а лисы – рыжие (красные)’

<i>Чилдг юмн чилв чиг Чилдң улан чирэ чилхи.</i>	‘Все, что есть, когда-то кончается, И только румяное лицо не теряет свой цвет (речь о человеческой совести)’
<i>Учна гидг урдин йөрэл, Улан, шар гидг будгин өңг.</i>	‘Встреча – это благопожелание на будущее, Красный и желтый – это цвета красок’
<i>Цалмар агт бэрхд Улан һарин күчн кергтә.</i>	‘Поймать коня арканом, Зависит от силы рук’
<i>Улан мана татхла, сальклхин темдг, Улан нарн һархла, һаңдхин темдг.</i>	‘Когда затягивается красным туманом – к ветру; Когда поднимается красное солнце – к засухе’
<i>Улан чирэ хату.</i>	‘Встреча лицом к лицу тяжела’
<i>Улан цэдһас үлдг уга, Учриг медл уга уурлдг уга.</i>	‘От крепкого чая не отказываются, Не зная причины, не сердятся’
<i>Алтна өөр улан мөңгн шарлжэ үзгддг, Сән күүнә өөр му күн сән болжэ медгддг.</i>	‘Рядом с золотом и хорошая медь отдает желтым блеском, Рядом с хорошим человеком и плохой кажется лучше’
<i>Уувл улан хальңнь сән, Унтвл эрг дургнь сән.</i>	‘Если пить, то лучше слегка захмелеть, Если спать, то ненадолго вздремнуть’
<i>Уудг уланан ууһит, – Унтдг нөөрән хасит. –</i>	‘Пить так пейте свое красное вино, Спать так спите, но укоротите свой сон’
<i>Улан шар гидг өңгин йилһл, Отг сумн гидг нутгин йилһл.</i>	‘Красное, желтое – различие в цветах, Оток и Сомон – различие внутри нутука’
<i>Улан чолуг махн гих, – Цаһан чолуг өөкн гих.</i>	‘Принимать красный камень за мясо, А белый камень – за сало’
<i>Чонын амн идв чигн улан, Эс идв чигн улан.</i>	‘Ел волк или не ел, А пасть красная’
<i>Үнгни улань сән, Үгин үннь сән.</i>	‘Из лисиц хороши рыжие, А из слов – правдивые’

Фразеологизмы

<i>Әмд улан махмуд.</i>	‘Физическое состояние, здоровье. (букв. Живое красное тело)’.
<i>Улан цусн асхрх. Әмән өгх.</i>	‘Проливать кровь’.
<i>Улан махч күүкд</i>	‘нищие дети’
<i>Улан махн болтлнь цокх</i>	(букв. До красного мяса избить) ‘жестоко избивать кого-либо до полусмерти’
<i>Улан хорха</i>	(букв. ‘красный червь (дождевой)’) ‘очень жадный человек’
<i>Улан һар</i>	‘голые руки, собственные руки’
<i>Улан хачр (халх, чирк)</i>	‘алые ланиты, красные румяные щеки’,
<i>Улан әм</i>	‘физическое тело, жизнь, душа’
<i>Улан цусан асхх</i>	‘проливать кровь’
<i>Улан чирэ, улан чирәһәрн үзх.</i>	‘голый, собственный’
<i>Улан чирэ (үзлх, харһх)</i>	‘красное лицо’
<i>Улан чирәһәрн үзх ‘соңсх, харһх</i>	‘смело, без страха’, встретиться лицом к лицу’
<i>Улан әмн, сүүр (тахилх, батлх)</i>	‘красная жизнь, душа’, ‘закалять, крепить’
<i>Улан батлх</i>	‘крепить основу (силу)’
<i>Улан һолдан әрә торх</i>	‘еле остаться в живых’, ‘быть на волоске от смерти’, ‘удержаться за красное горло’
<i>Улан холан сунтл хәәкрх</i>	‘кричать во все горло’

<i>Улан махн</i>	‘красное мясо’ (означает у калмыков быть голым буквально, быть без одежды и крова, жить в нужде)
<i>Улан махч күүкд</i>	‘нищие дети’
<i>Улан махн болтлнь цокх</i>	(букв. до красного мяса избить) ‘жестоко избивать кого-либо до полусмерти’
<i>Улан хорха</i>	(букв. ‘красный червь (дождевой)’) ‘очень жадный человек’

Цветобозначение «желтый» - шар

Калмыцкие пословицы

На калмыцком языке	Перевод на русский язык
<i>Сэн залу олдг, Шар шовун шүүрдг.</i>	‘Настоящий мужчина добывает, А птица филин хватает (ловит)’
<i>Наһцнрин шар нохань чигн ахлна.</i>	‘Даже собаке родственников по материнской линии и той оказывают должное внимание’
<i>Эмтэ юмнд арслң бөк, – Эмн уга юмнд шар зусн бөк.</i>	‘Среди живых существ самый сильный – лев, Среди неживых – желтый клей. (Символ прочности брачных уз)’
<i>Оһтрһуд одн олн болв чигн Шар нарнла эдлцдг уга.</i>	‘Хоть звезд много на небе, Но не сравнится им с солнцем’.
<i>Учна гидг урдин йөрэл, Улан, шар гидг будгин өңг.</i>	‘Встреча – это благопожелание на будущее, Красный и желтый – это цвета красок’
<i>Алтыг дахвл, шар хальдна, Амргиг дахвл, иньг хальдна.</i>	‘Там, где золото, там есть примеси, Там, где любовь, там есть дружба’.
<i>Шар гүрвэлг кевтэ ширвкэд одв.</i>	‘Прошмыгнул как желтая ящерица’.
<i>Сэн шовун зөөдг, Шар шовун эдлдг.</i>	‘Хорошая птица добывает, А филин съедает’
<i>Үнн үг – шар тосн, Үннч кун – эрднь чолун.</i>	‘Слово истинное – благо, Искренний человек – драгоценный камень’
<i>Нохан геснд шар тосн зокдг уга.</i>	‘Топленое масло не для собачьего желудка’
<i>Улан шар гидг өңгин йилһл, Отг сумн гидг нутгин йилһл.</i>	‘Красное, желтое – различие в цветах, Оток и Сомон – различие внутри нутука’.
<i>Арслң аһу ик чидлтэ болв чигн, Шар девлтин бөкүр (көлгн) болдг.</i>	‘Как бы ни был могучим лев, Он становится тем, кто везет на своем горбу рыжую плутовку’.

Фразеологизмы

<i>Шар булна.</i>	‘злиться, гневаться (букв. желтое кипит)’
-------------------	---

Цветобозначение «синий» - көк

Калмыцкие пословицы

На калмыцком языке	Перевод на русский язык
<i>Модни көк һазahan, Кумни көк дотран.</i>	‘Зелень деревьев – снаружи, Серость (недомыслие) людей – внутри’.
<i>Көк теңер аһарарн сэн, Күүкн кун седкларн сэн.</i>	‘Синее небо прекрасно чистым воздухом, А девушка прекрасна душой’.
<i>Эрдниг эс зарлв чигн эзн дала олдх, Көк му чолуг кедү зарлв чигн кен түүг авх?</i>	‘Хотя и не оповещают о драгоценном камне, но хозяев найдется много, А сколько ни объявляют о синем невзрачном камне, кто же его возьмет?’

<i>Киитрх теңгрин көвэ көк, Керүлч күүнэ урл көк.</i>	‘У холодного неба края синие, У скандального человека губы синие’.
<i>Цаг цагарн бээдг уга, Цэкрма көкэрн бээдг уга.</i>	‘Время не стоит на месте, Ирис не остается всегда зеленым’
<i>Көдлми көк чон биш, Көдэ орж гүүхн уга.</i>	‘Работа не серый волк, В лес не убежит’
<i>Идсн өргн хумхардг, Идүлсн девсч көкрдг.</i>	‘Жующая челюсть высыхает, Выщипанная земля зеленеет.’
<i>Идсн өргн цээдг, Идгдсн довч көкрдг.</i>	‘Жующая челюсть белеет, Выщипанный бугорок зеленеет’.
<i>Идсн өргн хумхардг, Идүлсн довнь көкрдг</i>	‘Челюсть, которой пережевывают, высыхает после (смерти), Бугорок, на котором выщеплена трава, зеленеет (весной)’
<i>Көөтэ хээсн, Көк үмсн.</i>	‘(Словно) закоптельный котел, (Словно) серая зола’
<i>Көк манан татвл, боран орхин темдг, Киитн салькн сальквл, кирү унхин темдг.</i>	‘Когда синие тучи затянут небо – к дождю; Когда подует холодный ветер – к инею’
<i>Өңг өңгарн бээдг уга Өвсн көкэрн бээдг уга.</i>	‘Цвет изменчив, Трава не всегда зеленая’

Фразеологизмы

<i>Долан көк чонар идүлх.</i>	‘Жестоко расправиться (букв. отдав на сведение семи серым волкам)’
-------------------------------	---

Цветобозначение «белый» 희다 [hwida] / 하얗다 [hayatha]

(백색 [baeksaek])

Корейские пословицы (42)

Пословицы на корейском языке	транскрипция	Перевод на русский
흰 개꼬리 검정 칠 한다.	[huin gaekkoli geomjeong chil handa]	‘Покрасить хвост белой собаки в черный цвет’
흰 개꼬리 굴뚝 밑에 묻어둔다고 해서 검은 개 꼬리될 수 없다.	[huin gaekkoli gulttug mit-e mud-eodundago haeseo geom-eun gae kkolidoel su eobsda]	‘Если оставить хвост белой собаки в дымоход, он не станет хвостом черной собаки’
흰 떡이라고 해서 고물이 안들어갈까.	[huin tteog-ilago haeseo gomul-i an deul-eogalkka.]	‘Разве белый рисовый пирог, не портится?’
흰떡 집에 산병 맞추듯.	[huintteog jib-e sanbyeong majchudeus.]	‘Это все равно, что прикрепить горную бутылку к домику для кексов из белого риса’
희고 곱팡슨 소리.	[huigo gompangseun soli]	‘Белый и затхлый звук’
희고도 곱팡이 슌 놈.	[huigodo gompang-i seun nom]	‘Белый, заплесневелый парень’
흰 술은 사람의 얼굴을 붉게 하고, 황금은 사람의 마음을 검게 한다.	[huin sul-eun salam-ui eolgul-eul bulg-ge hago, hwang-geum-eun salam-ui ma-eum-eul geomge handa]	‘Белое вино красит лицо человека, а золото делает сердце человека черным’
흰 이슬이 서리된다.	[huin iseul-i seolidoenda]	‘Белая роса превращается в иней’
흰죽 떠먹은 자리.	[huinjug tteomeog-eun jali]	‘Место, где можно поесть белой каши (заметать следы)’
희기가 까치 뺏바닥 같다.	[huigiga kkachi baesbadag gatda]	‘Радость как брюхо сороки’
흰 것을 검다하다.	[huin geos-eul geomdahada.]	‘Белые вещи называют черными’
흰나비를 멀리 보면 상제가 된다.	[huinnabileul meolli bomyeon sangjega doenda.]	‘Если посмотреть на белую бабочку издалека, она станет траурным ритуалом’
흰떡에 소가 든다.	[huintteog-e soga deunda.]	‘Белый рисовый пирог стоит больших денег’
설달 그믐날 흰떡 맞듯		Это как белый рисовый пирог в канун Нового года.(сильно и жестоко бить)
흰쌀에 누 섞이듯.	[huinssal-e nwi seokk-ideus.]	‘Как будто смешали с белым рисом’
흰 죽 먹다 사발 깬다.	[huin jug meogda sabal kkaenda.]	‘Разбить тарелку во время еды каши’

흰죽 사발 개 활듯.	[huinjug sabal gae haltdeus.]	‘Как собака, лижущая тарелку белой каши’
흰죽에 고춧가루.	[huinjug-e gochusgalu.]	‘За белую кашу красный перец (не соответствует цене)’
흰죽에 코 빠진 격	[huinjug-e ko ppajin gyeog]	‘Это все равно что утопить нос в белой каше (быть похожим)’
흰 칠한다고 까마귀가 백로 되지 않는다.	[huin chilhandago kkamagwiga baeglo doeji anhneunda.]	‘Покрасить ворону в белый цвет не значит, что она станет белой цаплей (обманывать)’
흰 학이 높은 땅에 모이면 큰 한재 난다.	[huin hag-i nop-eun ttang-e moimyeon keun hanjae nanda.]	‘Когда белые журавли собираются на возвышенности, происходит великая катастрофа.’
흰머리 속에서 서캐 가려내기.	[huinmeoli sog-eseo seokae galyeonaegi.]	‘Удалять гниды с седых волос’
흰소리가 무궁화 삼천리다.	[huinsoliga mugunghwasamcheonlida.]	‘Белая болтовня на 3 тысячи ли гибискусов (пустая болтовня на всю страну)’
희어야 미인이다.	[huieoya miin-ida.]	‘Чем белее, тем красивее’
여자와 쌀은 흰수록 좋다.	[yeojawa ssal-eun huilsulog johda.]	‘Женщина и рис чем белее, тем лучше’
흰 모래밭에 금자라 걸음.	[huin molaebat-e geumjala geol-eum.]	‘Золотая прогулка (шаг) по белому песку’
흰 산새가 나타나면 큰 풍년이 든다.	[huin sansaega natanamyeon keun pungnyeon-i deunda.]	‘Когда появляются белые горные птицы, это означает хороший урожай’
틈으로 보는 흰 말 <鳥> 지나가듯	[teum-eulo boneun huin mal jinagadeus]	‘Как мимо проходящая белая лошадь видна сквозь щель’
흰 개 꼬리 굴뚝에 삼년 두어도, 흰 개 꼬리다.	[huin gae kkoli gulttug-e samnyeon dueodo, huin gae kkolida.]	‘Даже если оставить хвост белой собаки в дымоходе на три года, хвост все равно будет хвостом белой собаки’
흰 개도 검어진다.	[huin gaedo geom-eojinda.]	‘Даже белые собаки чернеют’
흰개가 고기는 먹고 매는 검은개가 맞는다	[huingae-ga gogi-neun meoggo maeneun geom-eun gae-ga majneunda].	‘Белая собака ест мясо, а черную собаку бьют’
손자 턱에 흰 수염이 나겠다.	[sonja teog-e huin suyeom-i nagessda.]	‘На подбородке моего внука вырастет белая борода’
흰 죽에 코	[huin jug-e ko]	‘нос в белой каше (вмешиваться в чужое)’
흰 것은 종ियो 검은 것은 글씨다.	[huin geos-eun jong-iyo geom-eun geos-eun geulssida.]	‘Белое — это бумага, а черное — письмо’
검정 소도 흰 송아지를 낳는다.	[geomjeong sodo huin song-ajileul nahneunda.]	‘Черные коровы тоже рожают белых телят’

손자 턱에 흰 수염이 나겠다	[sonja teog-e huin suyeom-i nagesdda]	‘На подбородке внука вырастет белая борода (долго ждать)’
흰 술은 사람의 얼굴을 누르게 하고, 황금은 사람의 마음을 검게 한다	[huin sul-eun salam-ui eolgul-eul nuleuge hago, hwang-geum-eun salam-ui ma-eum-eul geomge handa]	‘Белое вино делает лицо человека желтым, а золото делает сердце человека темным’
흰죽 먹다가 서방 깨었다	[huinjug meogdagasabang kkaeossda]	‘Пока ела белую кашу, муж проснулся’
밤을 하얗게 새우다		‘провести белым всю ночь’ ‘всю ночь не спать, сидеть за работой’
살결이 희면 열허물 가린다	[salgyeol-i huimyeon yeolheomul garinda]	‘Если кожа твоя белая, десять пятен закроются’
흰말 볼기짝 같다	[huinmal bol gijjak kattha]	‘Это как щеки белой лошади’
희뻘기는 백로 궁둥이다	[huitteobgi-neun baeglo gungdung-ida].	‘Изящество на белой цапле’

Цветобозначение «черный» 검다 [komta] (흑색 [heugsae])

Корейские пословицы (56)

Пословицы на корейском языке	транскрипция	Перевод на русский
검은 머리 파뿌리 되도록.	[geom-eun meoli pappuli doedolog.]	‘пусть черные волосы станут цвета корня лука (до седых волос)’
검다 희다 말이 없다.	[geomda huida mal-i eobsda.]	‘Черный или белый, слов нет’
검다 희다 말이 많다	[geomda huida mal-i manta.]	‘Будь то черное, будь то белое, много слов’
검둥이 목욕하듯 한다.	[geomdung-i mog-yoghadeus handa.]	‘Как черная собака купается’
검댕이를 검댕이로 문질러 지운다.	[geomdaeng-ileul geomdaeng-ilo munjilleo jiunda.]	‘Удалите сажу, протерев ее сажей’
검덕귀신.	[geomdeoggwisin]	‘Черный Призрак’
검은 걸 희다한다	[geom-eun geol huida hanja]	‘Черное называть белым’
검둥개 굿 구경하듯.	[geomdung-gae gusyonghadeus.]	‘Это как смотреть обряд с черной собакой’
검둥개 도야지 편이다.	[geomdung-gae doyajji pyeon-ida.]	‘черная собака на стороне свиньи’ (дружить с похожими)
검둥개 먹 감기듯.	[geomdung-gae myeog gamgideus.]	‘Как черная собака купалась в речке и замерзла’
검둥개 먹 감듯	[geomdung-gae myeog gamdeus. geomdung-gae mog-yoghadeus handa.]	‘как купать черную собаку’
검둥개 미역 감긴다고	[geomdung-gae miyeog gamgindago huieojiji anhneunda.]	‘Даже если черную собаку обернуть водорослью, она не

희어지지 않는다.		станет белой’
검정개는 검정개 편을 든다.	[geomjeong-gaeneun geomjeong-gae pyeon-eul deunda.]	‘Черная собака становится на сторону черной собаки’ (дружить с похожими)
검정개 돼지 흉한다	[geomjeonggae dwaewi hyunghanda]	букв. ‘черная собака ругает свинью’
검정 돈을 받는다	[geomjeong don-eul badneunda].	букв. ‘Получить черные деньги’
검다 희다 말이 많다.	[geomda huida mal-i manhda]	‘много говорить о чёрном и белом’
검둥이에게 물려도 누렁이를 무서워한다.	[geomdung-iege mullyeodo nuleong-ileul museowohanda.]	‘Даже если укусит черная собака, боится желтую’
검둥이 흰둥이 다 모였다.	[geomdung-i huindung-i da moyeossda.]	‘Все черные и белые собрались вместе’
검으면서도 희다.	[geom-eumyeonseodo huida.]	‘Он черный, одновременно белый’
검은 가지 한 패.	[geom-eun gaji han pae.]	‘Пучок черных веток’
검은 강아지로 돼지 만든다.	[geom-eun gang-ajilo dwaewi mandeunda.]	‘Сделать из черного щенка свинью’
검둥이라도까막까치도 불러 써야할 판.	[geomdung-iladokkamagkkachido bulleo sseyohal pan.]	‘Суд, куда надо позвать и черных собак и черных сорок’
검둥이는 검둥이를 낳고 흰둥이는 흰둥이를 낳는다.	[geomdung-ineun geomdung-ileul nahgo huindung-ineun huindung-ileul nahneunda.]	‘У черной собаки черные щенята, а у белой - белые’
검은똥 누고나면 부모 은공 알게 된다.	[geom-eunttong nugonamyeon bumoeungong alge doenda.]	‘После черных экскрементов познается благодать родителей’
검은 똥을 누 봐야 철이 든다.	[geom-eun ttong-eul nwo bwaya cheol-i deunda.]	‘Повозившись с черными экскрементами, взрослеют’
검정개가 돼지를 흉본다.	[geomjeong-gaega dwaewileul hyunghonda]	‘Черная собака имитирует свинью’
검은 닭도 흰 달걀 낳는다.	[geom-eun dalgdo huiin dalgyal nahneunda.]	‘Черные куры также несут белые яйца’
검은 암소가 진상길에 오른다.	[geom-eun amsoga jinsang-gil-e oleunda.]	‘Черная корова на пути к истине’
검은 데 가면 검어지고, 흰 데 가면 희어진다.	[geom-eun de gamyeon geom-eojigo, huiin de gamyeon huieojinda.]	‘Пойдешь в черное место – почернеешь, пойдешь в белое место – побелеешь’
빛은 검어도 속은 희다.	[bich-eun geom-eodo sog-eun	‘Кисть черная, а внутри белая’

	huida.]	
검은 머리 가진 짐승은 구제 말란다.	[geom-eun meoli gajin jimseung- eun guje mallanda./]	‘Не спасайте животных с черной шерстью’
검은 색에는 물감이 들지 않는다.	[geom-eun saeg-eneun mulgam-i deulji anhneunda]	‘Из черной краски другой цвет не выйдет’
검은 솥에 삶은 개가 멍멍 짖거든.	[geom-eun sot-e salm-eun gaega meongmeong jijgeodeun.]	‘Лает собака, сваренная в черной кастрюле’
검은 용 턱에서 여의주 찾듯 한다.	[geom-eun yong teog-eseo yeouiju chajdeus handa]	‘Искать волшебную жемчужину, дарующую исполнение всех желаний, во рту черного дракона’
역질 흑함(黑陷) 되듯 한다	[yeokjil heukham doedeut handa].	‘Несчастье в черном ящике’
검은 점이 입 가장자리에 나 있으면 먹을 복이 있다.	[geom-eun jeom-i ib gajangjalie na iss-eumyeon meog-eul bog-i issda]	‘Если в углу рта есть черная точка, – к удаче’
검은 풀이면 소 죽는다.	[geom-eun pul-imyeon so jugneunda.]	‘Если трава черная, корова умрет’
검정 강아지라면 다 제집 강아지인가.	[geomjeong gang-ajilamyeon da jejib gang-ajiinga.]	‘Все черные собаки разве мои собаки?’
검정개가 까마귀더러 겁다 한다.	[geomjeong-gaega kkamagwideoleo geomda handa.]	‘Черная собака говорит вороне, что она черная’
까마귀가 겁다고 정분까지 겁으랴.	[kkamagwiga geomdago jeongbunkkaji geom-eulya.]	‘Если ворона черная, то вся ли она черная?’
솥은 검어도 밥은 검지 않다	[sot-eun geom-eodo bab-eun geomji anta].	‘Горшочек черный, а рис внутри белый’
검은 고양이 눈 감은 듯	[geom-eun goyang-i nun gam-eun deus]	‘Черная кошка словно закрывает глаза’
이월 바람에 검은 쇠뿔이 오그라진다	[iwol balam-e geom-eun soeppul-i ogeulajinda]	‘Черный бычий рог сморщивается на февральском ветру’
검은 고기 맛 좋다.	[geom-eun gogi mas johda.]	‘Черное мясо вкусное’
검은 구름은 끼어도 밖에는 오지 않는다.	[geom-eun gulyum-eun kkieodo neun oji anhneunda.]	‘Даже если черная медь застрянет, она не выйдет наружу’
검은 구름은 끼어도 비는 오지 않는다.	[geom-eun guleum-eun kkieodo bineun oji anhneunda.]	‘Несмотря на черные тучи, дождя нет’
이월 바람에 검은 뿔이	[iwol balab-e geom-eun ppul-i jinda.]	‘Черные рога появятся в феврале’

진다.		
검은 것은 글씨라는 것 밖에 모른다	[geom-eun geos-eun geulssilaneun geos bakk-e moleunda]	‘Все, что я знаю, это что черное — буквы’
검은 구름에 백로 지나가기	[geom-eun guleum-e baeglo jinagagi]	‘Между тучами пролетела белая цапля’
물 검은 배를 튀긴다.	[mul geom-eun baeleul twiginda]	‘Жарить черные груши в воде’
까마귀 검 검다고 속조차 검은 줄아느냐.	[kkamagwi geom geomdago sogjocha geom-eun jul aneunya.]	‘Вы думаете, что раз ворона чёрная, то она чёрная и внутри?’
흰 것은 종ियो 검은 것은 글씨다	[huin geos-eun jong-iyu geom-eun geos-eun geulssida]	‘Белое — это бумага, а черное — буквы’
검정 소도 흰 송아지를 낳는다	[geomjeong sodo huin song-ajileul nahneunda]	‘Даже у черных коров бывают белые телята’
검정개는 돼지 편이다	[geomjeong-gaeneun dwaeji pyeon- ida]	‘Черная собака на стороне свиньи’
숯이 검정 나무란다	[such-i geomjeong namulanda]	‘Древесный уголь — это черное дерево’
검은 손을 뻗치다	[keom-eun son-eul ppeotchida]	букв. ‘протянуть черную руку’

Цветобозначение «красный» 붉다[bulkta]/발갡다 [palgatha] (적색[jeogsae]) (
Корейские пословицы (29)

Пословицы корейском языке	на	транскрипция	Перевод на русский
이왕이면 다홍치마.		[iwang-imyeon dahongchima.]	‘Если покупать, то красную юбку’
빨간 쌍놈.		[ppalgan ssangnom.]	‘Красный подлец’
남의 꽃이 더 붉은 법이다.		[nam-ui kkoch-i deo bulg-eun beob-ida.]	‘Чужие цветы краснее’ (красивее)
꽃은 남의 꽃이 더 붉고 여자는 남의 여자가 더 예쁘다.		[kkoch-eun nam-ui kkoch-i deo bulg-go yeojaneun nam-ui yeojaga deo yeppeuda.]	‘Когда дело касается цветов, цветы других людей краснее, а когда дело касается женщин, чужие женщины красивее’
붉으면 대추지, 달면 꿀이지, 뛰면 벼룩이지.		[bulg-eumyeon daechuji, dalmyeon kkul-iji, ttwymyeon byeolug-iji.]	‘Если оно красное, то это мармелад, если сладкое, то мед, а если прыгает, то это блоха’
붉으락푸르락 한다.		[bulg-eulagpuleulag handa.]	‘То краснеть, то бледнеть’
붉은 간장은 달지 않다.		[bulg-eun ganjang-eun dalji anhda.]	‘Красный соевый соус не сладкий’
붉은 팔고물 떡은		[bulg-eun patgomul tteog-eun jesa- e an sseunda.]	‘Рисовые лепешки с пастой из красной фасоли не

제사에 안 쓴다.		используются в обрядах предков'
붉은 팔은 기왓장도 뚫는다.	[bulg-eun pat-eun giwasjangdo ttulhneunda]	'Красная фасоль проникает даже сквозь черепицу'
열흘 붉은 꽃 없다.	[yeolheul bulg-eun kkoch eobsda.]	'Никаких красных цветов в течение десяти дней'
붉고 쓴 장	[bulg-go sseun jang]	'красный и горький кишечник'
십년세도 (勢道) 없고 열흘 붉은 꽃 없다	[sipnyeon sedo(sedo) eobsgo yeolheul bulg-eun kkoche obsda].	'Десять лет – нет власти, десять дней – и нет красных цветов'
꽃이라도 십일홍 (十日紅)이 되면 오던 봉접도 아니온다	[kkoch-ilado sib-ilhong(sib-ilhong)i doemyeon odeon bongjeobdo anionda].	'Даже если цветок 10 дней краснеет, к нему больше не прилетают пчелы и бабочки'
눈 어둡다 하더니 다홍 고추만 잘 판다	[nun eodubda hadeoni dahong gochuman jal ttanda]	'Говорит, что плохо видит, а хорошо собирает только красный перец'
비렁뱅이한테도 붉은 띠 빌린다	[bileong baeng-i hantedo bulg-eun tti billinda].	'И у нищего просить в долг красный пояс'
아내 행실은 다홍 치마적부터 그루를 앉힌다	[anae haengsil-eun dahong chimajeogbuteo geululeul anjhinda]	'Жену сажают на ее место, когда она еще в красном платье'
색시 그루는 다홍치마적에 앉혀야 한다	[saegsi geuluneun dahongchimajeog-e anjhyeoya handa]	'Невестку сажают на ее место, когда она еще в красном платье'
남의 흥패 메고 춤추기	[nam-ui hongpae mego chumchugi]	'Танцевать в чужом красном халате'
공것이라면 눈도 벌겅 코도 벌겅.	[gong-geos-ilameyeon nundo beolgeong kodo beolgeong]	'Когда пусто, то глаза и нос краснеют'
돼지도 낫을 붉히겠다.	[dwaejido nach-eul bulghigetta]	'Даже свинья покраснела бы'
빨간 상놈 푸른 양반	[ppalgan sangnom puleun yangban].	'Красный мужлан и синий дворянин'
돌을 들면 얼굴이 붉어진다.	[dol-eul deulmyeon eolgul-i bulg-eojinda]	'Когда ты поднимаешь камень, твое лицо краснеет'
드는 돌에 낫붉는다	[deuneun dol-e nach bulgneunda]	'Когда ты поднимаешь камень, твое лицо краснеет'
정월 대보름 달빛이 희면 흰벼를 심고, 붉으면 붉은 벼를 심어야 풍년든다	[jeong-wol daeboleum dalbich-i huimyeon huin byeoleul simgo, bulg-eumyeon bulg-eun byeoleul sim-eoya pungnyeon deunda].	'Чтобы получить богатый урожай, в первое полнолуние первого на светлую луну надо сажать белый рис, на красную – бурый рис'

홍어가 뛰니까 망둥이도 뜬다.	[hong-eoga ttwinikka mangdung- ido ttwinda]	‘Кефаль прыгает, бычок тоже прыгает’
이른 봄에는 새 움이 홍역을 한다	[ileun bom-eneun sae um-i hong- yeog-eul handa]	‘Ранней весной птицы заболевают корью (красной болезнью)’
홍역은 평생에 안 걸리면 덤에서라도 앓는다	[hong-yeog-eun pyeongsaeng-e an geollimyeon mudeom-eseolado alhneunda]	‘Если вы не заболите корью при жизни, вы заразитесь ею в могиле’.
쥐구멍에 홍살문 세우겠다	[jwigumeong-e hongsalmun se- ugessda]	‘Построить красные ворота в крысиной норе’.
홍시 먹다가 이 빠진다	[hongsi meogdaga i ppajinda]	‘Пока ел красную хурму, выпали зубы’

Цветобозначение «желтый» 누르다 [nureuda]/노랗다 [noratha]

(황색 [hwangsaek])

Корейские пословицы (40)

Пословицы на корейском языке	транскрипция	Перевод на русский
황달붕어 들여다보듯 하다.	[hwangdal bung-eo deul- yeodabodeus hada.]	‘Все равно, что смотреть на желтушного карпа’
누렁 수캐도 3년을 먹이면 마루에 올라와 앉는다.	[nuleong sukaedo 3 nyeon-eul meog-imyeon malue ollawa anjneunda.]	‘Даже желтые псы будут сидеть на полу, если их кормить в течение трех лет’
황금돈에도 안팎이 있다.	[geum don-edo anpakk-i issda.]	‘Даже у золотых денег есть внутренняя и внешняя стороны’
누런 것이 다 금이냐.	[nuleon geos-i da geum-inya.]	‘Все желтое золото?’
노랑병아리는 다 내 것.	[nolangbyeong-alineun da nae geos]	‘Все желтые цыплята мои’
황금이 흑심이다.	[hwang-geum-i heugsim-ida]	‘Желтое золото – черное сердце’
노랑동전 한 푼에 큰아기가 열둘이다.	[nolangdongjeon han pun-e keun-agiga yeoldul-ida]	‘Одна желтая монета равна двенадцати старшим младенцам’
황금이 있으면 귀신도 부린다.	[hwang-geum-i iss-eumyeon gwisindo bulinda.]	‘Если есть желтое золото, им могут управлять даже призраки’
황금산에 오르려면 먼저	[hwang-geumsan-e oleulyeomyeon meonjeo]	‘Чтобы подняться на Желто- золотую гору, сначала нужно

거름 산에 올라야 한다.	[geoleum san-e ollaya handa.]	подняться на нее'
누렁이나 검둥이나 그놈이 그놈이다.	[nuleong-ina geomdung-ina geunom-i geunom-ida.]	'Желтый он или черный, подлец есть подлец'
황새가 우렁이 주워 먹듯 하다.	[hwangsaega uleong-i juwo meogdeus hada]	'Это похоже на то, как аист хватает улитку и съедает ее'
황새가 논두렁 넘어다보듯 한다	[hwangsaega nonduleong neom-eodabodeus handa]	'Это похоже на аиста, смотрящего на рисовое поле'
황새가 여울목 넘겨다보듯	[hwangsaega yeoulmog neomgyeodabodeus]	'Как аист смотрит через брод'
우렁이 구멍 들여다보듯 한다	[uleong-i gumeong deul- yeodabodeus handa]	'Словно заглянуть в нору улитки'
황새가 울었다	[hwangsaega ul-eosdda]	'Аист плакал'
이도 아니나서 황밤을 먹는다.	[ido aninaseo hwangbam-eul meogneunda]	'Зубы еще не появились, а ест желтые каштаны'
황달병 환자는 세상이 노랗게 보인다	[hwangdalbyeong hwanjaneun sesang-i nolahge boinda]	'Люди с желтухой видят мир желтым'
노랑머리 물레줄 상투 언제 길러서 내 서방 삼나	[nolangmeoli mullejul sangtu eonje gilleoseo nae seobang samna]	'Когда же ты начнешь завязывать желтой повязкой волосы в пучке и станешь моим зятем?'
황금은 선비의 마음조차 검게 만든다	[hwang-geum-eun seonbiui ma-eumjocha geomge mandeunda]	'Желтое золото делает черным даже сердце ученого'
황달병 환자는 세상이 노랗다한다	[hwangdalbyeong hwanjaneun sesang-i nolahda hanja]	'Больной желтухой говорит, что мир желтый'
노랑동전 한 잎도 없다	[nolangdongjeon han ipdo eobsda]	'Нет ни одной желтой монеты'
노랑 동전 한 푼도 없다	[nolang dongjeon han pundoo]	'Нет ни одной желтой монеты'

	eobsda]	
노랑개가 여우 흥본다	[nolang-gaega yeou hyungbonda]	‘Желтая собака критикует лису’
누렁이도 돈만 있으면 황첨지라고 한다	[nuleong-ido donman iss-eumyeon hwangcheomjilago handa]	‘Даже желтую собаку бдццт уважать, если у нее есть деньги’
누런 소는 힘이 세고 검은 소는 고기가 맛 좋다	[nuleon soneun him-i sego geom-eun soneun gogiga mas johda]	‘Желтые коровы сильные, а у черных коров вкусное мясо’
누렁소나 황소나	[nuleongsona hwangsona]	‘Что желтая корова, что золотисто-желтая корова’
누렁이에게 물려도 검둥이를 무서워한다	[nuleong-iege mullyeodo geomdung-ileul museowohanda]	‘Даже если вас укусит желтая собака, все равно бойтесь черную’
얻어 먹을 것도 사돈집 노랑강아지 때문에 못 얻어 먹는다	[eod-eomeog-eulgeosdosadonjibnolanggang-ajittaemun-e moseod-eomeogneunda].	‘Не получается что-то взять у сватов из-за жёлтой собаки’
사돈 지내는 것도 칠팔월에 논벼가 검거든 지내지 말고 누렁거든 지내라고 했다.	[sadon jinaeuneun geosdo chilpal-wol-e nonbyeoga geomgeodeun jinaeji malgo nuleohgeodeun jinaelago haessda]	‘Когда дело доходит до проживания у родственников мужа на седьмой и восьмой месяцы не оставайся, если рис черный, а оставайся, если он желтый’
딸을 주겠거던 류월달에 베푼 집에 주라.	[ttal-eul jugessgeodeon lyuwoldal-e byeonuleon jib-e jula]	‘Если выдаете замуж дочь в июне, отдайте ее в дом, где есть желтый рис’
황금비가 내린다	[hwang-geumbiga naelinda]	‘идет золотисто-желтый дождь’
노랑 물 한 방울 안 나오게 생겼다	[nolang mul han bang-ul an naoge saeng-gyeosdda]	‘Похоже, ни одна капля желтой воды не вытекла’
누런 것이 다 금이냐	[nuleon geos-i da geum-inya]	‘Все ли желтое золото?’
황금 천 냥이 자식 교육만 못하다	[hwang-geum cheon nyang-i jasig gyoyugman moshada]	‘Тысяча золотых котов не так хороша, как воспитание ребенка.’
삭은 바자 구멍에 노란 개 주둥이	[sag-eun baja gumeong-e nolan gae judung-i]	‘желтая собачья морда в щели на старом базаре’

다삭은 바자툼에 누렁개 주둥이 같다	[dasag-eunbajateum-e nuleong-gaejudung-i gatda]	‘В щель старого рынка выглядывает мордочка жёлтой собаки’
곡령엔 소나무가 푸르고 계림엔 나뭇잎이 노랗다	[goglyeong-en sonamuga puleugo gyelim-en namus-ip-i nolaejinda].	‘Сосны в Кокенге зеленые, а в Гериме листья желтые’
싸수가 노랗다	[ssagsuga nolahda]	‘Бутоны желтые’
싸이 노랗다	[ssag-i nolahda]	‘Бутоны желтые’
떡잎에 황이 들다	[tteog-ip-e hwang-i deuld]	‘Семя доли становятся желтыми’
안질에 노랑 수건	[anjil-e nolangsugeon]	‘желтое полотенце при заболевании глаз’

**Цветобозначение «синий» 푸르다 [pureuda]/파랗다 [paratha]
(청색 [cheongsae])**

Корейские пословицы (26)

На корейском языке	транскрипция	Перевод на русский
칠년 가뭄에 푸른빛을 볼 수 있으니 석 달 장마에 푸른빛을 볼 수 없다.	[chilnyeon gamum-e puleunbich-eul bol su iss-euni seog dal jangma-e puleunbich-eul bol su eobsda.]	‘Вы можете увидеть синий свет во время семилетней засухи, но вы не можете увидеть синий свет во время трехмесячного сезона дождей’
푸른 양반.	[puleun yangban.]	‘Синий господин’
푸른 소에 돌 던지듯.	[puleun so-e dol deonjideus.]	‘Словно бросить камень в синее (зеленое) болото.’
푸른 하늘에 별 박히듯.	[puleun haneul-e byeol baghideus.]	‘Как звезды на голубом небе’
푸른 소나무 절개는 겨울이 되어야 안다.	[puleun sonamu jeolgaeneun gyeoul-i doeoyo anda.]	‘Преданность синих (зеленых) сосен можно узнать только зимой.’
청출어람.	[cheongchul-eolam]	‘Ученик превосходит своего учителя’
청대 독 같다.	[cheongdae dog gatda.]	‘Бамбук словно яд’
청기와 장수.	[cheong-giwa jangsu.]	‘Обладать секретом чего-то’
푸른 보자기에 개똥.	[puleun bojagie gaettong]	‘Собачья какашки на синей ткани’
푸른 풀도 자세히 보면 다르다.	[puleun puldo jasehi bomyeon daleuda.]	‘Даже синяя (зеленая) трава отличается, если присмотреться’
푸른 옷을 입을 때는 해나무를 잊지 말라.	[puleun os-eul ib-eul ttaeneun hwaenamuleul ij-ji malla.]	‘Когда носишь синюю одежду, не забывай о кипарисе.’
솔잎이 새파라니까 오뉴월만 여긴다.	[puleun os-eul ib-eul ttaeneun hwaenamuleul ij-ji malla.]	‘Смотреть на синие (зеленые) листья сосны и думать, что лето’

겨울이 다 되어야 솔이 푸른 줄 안다	[gyeoul-i da doeoya sol-i puleun jul anda]	‘Только с наступлением зимы понять, что сосна зеленая’
파란만장	[palanmanjang]	‘Большие изменения; различные испытания, взлеты и падения’
청보에 싼 개똥은 반드시 냄새가 나고야 만다	[cheongbo-e ssan gaettong-eun bandeusi naemsaega nagoya manda].	‘Собачьи отходы, завернутые в синий платок, обязательно начнут издавать вонь’
청보에 개똥 싼 격	[cheongbo-e gaettong ssan kyeok].	‘Как собачьи отходы, завернутые в синий платочек’
청실 홍실 매야만 연분인가	[cheongsil hongsil maeyaman yeonbun-inga].	‘Будет ли считаться союзом, если завязать красную и синюю нитки?’
청상과부는 살아도 홍상과부는 못산다	[cheongsang-gwabuneun sal- ado hongsang-gwabuneun mossanda].	‘Синяя вдова может жить, а красная – нет’
빨간 상놈 푸른 양반	[ppalgan sangnom puleun yangban].	‘Красный простолоудин, синий/голубой дворянин’
청천 하늘에 날벼락	[cheong cheon haneul-e nalbyeolag].	‘Молния среди ясного голубого неба’
청천에 구름 모이듯	[cheongcheon haneul-e nalbyeolag]	‘Тучи собираются на голубом небе’
파랑새 보고 며늘아기 곡식 뒷박 기운다	[palangsae bogo myeoneul-agi gogsig doesbag giunda].	‘Увидев синюю птицу, невестка прячет зерно’
청어 굽는 냄새맡고 나갔던 며느리가 되 돌아온다	[cheong-eogubneun naemsaе matgo nagassdeon myeoneuliga doedol-aonda].	‘Невестка возвращается, почувствовав запах жареной селетки’
청룡이 개천에 빠져 엎드려있으니 뱀장어로 본다	[cheonglyong-i gaecheon-e ppajyeo eopdeulyeoiss-euni baemjang-eolo bonda].	‘Когда синий дракон лежит в ручье лицом вниз, он похож на угря’
산젯 밥에 청메뚜기 뛰어 들듯	[sanjesbab-e cheong mettugi ttwieo deuldeus].	‘Как зеленый кузнечик, прыгающий в жертвоприношение богу горы Шин’
청자 접시에 보리 개떡.	[cheongja jeobsie bori gaetteog]	‘На синей тарелочке ячменно- рисовый пирог’

Результаты свободного ассоциативного эксперимента с калмыцкими информантами по первичным ассоциативным реакциям (возраст от 40 до 81 года)

Белый (позитивная ассоциация): *Белый старец 14, Снег 13, Чистота 8, Свет 4, Молоко 4, Облако 4, Чай 4, Саван 2, Свадьба 2, Светлый 2, Рай 2, Розы 2, Авто, Аист, Армия, Вата, Врач, Гроб, Голубь, Жемчуг, Жизнь, Здоровье, Колодка, Лебедь, Лист, Мел, Начало, Обувь, Одеяло, Пар, Пломбир, Победа, Подоконник, Подснежник, Постель, Пух, Ромашка, Сахар, Свобода, Смерть, Снежинка, Спокойствие, Стул, Тетрадь, Ткань, Торт, Умиротворение, Футболка, Цветы, Экран, Яйца.*

Белый (негативная ассоциация): *Смерть 16, Пустота 6, Дым 4, Саван 4, Снег 4, Гроб 3, Облака 3, Болезнь 2, Больница 2, Брюки 2, Глаза 2, Грязь 2, Медицинский халат 2, Молоко 2, Мороз 2, Сахар 2, Стены в больнице 2, Альбинос, Воспоминания, Гарь, Глубина, Гной, Зависть, Змея, Кино, Ложь, Луна, Манная каша, Маркость, Машина, Мел, Мертвец, Налет, Наркотики, Покойник, Порошок, Привидение, Прокисшее молоко, Пустой лист, Родители, Рождение, Сад, Свадьба, Свет, Свобода, Слезы, Смок, Сода, Соль, Статус, Футболка, Хаос, Химия, Холод, Черви, Черный, Шнур.*

Черный (позитивная ассоциация): *Шулмус 17, Машина 5, Квадрат 5, Ночь 4, Война 3, Гроб 3, Стиль 3, Платье 3, Телефон 3, Элегантность 3, Деньги 2, Костюм 2, Кот 2, Одежда 2, Смерть 2, Ад, Бог, Боль, Брюки, Виноград, Власть, Волга машина, Волосы, Ворон, Глаза, Даль, Дым, Зависть, Земля, Икра, Круг, Кофе, Кошка, Летучая мышь, Мерседес, Море, Мрак, Нефть, Офис, Печаль, Пальто, Поезд, Рояль, Сила, Строгость, Сурьма для глаз, Тревога, Тюльпан, Уголь, Человек, Чернозем, Чёрт, Шоколад, Штаны, Цой.*

Черный (негативная ассоциация): *Смерть 16, Траур 8, Тьма 5, Ночь 4, Дыра 3, Похороны 3, Человек 3, Шулмус 3, Боль 2, Гнев 2, Гроб 2, Грусть 2, Печаль 2, Туча 2, Ад, Бедность, Бездна, Болезнь, Борода, Вдова, Волосы, Ворон,*

Депрессия, Дорога, Дым, Дьявол, Зависть, Зло, Икра, Камень, Кардиган, Квадрат, Колеса, Кот, Мазут, Молодежь, Мрак, Мысль, Мышь, Нефть, Одежда, Памятник, Платок, Плач, Пустота, Пятно, Сажка, Свет, Сердце, Собака, Страх, Телефон, Убийца, Угольный смол, Хлеб, Шапка, Яма.

Красный (положительная ассоциация): *Тюльпан 8, Роза 7, Кровь 6, Страсть 6, Армия 5, Закат 4, Флаг 4, Цветы 4, Кисточка на шапке 3, Огонь 3, Помада 3, Сердце 3, Флаг СССР 3, Арбуз 2, Знамя 2, Любовь 2, Счастье 2, Яблоко 2, СССР, Бык, Гвоздики, Голод, Горючее, Горячий, Гранат, Дед Мороз, Дьявол, Жизнь, Занавес, Клубок, Ключ, Командир, Коммунист, Красота, Линия, Машина, Нос, Октябрь, Перец, Помидор, Радость, Род, Свет, Сила, Томат, Труселя, Цвет, Энергия.*

Красный (негативная ассоциация): *Кровь 35, Пожар 8, Огонь 8, Тряпка для быка 4, Бык 3, Опасность 3, Война 3, Рана 3, Вульгарность 2, Глаза 2, Революция 2, Смерть 2, Террор 2, Ярость 2, Агрессия, Ад, Блондинка, Болезнь, Вино, Гнев, Горячка, Жара, Запрет, Клопы, Луна, Мак, Маникюр, Обман, Платье, Пожарная машина, Сигнал светофора, Страх, Сыпь, Чувства.*

Желтый (положительная ассоциация): *Солнце 45, Тюльпан 9, Буддизм 6, Калмыцкий флаг 2, Лимон 2, Масло 2, Свет 2, Тепло 2, Флаг 2, Хурул 2, Цветок 2, Цыпленок 2, Блеск, Газовая труба, Доброта, Дракон, Желчь, Зубы, Кислота, Лето, Лучи, Монеты, Налет, Одуванчик, Пух, Разлука, Ржавчина, Розы, Ромашка, Спокойствие, Теплота, Тигр, Удача, Утка.*

Желтый (негативная ассоциация): *Желчь 6, Разлука 6, Болезнь 7, Ржавчина 4, Гной 3, Жара 3, Жидкость 3, Банан 2, Желтуха 2, Зубы 2, Измена 2, Лимон 2, Пчела 2, Стена 2, Цирроз 2, Украина 2, Уныние 2, Алкоголь, Боль, Больная печень, Ботинки, Бразилия, Война, Глаз, Грусть, Грязь, Детская неожиданность, Желтая карта в психиатрии, Звезды, Змея, Кал, Кирпич, Кожа, Лицо, Мазь, Масло, Мрак, Налёт, Ногти, Песок, Печаль, Печень, Пламя, Подсолнух, Пожар, Предупреждение, Пресса, Протез, Пустыня, Раздражение, Раствор медици, Рвота, Роза, Сатана, Синяк, Слизь, Солнце, Старость, Телефон, Топливо, Трава, Тюрьма, Цвет лица, Яд, Ярко.*

Синий (положительная ассоциация): *Море 36, Небо 28, Иней 6, Василек 2, Дыхание 2, Краска 2, Океан 2, Синяк 2, Аквамарин, Благородство, Вера, Вода, Глубина, Государство, Джинсы, Дождь, Дом, Зима, Картина, Кровь, Небосвод, Нос, Облако, Парашют, Простор, Роса, Свобода, Стень.*

Синий (негативная ассоциация): *Холод 10, Синяк 6, Глубина 5, Алкоголь 4, Кит 4, Океан 3, Алкаш 3, Дно 3, Единоросы 3, Море 3, Бездна 2, Глубина в море 2, Лед 2, Мазут 2, Мороз 2, Насекомое 2, Ураган 2, Большие волны, Борода, Ведро, Вена, Вода, Водка, Глыба, Голубые береты, Губы, Джинсы, Железо, Зима, Излучение, Красота, Ларь, Маска, Машина, Мусор, Небо, Недоверие, Нос, Ночь, Отсутствие, Плесень, Покойник, Полицейская сирена, Прокуратура, Птица, Ревматизм, Роза, Ручей, Ручка, Стены в больнице, Страх, Сумрак, Таблетки, Тоска, Труп, Туман, Укропы, Усталость, Утопленник.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Результаты свободного ассоциативного эксперимента с калмыцкими информантами по первичным ассоциативным реакциям (возраст от 15 до 25 лет)

Белый (позитивная ассоциация): Снег 13, Чистота 6, Облака 5, Свет 5, Чай 5, Рай 4, Цветок 4, Кроссовки 3, Лебедь 3, Алчность 2, Выделяющий 2, Гроб 2, День 2, Кефир 2, Любовь 2, Молоко 2, Наркотики 2, Обувь 2, Подоконник 2, Порошок 2, Простынь 2, Свадьба 2, Стул 2, Тетрадь 2, Ткань 2, Экран 2, Безмятежный, Белая тара, Волк, Врач, Жемчуг, Жизнь, Зима, Лёгкость, Мел, Платье, Пломбир, Победа, Розы, Сахар, Снежинка, Тюль, Халат, Яйца.

Белый (негативная ассоциация): Смерть 15, Пустота 6, Грязь 4, Кокаин 4, Молоко 4, Брюки 3, Бумага 3, Маркий 3, Привидение 3, Грязь 2, Зависть 2, Кино 2, Ложь 2, Луна 2, Молоко 2, Наркотики 2, Порошок 2, Рождение 2, Свет 2, Слезы 2, Снег 2, Соль 2, Стена 2, Учеба 2, Шнур 2, Белизна, Болезнь, Воспоминания, Глаза, Гной, Гриб, Гроб, Змея, Кровать, Маньяк, Маркость, Пустой Лист, Род, Родители, Сахар, Свадьба, Слепит глаза, Снежная лавина, Сода, Труп, Хлад, Шоколад, Яркий Свет,

Черный (позитивная ассоциация): Деньги 7, Стиль 7, Ночь 7, Кот 6, Одежда 5, Ноутбук 4, Старость 4, Шоколад 4, Волосы 3, Машина 3, Обувь 3, Чай 3, Ад 2, Глаза 2, Горечь 2, Зависть 2, Костюм 2, Коррупция 2, Печаль 2, Стол 2, Уголь 2, Удобный 2, Хлеб 2, Элегантно 2, Бэтмен, Бургер, Ворон, Звезды, Звездная ночь, Лошадь, Машина люкс, Нефть, Объектив, Пантера, Платье, Похороны, Ручка, Смородина, Стройность, Телевизор, Телефон, Тетрадь, Тюльпан, Цвет

Черный (негативная ассоциация): Смерть 22, Траур 8, Ночь 5, Похороны 4, Боль 4, Тьма 3, Убийца 3, Человек 3, Вдова 2, Ворон 2, Гнев 2, Гроб 2, Дорога 2, Кардиган 2, Квадрат 2, Кот 2, Мышь 2, Свет 2, Сердце 2, Стильный 2, Страсть 2, Телефон 2, Темнота 2, Автобус, Бедность, Браконьер, Глубь, Грязь, Горе, Душа, Пантера, Дыра, Зло, Мазут, Мрак, Омут, Пепел,

Переулок, Пустота, Собака, Теснота.

Красный (позитивная ассоциация): *Тюльпан 11, Кровь 8, Помада 6, Розы 6, Клубника 4, Огонь 4, страсть 4, Сердце 4, Счастье 3, Любовь 3, Мак 3, Цветы 3, Благо 2, Гордость 2, Дьявол 2, Занавес 2, Интернет 2, Карандаш 2, Клубок 2, Ключ 2, Минимализм 2, Неон 2, Ножницы 2, Оценки 2, Перец 2, Цвет 2, Яблоко 2, Жизнь, Приключения, красный диплом, жара, костюм, помидор, румянец, светофор, вино, пламя, платье*

Красный (негативная ассоциация): *Кровь 26, Огонь 9, Бык 6, Война 6, Глаза 4, СПИД 3, Агрессия 2, Глаза быка 2, Гнев 2, Мак 2, Маникюр 2, Обман 2, Опасность 2, Палач 2, Платье 2, Ручка 2, Страх 2, Смерть 2, Тряпка 2, Этикетка 2, Яркий 2, Ярость 2, Ад, Артерия, Жара, Клопы, Луна, Любовь, Пламя, Пожар, Помидор, сигареты, Сыпь, Томатный сок, Убийство, Фаст-фуд.*

Желтый (позитивная ассоциация): *Солнце 48, Тюльпаны 12, Буддизм 3, Тепло 3, Цыпленок 3, Акация 2, Блеск 2, Кисло 2, Любовь 2, Монеты 2, Мяч 2, Пара 2, Песок 2, Ржавчина 2, Фильм 2, Лучи, Лимонад, Манго, Омега, Оптимизм, Оценки, Психбольница, Спокойствие, Футболка, Хурул, Шар.*

Желтый (негативная ассоциация): *Болезнь 6, Жара 4, Жидкость 4, Разлука 4, Телефон 4, Гной 3, Лимон 3, Оса 3, Пчела 3, Раздражение 3, Солнце 3, Болячка 2, Гангрена 2, Грусть 2, Грязь 2, Желток 2, Желчь 2, Женищина 2, Змея 2, Зубы 2, Истерика 2, Маршрутка 2, Песок 2, Пиво 2, Пожар 2, Ржавая 2, Стена 2, Таблица 2, Уныние 2, Цирроз 2, Автобус, безответственность, Вычурность, Гепатит, Желтая земля, Желтые зубы, Китайцы, Книга, Кружка, Лучи, Масло, Морс, Надоедливый, Налет, Огонь, Отходы, Паук, Перец, Пятно, Синяк, Шампунь.*

Синий (позитивная ассоциация): *Море 44, Небо 18, Океан 6, Иней 5, Дыхание 3, Дом 2, Кит 2, Синяк 2, Сияние 2, Глаза, Глубина, Джинсы, Диплом, Дисциплина, Доверие, Ламборгини, Небо вечером, Свитер, Свобода, Футболки, Человек, Черника, Чернила, Школьная форма.*

Синий (негативная ассоциация): *Холод 7, Глубина 6, Кит 6, Синяк 5,*

Акула 4, Дно 4, Алкоголь 3, Насекомое 3, Небо 3, Океан 3, Утопление 3, Цунами 3, Алкоголик 2, Борода 2, Вена 2, Красота 2, Ларь 2, Машина 2, Море 2, Обморожение 2, Папа 2, Ревматизм 2, Роза 2, Ручей 2, Тоска 2, Вода, Волны, Гроза, Губы, Джинсы, Золото, Краситель, Маска, Мороз, Морская бездна, Одиночество, Отсутствие, Плесень, Полицейская сирена, Ручка, Слеза, Страх, Сумрак, Тонуть, Тучи, Ураган, Ушиб, Шторм

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Результаты свободного ассоциативного эксперимента с корейскими информантами (молодое поколение) по первичным ассоциативным реакциям (возраст от 19 до 27 лет)

Цветообозначение «белый» 희다 [hwida] / 하얗다 [hayatha]
(백색 [baeksaek])

Белый (позитивная ассоциация)	транскрипция	Перевод на русский язык	Белый (негативная ассоциация)	транскрипция	Перевод на русский язык
깨끗함	[kkaekkeusham]	чистота 31	정신병원	[jeongsinbyeongwon]	психбольница 12,
청결 순수(한)	[cheong-gyeol sunsu(han)]	искренность 16	공허	[gongheo]	пустота 11,
눈	[nun]	снег 6	아무것도 없다/없다	[amugeosdo eobsda/eobsda]	ничего 9,
구름	[guleum]	облако 5	공백	[gongbaeg]	пустое пространство 8,
밝음	[balg-eum]	ясный 5	창백하다	[changbaeghada]	бледный 5
빛	[bich]	свет 4	정신병	[jeongsinbyeong]	психическое расстройство 5
눈사람	[nunsalam]	снеговик 4	귀신	[gwisin]	привидение 4,
깔끔/정결	[kkalkkeum/ jeong-gyeol]	аккуратность 4	멍청한	[meongcheonghan]	глупый 4
천사	[cheonsa]	ангел 3	무지	[muji]	невежество 4
도화지	[dohwaji]	бумага для рисования 3	거짓말/허 망	[geojismal/ heomang]	ложь 3
순백	[sunbaeg]	чисто-белый 3	외로움/고	[oeloum/ godog]	одиночество 3

			독		
종이	[jong-i]	бумага 2	무	[mu]	редька 3
순결	[sungyeol]	душевный 2	죽음	[jug-eum]	смерть 3
세상	[sesang]	мир 2	백지	[baegji]	бумага 2
투명한	[tumyeonghan]	прозрачный 2	두려움	[dulyeoum]	страх 2
에어팟	[eeopas]	айрподс	쉽게 더러워짐	[swibge deoleowojim]	легкогрязнеюци й 2
나비	[nabi]	бабочка	백룸	[baeglum]	белая комната,
흰 종이	[huin jong-i]	белая бумага	백야	[baeg-ya]	белые ночи,
백의민족	[baeg- uiminjog]	белая нация	백기	[baeggi]	белый флаг,
순백	[sunbaek]	белоснежный	흰색인	[huinsaeg-in]	белый человек,
솜	[som]	вата	흔돈할시 내머릿속 에	[hondonhalsi naemeolis-sog-e]	беспорядочно в голове,
포카리스	[pokaliseu]	газировка	참백한	[chambaekhan]	бледность,
비둘기	[bidulgi]	голубь	늪	[neup]	болото,
낮	[naj]	день	병원	[byeong-won]	больница,
아늑함	[aneukham]	комфорт,	대수롭다	[daesulobda]	важный,
토끼	[tokki]	кролик,	고름	[goleum]	гной,
백조	[baegjo]	лебедь,	비둘기 똥	[bidulgi ttong]	голубиные какашки,
가볍다	[gabyeobda]	легкий	낮	[naj]	день
마스크	[maseukeu]	маска	백치	[baegchi]	идиот,
평화	[pyeonghwa]	мир	예수	[Yesu]	Иисус Христос,

우유	[uyu]	<i>молоко,</i>	투함	[tuham]	<i>капитуляция,</i>
부드러운	[budeuleoun]	<i>мягкий</i>	단조롭다	[danjolobda]	<i>монотонный,</i>
순백	[sunbaeg]	<i>наивность</i>	잘 보이지 않은	[jal boiji anh-eun]	<i>мутный,</i>
하늘	[haneul]	<i>небо</i>	생각	[saeng-gag]	<i>мысли,</i>
독립	[doglib]	<i>независимость</i>	강박적	[gangbagjeog]	<i>навязчивый,</i>
옷	[osjang]	<i>одежда</i>	하늘 나라	[haneul nala]	<i>небесное царство</i>
긍정	[geungjeong]	<i>положительный</i>	무지	[geungjeong]	<i>невежество,</i>
빈	[binkan]	<i>пустой</i>	무지한	[mujihan]	<i>неграмотный,</i>
천국	[cheongug]	<i>рай</i>	불안정	[bul-anjeonghan]	<i>нестабильность</i>
웨딩드레스	[wedingdeules eu]	<i>свадебное платье</i>	장례	[janglye]	<i>похороны</i>
순결	[sungyeol]	<i>целомудрие</i>	새똥	[saettong]	<i>-птичий помет,</i>
강아지	[gang-aji]	<i>щенок</i>	너무 밝다	[neomu balgda]	<i>светлый,</i>
			섬광탄	[seomgwangtan]	<i>светошумная граната,</i>
			담배	[dambae]	<i>сигарета,</i>
			죽음	[jug-eum]	<i>смерть,</i>
			눈	[nun]	<i>снег,</i>
			낡은	[nalg-eun]	<i>старый,</i>
			무서운	[museoun]	<i>страшный,</i>
			슬픔	[seulpeum]	<i>траур,</i>
			막연하다	[mag-yeonhada]	<i>тусклый,</i>
			무시무시 하다	[musimusihada]	<i>ужасный,</i>

			국화꽃	[gughwakkoch]	хризантема,
			각질	[gagjil]	шелуха

Цветообозначение «черный» 검다 [komta] (흑색 [heugsaek])

Черный (позитивная ассоциация)	транскрипция	Перевод на русский язык	Черный (негативная ассоциация):	транскрипция	Перевод на русский язык
깔끔하다	[kkalkkeumhada]	аккуратный 22	어둡다	[eodubda]	темный 29
없음	[eobs-eum]	нет 11	어둠/암흑	[eodum/amheug]	тьма 19
밤	[bamsae]	ночь 5	악/흑악	[ag/heug-ag]	зло 9
평범하다	[pyeongbeomhada]	простой 3	죽음	[jug-eum]	смерть 4
시크	[sikeu]	шик 3	아름	[ameug]	мрак 3
도도하다	[dodohada]	высокомерный 2	절망	[jeolmang]	отчаяние 3
장인하다	[jang-inhada]	жестокий 2	장례식	[janglyesig]	похороны 3
세련되다	[selyeondoeda]	изящный 2	나락	[nalag]	ад 2
고요하다	[goyohada]	неподвижность 2	단정하다	[danjeonghada]	аккуратный 2
차분하다	[chabunhada]	спокойный 2	때답	[ttaedalm]	грязный 2
깨끗하다	[kkaekkeushada]	чистый 2	우울증	[uuljeung]	депрессия 2
권위	[gwon-wi]	авторитет,	악마	[agma]	дьявол 2
고요	[goyo]	благородство	사후세계	[sahusegye]	загробная жизнь 2
안전함	[anjeonham]	безопасность	없다	[eobsda]	нет 2
영롱하다	[yeonglonghada]	блестящий	무섭다	[museobda]	страшный 2

저녁	[jeonyeog]	вечер	블랙아웃	[beullaeg-aus]	Блэкаут
머릿가락	[meolisgalag]	волосы	까마귀	[kkamagwi]	ворона
우주	[uju]	вселенная	심야	[sim-ya]	глубокая ночь
고급	[gogeub]	высокий уровень	보염된물	[boyeomdoenmul]	грязная вода
고급집	[gogeubjim]	высококачественный багаж	흙탕물	[heulgtangmul]	грунтовая вода
자존심 세다	[jajonsim seda]	высокомерный	때	[ttae]	грязь
신사	[sinsa]	джентльмен	타락	[talag]	деградация
디자인	[dijain]	디자인	마음	[ma-eum]	душа
단결	[dangyeol]	единство	답답하다	[dabdabhada]	душный
눈동자	[nundongja]	зрачок	저주	[jeoju]	жертва
강력하다	[ganglyeoghada]	интенсивность	침체	[chimche]	застой
영화스크린	[yeonghwaseukulin]	киноэкран	흙	[heulg]	земля
가볍다	[gabyeobda]	легкий	모기	[Mogi]	комар
차	[cha]	машина	인제강정기	[injegangjeonggi]	Корея под властью Японии
유행적인	[yuhaengjeog-in]	модный	사자	[Saja]	лев
		мрачный	미스토리	[Miseutoli]	мистический
동립적인	[donglibjeog-in]	независимый	안보이게	[anboige]	невидимо
심야	[sim-ya]	ночной вид	밤	[Bam]	ночь
웃	[os]	одежда	불에 탄 흔적	[bul-e tan heunjeog]	остатки после огня
휴식	[hyusig]	отдых	굴	[gul]	пещера

차단	[chadan]	перекрыть	총	[chong]	пистолет
흡수	[heubsu]	поглощение	범죄	[beomjoe]	преступление
잘 어울리다	[jal eoullida]	подходит ко всему	공허	[gongheo]	пустота
글씨	[geulssi]	почерк	졸임	[jol-im]	соленья
사색	[sasaeg]	размышлени е	꿈	[kkum]	сон
새벽	[saebyeog]	рассвет	공포	[gongpo]	ужас
펜	[pen]	ручка	공포	[gongpo]	ужастик
섹시하다	[segsihada]	сексуальный ,	칙칙하다	[chigchighada]	унылый
강인하다	[gang-inhada]	сила	고집	[gojib]	упрямство
별빛	[byeolbich]	сияние звезды	척척하다	[cheogcheoghad a]	хмурый
완	[wan]	совершенны й			
선글라스	[seongeullaseu]	солнцезащи тные очки			
꿈	[kkum]	сон			
까치	[kkachi]	сорока			
		спонтанный			
정지	[jeongji]	стоп			
비밀스럽다	[bimilseulobda]	тайный			
핸드폰	[haendeupon]	телефон			
어두움	[eoduum]	темнота			
어둡다	[eodubda]	темный			
고요함	[goyoham]	тишина			
편안하다	[pyeon-anhada]	Удобный			
아늑하다	[aneughada]	уютный			

영화	[yeonghwa]	фильм			
카리스마	[kaliseuma]	харизма			
검은 옷	[geom-eun os]	черная одежда			
검은 티	[geom-eun ti]	черная футболка			
시크	[sikeu]	шикарный			

Цветобозначение «красный» 붉다[bulkta]/발갈다 [palgatha]

(적색[jeogsaek])

Красный (позитивная ассоциация)	транскрипция	Перевод на русский язык	Красный (негативная ассоциация)	транскрипция	Перевод на русский язык
열정하다 적극적	[yeoljeonghada jeoggeugjeog]	энергичный 23	피	[pi]	кровь 38
정열 /	[jeong-yeol]	страсть 15	장인하다	[jang-inhada]	жестокий 6
사랑	[saram]	любовь 12	죽음	[jug-eum]	смерть 4
열렬하다	[yeollyeolhada]	страстный 11	없다	[eobsda]	нет 4
꽃	[kkoch]	цветок 9	금지	[geumji]	запрет 3,
사과	[sagwa]	яблоко 7	불길	[bulgil]	огонь 3,
장미	[jangmi]	роза 3	무섭다	[museobda]	страшный 3,
태양	[taeyang]	солнце 3	아픔	[apeum]	боль 2,
레드 악마 / 붉은	ledu agma / bulg-eun	красные дьяволы 2	상처	[sangcheo]	рана 2,
피	[pi]	кровь 2	피얼룩	[pieollug]	пятна крови 2,
헌혈	[heonhyeol]	сдача крови 2	지옥	[jiog]	ад

식욕	[sig-yog]	аппетит	덥다	[deobda]	горячий
수박	[subag]	арбуз	바닥	[badag]	дно
부	[bu]	богатство	도깨비	[dokkaebi]	дьявол
자극적	[jageugjeog]	возбуждающий	반역	[ban-yeog]	измена
덥다	[deobda]	горячий	전쟁에서 피 흘리고 희생하는 역사	[jeonjaeng-eseo pi heulligo huisaenghaneun yeogsa]	история кровопроли тной войны
강력하다	[ganglyeoghada]	давить	공사당	[gongsadang]	компартия,
정결	[jeong-gyeol]	добродетель	보수정당	[bosujeongdang]	консерватив ная партия,
체육볶음	[cheyugbokkgeu m]	жареная свинина в остром красном соусе	빨간 마스크	[ppalgan maseukeu]	красная маска,
생동감	[saengdong- gam]	живой	혈연관계	[hyeol- yeongwangye]	кровное
생명	[saengmyeong]	жизнь	미신	[misin]	мистика
노을	[no-eul]	Заря	이에 낀 고춧가루	[ie kkin gochusgalu]	молотый красный перец
아름답다	[aleumdabda]	Красивый	지겹다	[jigyeobda]	надоедает
아름다운	[aleumdaun]	Красота	강제	[gangje]	насилие
밋줄	[mijchul]	линия подчеркивания	위험	[wiheom]	опасность
없다	[eobsda]	нет	정치	[jeongchi]	политика
불	[bul]	Огонь	도움	[doum]	помощь,
열매	[yeolmae]	плоды	경고	[gyeong-go]	предупрежд ение
경산도	[gyeongsando]	провинция Кенсан	저주	[jeoju]	проклятие

지극작	[jigeugjag]	Раздражающий	자극적	[jageugjeog]	раздражающ ий
광선신호등	[gwangseonsinh odeung]	светофор	혈흔	[hyeolheun]	родство
심장	[simjang]	сердце	북한	[bughan]	северная коря
힘	[him]	сила	국민의 힘	[gugmin-ui him]	сила нации
명예	[myeong-ye]	слава	고통	[gotong]	страдание
스파게티	[seupageti]	Спагетти	열역학	[yeol-yeoghag]	термодинам ика
행복	[haengbog]	Счастье	공포	[gongpo]	ужас
따뜻하다	[ttatteushada]	теплый	극단적	[geugdancheog]	экстремальн ый
떡볶이	[tteogbokk-i]	Токпокки	윤석열	[yunseog-yeol]	Юн Сок Ель (футболист)
보석	[boseog]	украшение			
완고하다	[wangohada]	упорный			
홍일점	[hong-iljeom]	яркое пятно			

**Цветообозначение «желтый» 누르다 [nureuda]/노랗다 [noratha]
(황색 [hwangsaek])**

Желтый (позитивная ассоциация)	транскрипц ия	Перевод на русский язык	Желтый (негативная ассоциация)	транскрип ция	Перевод на русский язык
꽃	[kkoch]	цветок 19	없다	[eobsda]	нет 22
개나리	[gaenali]	форзиция 13	오줌	[ojum]	моча 8
밝다	[balgda]	яркий 12	고름	[goleum]	гной 4
따뜻하다	[ttatteushada]	теплый 8	더럽다	[deoleobda]	грязный 4
화사하다	[hwasahada]	роскошный 6	황달	[hwangdal]	желтуха 4
병아리	[byeong-ali]	цыпленок 6	유치하다	[yuchihada]	незрелый 4

햇빛	[haesbich]	солнечные лучи 4	미치다	[michida]	сумасшедший 4
발랄하다	[ballalhada]	веселый 3	난작스러움	[nanjagseuleoum]	беспорядок 3
적극적이다	[jeoggeugjeog-ida]	активный 2	병	[byeong]	болезнь 3
바나나	[banana]	банан 2	번개	[beongae]	молния 3
유치원	[yuchiwon]	Детский сад 2	황사	[hwangsa]	пыльная буря 3
유년기	[yunyeonggi]	Детство 2	덥다	[deobda]	горячий 2
귀여움	[gwiyeoum]	милота 2	미세먼지	[misemeonji]	маленькие частицы в воздухе 2
꽃가루	[kkochgalu]	пыльца 2	고독	[godog]	одиночество 2
빛	[bich]	свет 2	눈부심	[nunbusim]	ослепительный 2
밝음	[balg-eum]	светлый 2	경고	[gyeong-go]	предупреждение 2
나비	[nabi]	бабочка	말벌	[malbeol]	пчела 2
빅뱅	[bigbaeng]	Биг Бэн	꽃가루	[kkochgalu]	пыльца 2
메모	[memo]	Блокнот	앨범	[aelbeom]	альбом
눈에 띄м	[nun-e ttim]	бросается в глаза	바나나	[banana]	банан
봄	[bom]	Весна	참백하다	[chambaeghada]	бледный
비타민 C	[bitamin]	витамиn C	서택	[seotaeg]	болото
병아리유치원생	[byeong-aliyuchiwonsaeng]	воспитанники детсада Цыпленок	병자	[byeongja]	больной
조화	[johwa]	гармония	복탄 / 폭발	[bogtan / pogbal]	бомба
세월호 사건	[sewolhosageon]	дело корабля Суволь	해롭다	[helobda]	вредный для здоровья
동심	[dongsim]	детская душа	어질어움	[eojil-eoum]	головокружение

노란 우비	[nolan ubi]	Дождевик	연기	[yeonggi]	дым огня
우정	[ujeong]	дружба	누렁니	[nuleongni]	желтые зубы
젊음	[jeolm-eum]	молодость	오염	[oyeom]	загрязнение
온화하다	[onhwahada]	нежный	약	[yag]	лекарство
순수하다/유치 하다	[sunsuhada/y uchihada]	незрелый	사이비 종교	[saibi jong- gyo]	лженаука
없다	[eobsda]	нет	누릿함	[nulisham]	наслаждение
밋출	[mijchul]	нижнее подчеркивание	찜찜하다 고약하다	[jjimjjimhad a goyaghada]	неприятный
반딧불이	[bandisbul-i]	огоньки	오물	[omul]	нечистоты
민들레	[mindeulle]	одуванчик	찝찝하다	[jjibjjibhada]	отвратительный
정의당	[jeong- uidang]	партия справедливости	누리끼리하다	[nulikkilihada]	пожелтеть
꿀벌	[kkulbeol]	пчела	제사하다	[jesahada]	помянуть умершего
명랑하다	[myeonglang hada]	радостный	배신	[baesin]	предательство
생생하다	[saengsaengh ada]	свежий	주의를 끌다	[juuileul kkeulda]	привлекать внимание
행복	[haengbog]	счастье	감기	[gamgi]	простуда
오리	[oli]	уточка	정신병	[jeongsinbye ong]	психическое расстройство
축제	[chugje]	фестиваль	얼룩	[eollug]	пятно
전기	[jeongi]	электричество	방사능	[bangsaneun g]	радиоактивность
열정하다	[yeoljeongha da]	энергичный	인종차별	[injongchaby eol]	расизм
활기	[hwalgi]	энергия	황증	[hwangjeung]	ржавчина
			초	[cho]	свеча

			유독 물질	[yudog muljil]	токсичные вещества
			걱정	[geogjeong]	тревожность
			백린	[baeglin]	Фосфорные боеприпасы
			심삼정	[simsamjeong]	чувства

**Цветообозначение «синий» 푸르다 [pureuda]/파랗다 [paratha]
(청색 [cheongsaek])**

Синий (позитивная ассоциация)	транскрипция	Перевод на русский язык	Синий (негативная ассоциация)	Транскрипция	Перевод на русский язык
바다	[bada]	море 29	없음	[eobs-eum]	нет 17
시원하다	[siwonhada]	прохладный 27	춥다	[chubda]	холодный 17
하늘	[haneul]	небо 19	우울증	[uuljeung]	депрессия 9
차분하다	[chabunhada]	спокойный 6	바다	[bada]	море 7
물	[mul]	вода 5	심해	[simhae]	глубокое море 6
청량하다	[cheonglyanghada]	светлый 3	심연	[sim-yeon]	бездна 4
자유	[jayu]	свобода 2	민주당	[minjudang]	партия демократов 3
정의	[jeong-ui]	справедливый 2	두려움	[dulyeoum]	страх 3
활발하다	[hwalbalhada]	активный	냄새나지	[naemsenaji]	воняет 2
파워에이드	[pawo-eideu]	внешний аккумулятор	슬픔	[seulpeum]	грусть 2
신뢰감	[sinloegam]	доверие	비	[bi]	дождь 2

우정	[ujeong]	дружба	억제	[eogje]	подавлять аппетит 2
여름	[yeoleum]	лето	어둡다	[eodubda]	темный 2
이재명	[Ijaemyeong]	Ли Чже Мен (кандидат в президенты от демократическ ой партии)	무극	[mugeug]	Бесконечность
세상	[sesang]	мир	창백	[changbaeg]	бледное лицо
심해수면	[simhaesumyeon]	морская поверхность	참백하다	[chambaeghad a]	бледный
구름	[guleum]	облако	큰노을	[keunnoul]	большие волны
태양	[taeyang]	океан	저체온증	[jeoche- onjeung]	гипотермия
쾌청하다	[kwaechyeonghad a]	поражение	심해 공포증	[simhae gongpojeung]	глубоководная фобия
진보	[jinbo]	прогресс	불행	[burhaeng]	горе
전라도	[jeonlado]	провинция Чолла	민주 주의	[minjujuui]	демократия
항강	[hang-gang]	река Хан	시림	[silim]	замерзший
낭만	[nangman]	романтика	혼란시키다	[honlansikida]	запутанный
신선하다	[sinseonhada]	свежий	차갑다	[chagabda]	ледяной
푸른빛	[puleunbich]	синева	오름	[olum]	ледяной
푸르다	[puleuda]	синеть	폭우	[pog-u]	ливень
정직	[jeongjig]	честность	민트초코	[minteuchoko]	мятный шоколад
맑은 물	[malg-eun mul]	чистая вода	침수	[chimsu]	наводнение
깨끗하다	[kkaekkeushada]	чистый	맛없다	[mas-eobsda]	невкусный
맑다	[malgda]	ясный	호수	[hosu]	озеро
			찌꺼기	[jjikkeogi]	осадок

			이염	[iyeom]	отит
			실수	[silsu]	ошибка
			슬픔	[seulpeum]	печаль
			정치	[jeongchi]	политика
			눈에뜬다	[nun-etwinda]	привлекать внимание
			붉은색반전	[bulg- eunsaegbanjeon]	противоположнос ть красному
			공허	[Gongheo]	пустота
			물고문	[mulgomun]	пытка водой
			눈물	[nunmul]	слезы
			저락	[jeolag]	спад
			유독성	[yudogseong]	токсичный
			불안	[bul-an]	тревога
			편리하다	[pyeonlihada]	удобный
			노권상	[nogwonsang]	упадок сил
			물에빠짐	[mul-eppajim]	упасть в воду
			고집세다	[gojibseada]	упрямый
			익사	[igsa]	утонуть
			냉혈	[naenghyeol]	хладнокровие
			해일	[haeil]	цунами
			독	[dog]	яд